

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
МУРМАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**О.Н. Иванищева, Ю.С. Митина**

**ЗООНИМИКОН  
КИЛЬДИНСКОГО ДИАЛЕКТА  
СААМСКОГО ЯЗЫКА**

**Учебный культурологический словарь**

МУРМАНСК  
2015

УДК 811.511.12'374  
ББК 81.622-4+81.006.3  
385

Печатается по решению Совета по научно-исследовательской работе и редакционно-издательской деятельности Мурманского государственного гуманитарного университета

Рекомендовано учебно-методическим советом МГГУ к использованию в учебном процессе (протокол № 1 от 29.09.2015 г.)

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках выполнения госзадания (проект «Язык и культура коренного малочисленного народа Кольского Севера: документация, функционирование и взаимодействие (на материале саамского языка)», № 55)*

**Авторы-составители:** **О.Н. Иванищева**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики ФГБОУ ВО «Мурманский государственный гуманитарный университет»;  
**Ю.С. Митина**, магистрант ФГБОУ ВО «Мурманский государственный гуманитарный университет»

**Рецензенты:** **Л.В. Гурленова**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики ФГБОУ ВО «Мурманский государственный гуманитарный университет»;  
**И.А. Разумова**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

**385 Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка : учебный культурологический словарь / авт.-сост. О.Н. Иванищева, Ю.С. Митина. – Мурманск: МГГУ, 2015. – 108 с.**

Словарь представляет лексику животного мира коренного малочисленного народа Кольского Севера – саамов в ее культурологическом аспекте. Предназначено для изучающих саамский язык, учителей саамского языка, исследователей, а также широкого круга пользователей, интересующихся проблемами языка, культуры, самосознания и самоидентификации этноса.

*Печатается в авторской редакции.*

ISBN 978-5-4222-0284-3

© Иванищева О.Н., Митина Ю.С., 2015

© ФГБОУ ВО «Мурманский государственный гуманитарный университет», 2015

# ПРЕДИСЛОВИЕ

## *Некоторые размышления по поводу современной лексикографической практики*

### **1. Активное и пассивное владение языком как задача учебной лексикографии**

Одной из заметных тенденций современной лексикографии является обращение к пользователю словаря. Учет его потребностей, интересов и опыта соответствует современным требованиям к лингвистической науке вообще. Антропоцентрическая тенденция в развитии современной научной мысли, а также когнитивный подход к языку предполагают обращение к человеку как носителю данного языка и культуры. Как однократно подчеркивалось в специальной литературе, в настоящее время важной становится задача создания словаря активного типа.

Вопрос о словарях, которые используются для encoding и decoding (активный и пассивный словарь), возникает практически в каждой лексикографической работе (см., напр.: Landau 2001: 9).

Для Л.В. Щербы, например, было очевидно, что для каждой пары языков нужно два объяснительных (толковых) иностранно-национальных словаря – для русских с объяснениями на русском языке, а для иностранцев – на их соответственных языках. Эти четыре словаря для каждой пары языков дали бы, по мнению Л.В. Щербы, возможность читать и понимать иностранные книги, а также познакомиться с истинной физиономией иностранных слов (РФС: 7). Деление двуязычных словарей на словари активного (русско-иностранный для русского пользователя, например) и пассивного (иностранно-русский для русского пользователя) типа определяет их задачи. О пользе создания французско-английского словаря для американцев и французско-английского словаря для французов пишет, например, С. Ландау (Landau 2001: 9).

Как утверждает Л.В. Щерба, основной противоположностью в методике обучения иностранным языкам является противоположение обучения активному владению языком и обучения пассивному владению языком. Л.В. Щерба писал: «Преподаватели, полагаящие, что читать можно научиться только в меру владения разговорным языком, незаметно для себя попадают в ложный круг: для того, чтобы выучиться читать книги, нужно научиться говорить, но оказывается, что для того, чтобы научиться говорить, нужно много читать» (Щерба 2002: 99).

По словам В.Г. Гака, задача пассивного словаря – раскрыть значение слова, тогда как нужный перевод в условиях конкретного контекста может найти сам читатель, опираясь на свою компетенцию в области родного языка. Обращаясь же к словарю активного типа, читатель ищет не разъяснения значения переводимого слова (он его и так знает), а указаний, которые по-



зволили бы ему найти точный эквивалент в языке-цели (Гак 1995: 53). Словарь активного типа поэтому должен представлять такую характеристику слова, которая позволит не только понять его в заданном контексте, но и правильно употребить в собственной речи (Апресян 1999: 7). При этом в основном имеется в виду грамматический и семантический аспект проблемы. Словарь активного типа, по мнению, например, В.Г. Гака, должен показывать различные семантические и грамматические изменения, которые происходят со словами при переходе от языковой системы в речь (Гак 1995: 53–54).

Создатели «Толково-комбинаторного словаря русского языка» И.А. Мельчук и А.К. Жолковский (ТКС) отмечали активный характер своего словаря, имея в виду, что их словарь – это словарь синтеза, ориентированный главным образом на потребности говорящего (пишущего).

Идеи Л.В. Щербы претворились в том числе в создании активного словаря русского языка (Т. 1–2), теоретические основания которого представлены в монографии «Перспектив активнаго словаря русскаго языка» (ПАСРЯ). По мнению Ю.Д. Апресяна, основная формула пассивного словаря – много слов, минимальная информация о каждом слове, достаточная для его понимания в произвольном контексте. Основная формула активного словаря – существенно меньше слов, но по возможности полная информация о каждом слове, необходимая для его правильного употребления в собственной речи говорящего. Решение этой задачи достигается помещением в словарь возможно более полной информации обо всех существенных для правильной речи сторонах слова, – его формах и значениях, его стилистических, синтаксических и сочетаемостных свойствах в разных значениях, прагматических условиях его употребления, его синонимах, антонимах, конверсивах, дериватах, аналогах и тематически связанных с ним словах, образующих его «лексический мир», о фраземах, в состав которых оно входит, и т.п. Внимание авторов активного словаря русского языка сосредоточено на представлении такой информации, которая содержала бы сведения о контекстуальном употреблении слова и о его семантических связях с другими словами в словаре данного языка (ПАСРЯ: 18–19).

«Активный» характер словарей, т.е. содержание в словарной статье наиболее полной информации о слове, включающей парадигматический и синтагматический аспект, зону лексической и синтаксической сочетаемости, позволяет в новейших исследованиях вновь обратиться к проблеме включения энциклопедической информации в зону словарной дефиниции (см., напр.: Григорович 2013).

Типология словарей в современной лингвистике представлена достаточно подробно<sup>1</sup>. Но до сих пор уточняются критерии, лежащие в основе

<sup>1</sup> Описание основных типов словарей см., напр.: Гак 1990б; Девкин 2000; Дубичинский 1995; Козырев, Черняк 2000; Козырев, Черняк 2004; Лесников 2002; Лиханова 2010; Новиков 1973; Протченко 1996; Сороколетов 1978; Ступин 1985; Цывин 1978; Lexicography 1983; Malmgren 1994 и др.



классификации, в последнее время, например, в связи с разграничением типа и жанра словаря<sup>1</sup>. В современной зарубежной лексикографии учитываются следующие параметры при классификации словарей: язык (одноязычный, двуязычный, мультязычный словари); аспект (язык в целом; энциклопедические и культурные сведения; терминология, подтип; специфическая область языка (разговорный, идиомы и т.д.)); размер словаря (стандартный, сокращенный, карманный); форма издания (печатный, электронный, он-лайновый); организация словаря (в русскоязычной традиции – семасиологический, ономасиологический. – О.И.); язык пользователя (для носителя языка, для носителя и не-носителя языка, для изучающих язык); навыки пользователя словаря (лингвисты и другие профессионалы, взрослые, школьники, дети, изучающие язык); цели пользователя словаря (декодирование (понимание значения слова, перевод с иностранного на родной язык) и кодирование (правильное использование слова, перевод с родного на иностранный язык, преподавание языка)) (Atkins, Rundell 2008: 24–25).

Согласно лексикографической традиции словари в первую очередь делятся на лингвистические и энциклопедические.

Словарь понятий, как иногда называют энциклопедический словарь, дает полное *описание предметов* и явлений, объясняет их строение и назначение. Словари слов дают сведения о словах, т.е. об их *значениях* и *употреблениях*.

Это краткое представление обнаруживает самое общее различие лингвистических и энциклопедических словарей.

Обычно количество параметров, по которым противопоставляется словарь и энциклопедия, гораздо больше: энциклопедия характеризует слово с точки зрения его соотнесенности с экстралингвистической реальностью, словарь – с точки зрения соотнесенности с другими словами языка; энциклопедия сообщает точные (объективные) данные о вещах, словарь же представляет собой компендиум этнонаучного и субъективного знания<sup>2</sup>, знания о поверхностных проявлениях свойств вещей, т.е. энциклопедия дает научные определения слов, словарь приводит их «бытовое» понимание<sup>3</sup>; энциклопедическая информация избыточна, словарная включает только необходимые сведения<sup>4</sup>.

С.Д. Кацнельсон, различая формальное и содержательное понятия, видит разницу между толковым и энциклопедическим словарем в том, что в части понятийного содержания толковые словари дают лишь минимальные сведения о предмете, в узких границах формального понятия, тогда как энциклопедические словари призваны дать содержательное понятие о нем, как оно предстает в свете современной науки (Кацнельсон 2004: 19).

<sup>1</sup> См., напр.: Алешина 2002, Максимчук 2003.

<sup>2</sup> Ср.: Верещагин, Костомаров, Морковкин 1978: 11.

<sup>3</sup> Ср. известное замечание Л. В. Щербы о «прямой» (Щерба 1974: 280).

<sup>4</sup> Розина 1988: 257–258.



При обсуждении вопроса, чем отличаются структура дефиниции в толковых и энциклопедических словарях, отмечены попытки представить эту разницу в наличии/отсутствии предметной части (Плотникова 2000); в ориентации на разные стороны предметов (наглядную, чувственно-воспринимаемую в толковом словаре и ту сторону действительности, которая хорошо воспринимается только подготовленными лицами) (Киселевский 1979: 97); в отражении элементов обыденного/научного знания (Щерба 1974: 280–281; Верещагин, Костомаров 1980: 232–238); в общеизвестности/необщеизвестности перечисленных в дефиниции признаков (Стернин 1982: 15); в наличии/отсутствии культурологических сведений (Берков 1976).

Не останавливаясь подробно на дискуссиях по поводу правомерности деления словарей на лингвистические и энциклопедические<sup>1</sup>, отметим, что такое четкое на первый взгляд разграничение вызывает много сомнений, например, по поводу того, как отделить логическое определение понятия и толкование значения слова (Киселевский 1979; Комарова 1991; Уфимцева 1994), т.е. провести границу между «объяснением предмета и объяснением называющего его слова» (ТСУ: XXIV), разграничить слова в их значениях и обозначаемые ими предметы (Гак 1988: 120), дать определение слова, не опирающееся на сведения об экстралингвистической реальности, но построенное только на основе отношения слова к другим словам языка (Розина 1988: 258). В действительности же грань, отделяющая значение слова от предмета, им обозначенного, трудно проводима, как отмечал еще Д.Н. Ушаков<sup>2</sup>.

Тем не менее русская академическая лексикография, как утверждает Ф.П. Сороколетов, с самого начала строилась на достаточно отчетливом разграничении задач энциклопедических и филологических словарей (Сороколетов 1978: 35).

Во вступительной статье первого советского толкового словаря под редакцией проф. Д.Н. Ушакова особо подчеркивается, что, как и все предыдущие словари, «Толковый словарь» не энциклопедический, а филологический, и к нему нельзя предъявлять тех требований, которым должны удовлетворять энциклопедические словари (ТСУ: XXIII).

Эта позиция отмечается и во многих современных словарях. Так, в статье «От редакции первого издания» в БАС-2 указано, что «Словарь дает филологические (не энциклопедические) толкования слов» (БАС-2: 19), а в «Сведениях, необходимых для пользующихся словарем», составленных С.И. Ожеговым, подчеркивается, что от словаря нельзя требовать сведений для всестороннего знакомства с самим называемым предметом» (СОШ: 6). В предисловии к РСМС-1 отмечается, что «дефиниция (определение значения) слова является краткой, в ее составе отсутствуют какие-либо энциклопедические сведения» (РСМС-1: XX).

<sup>1</sup> См. об этом подробнее: Комарова 1991; Проблематика определений терминов в словарях разных типов 1976 и др.

<sup>2</sup> Об этом см. также: Будагов 1989: 18–20; Гак 1988; Комарова 1991 и др.



Другая тенденция – введение в словарную статью сведений энциклопедического характера – отмечена в первую очередь для зарубежной лексикографии<sup>1</sup>. Такая синкретичность обусловлена не только традицией и запросами читателей<sup>2</sup>, но иногда и особенностями языка, например японского<sup>3</sup>.

Русская лексикографическая традиция, осознавая опасность смешения принципов энциклопедического и обычного словаря (Щерба 1974: 292), все же пришла к мысли о необходимости историко-культурного комментария, правда сначала в области исторических словарей<sup>4</sup>. Еще И.И. Срезневский, рассуждая о хорошем общем словаре, указывает на обязанность лексикографа «объяснять понятия, заключающиеся в словах, сводить для этих объяснений факты историко-этнографические», а Словарь Академии Российской, по мнению ученого, был в некотором отношении и краткой энциклопедией, так как «все слова в нем истолкованы *объяснением* самих понятий» (Срезневский 1986: 58, 77).

Б.А. Ларин в работе «Проект древнерусского словаря» ставил задачу «расширить и пополнить узко-филологическую обработку материала <...> экскурсами реально-энциклопедического характера, привлечением данных истории материальной культуры, хозяйства, общественного строя и истории мировоззрений русского средневековья» (Ларин 1977: 120).

Развивая принципиальные положения Л.Л. Кутиной и Ю.С. Сорокина об историческом дифференцированном словаре русского языка XIX века, авторы «Проекта Словаря русского языка XIX века» считают, что новый тип Словаря связан с потребностью широкого включения сведений энциклопедического характера в словарную статью, хотя оговариваются, что такие сведения будут излагаться не в толковании значения слова, а в специальном комментарии (Словарь русского языка XIX века 2002: 3, 136).

Объединение признаков лингвистических и энциклопедических словарей на современном этапе развития теоретической и практической лексикографии все больше и больше воспринимается как естественное<sup>5</sup>.

Еще Л.В. Щерба видел противоречия и трудности однозначного разделения словарей на типы: «На вопрос, как же надо поступать, я не задумываясь отвечаю: надо делать два словаря, один – нормативный, а другой справочник <...>. Если нельзя сделать двух словарей, надо вступить на путь компромиссов, четко их оговаривая» (Щерба 1974: 276).

В работах по лексикографии активно обсуждается вопрос, нужно ли отражение энциклопедических, культурно-исторических и этнолингвистических сведений в толковых и переводных словарях и какое место они

<sup>1</sup> Ср., напр., английскую, итальянскую, персидскую и французскую лексикографию.

<sup>2</sup> См. об этом: Еремия 1980, 1984; Малаховский, Еремия 1997; Рубинчик 1991; Сафонкина 1983; Ступин 1985; Уваров 1979; Халифман 1978; Euralex' 96: 408.

<sup>3</sup> Алпатов 1987.

<sup>4</sup> Виноградов 1977: 211.

<sup>5</sup> Гак 1987.



должны занимать в структуре словарной статьи<sup>1</sup>. А введение энциклопедической информации в словарную статью – тенденция, прослеживаемая во многих типах современных словарей: не только исторических<sup>2</sup>, лингвострановедческих<sup>3</sup>, но и толковых<sup>4</sup>, двуязычных<sup>5</sup>.

Категоричность высказывания о том, что «к словарям обращаются, чтобы получить справку о языке и правильно пользоваться им, к энциклопедиям – чтобы получить справку о действительности и расширить круг знаний о ней» (Котелова 1976: 30), в современной лексикографической практике вызывает вполне понятные возражения<sup>6</sup>.

У создателей новых словарей, в частности русского языка, введение энциклопедической информации в дефиницию уже не вызывает сомнений. Так, в проекте «Новый толковый словарь русского литературного языка с расширенными сведениями о слове» (НТСРЯ) авторы – сотрудники отдела грамматики и лексикологии Института русского языка РАН – предполагают представить словарный состав русского литературного языка как отражающий национальный образ мышления, национальное видение мира и национальную языковую картину мира (НТСРЯ: III). Одной из особенностей словаря является включение в печатный вариант словаря краткой энциклопедической информации о слове, его отдельном значении или связанном с ним фразеологическом выражении и более полной информации в электронной версии словаря (Григорович 2013: 284).

Расширение словарной статьи за счет, например, введения энциклопедической информации также вызывает дискуссии. Объем словаря не безграничен. Развитие электронной лексикографии снимает, как кажется на первый взгляд, эту проблему. Но расширение объема дефиниции должно быть оправданным, иначе «мы должны четко осознавать разницу между тем, что мы делаем, потому что мы можем и потому что это будет действительно необходимо пользователю»<sup>7</sup> (Atkins, Rundell 2008: 23).

<sup>1</sup> Берков 1975; 1982; Гак 1988; 1994; 1995; Герд 1997; Денисова 1987; Ковтун 1980; Козырев, Черняк 2004: 33; Кузнецова, Сороколетов 1997; Малаховский, Еремия 1997; Мартинович 1997; Плотникова 2000; Стернин 1986; Leech 1974: 204; Møller 1959: 53–55; Nordiske studier i leksikografi 1991; Understanding the Lexicon 1988: 73–84 и др.

<sup>2</sup> Елистратов 2004, Словарь языка XIX века 2002.

<sup>3</sup> Денисова 1978, РФ, РППКВ, ХК, Харченкова, АЛС, АНЗ, Американа, АСРКТ, Великобритания, ИЛС, ЛСВ, ГСЯ, ГЛСС, НРИЛС, РАКС, СШАЛС, Франция и др.

<sup>4</sup> ЖРГ, БТС, СПЦК.

<sup>5</sup> РНС-2, БНРС.

<sup>6</sup> Ср. замечание в предисловии к БТС: «Для того чтобы у читателей не возникало досадного желания обратиться к другому справочнику в поисках дополнительных разъяснений, многие словарные статьи (в БТС. – О.И.) сопровождаются краткими энциклопедическими справками» (БТС: 3).

<sup>7</sup> We need to be clear about the difference between doing things just because we can, and doing them because they will be of real value to the user (здесь и далее перевод с английского и шведского языков мой. – О.И.)



## 2. Пользователь словаря

«Поворот» к пользователю в современной практической лексикографии совершился. Проф. В.П. Берков выделяет два принципа в работе над двуязычным словарем: *максимум информации на минимуме места* без ущерба для интересов пользователя и *максимальный учет интересов читателя* (БНРС: 13)<sup>1</sup>. Не случайно типологию словарей иногда связывают с типами читательских запросов к ним (Апажев 1998).

Удобство для пользователя словаря включает в себя, согласно традиционной точки зрения, разные аспекты: прежде всего это удобство поиска информации. Авторы «The Oxford Guide to Practical Lexicography» Б.Т. Аткинс и М. Рундел отмечают, что при составлении словарей необходимо учитывать ограниченность объема и словаря и то, что словарь – это своеобразная экосистема, в которой все части взаимосвязаны (Atkins, Rundell 2008: 20). Если у вас есть четкое представление, кто ваш пользователь и чего он ждет от словаря, у вас есть хорошая возможность достичь баланса между типом словаря и нуждами пользователя<sup>2</sup> (Atkins, Rundell 2008: 23).

Идея Л.В. Щербы об активном и пассивном словаре востребована зарубежной лексикографией. В классическом учебнике по лексикографии шведского ученого и составителя словарей Б. Свенсена «Руководство по лексикографии: принципы и методы составления словарей» (Svensén 1987) рассмотрены потребности пользователя словаря. Б. Свенсен указывает, что существует 4 основных типа использования языка, а значит, потребности в словарях: чтение, письмо, восприятие на слух и говорение. При этом потребность в использовании словаря также различные – это значение слова, правописание, произношение, синонимы, сфера использования слова и этимология.

При использовании словарей на родном языке пользователя, например, толковый словарь данного языка для носителя данного языка, актуализируются разные потребности: при чтении на родном языке словарь не будет востребован пользователем для того, чтобы узнать написание слов и сочетаемость слов, т.к. это уже есть в тексте. В данном случае пользователь словаря будет искать значение слов и выражений. При необходимости письма на данном языке пользователь языка – носитель данного языка будет искать грамматические признаки слов, а также особенности их употребления (стилистические особенности), а значение слов и выражений будет востребовано, если пользователь словаря сомневается в своем знании этого значения. При такой сфере речевой деятельности, как восприятия на

<sup>1</sup> См. также: Берков 2004: 4, 222; о принципе «максимум информации при минимуме места»; см. также: Попова 2000.

<sup>2</sup> If you have a clear idea of who your user is and what they want from their dictionary, you stand a good chance of achieving the right fit between dictionary type and user need.



слух и говорение на родном языке, носитель языка будет нуждаться в словаре родного языка в меньшей степени.

При использовании двуязычного (переводного) словаря важно, с какого языка на какой переводит словарь: с родного на иностранный или наоборот. Если, например, швед переводит с французского на шведский, то информацию о структуре языковых конструкций, сфере использования слов и словосочетаний, стилевых характеристиках шведских слов и выражений он не будет искать в словаре. Произношение французских слов, наоборот, его будет интересовать только при устном переводе. Грамматические характеристики слов французского языка будут востребованы пользователем словаря при переводе на французский язык. То же происходит при наличии нескольких переводных эквивалентов в словарной статье: при переводе на шведский пользователь-носитель шведского языка в выборе нужного слова будет меньше сомневаться, тогда как при переводе на французский язык шведу выбор синонимов в словарной статье будет очень важен. Поэтому, утверждает Б. Свенсен вслед за Л.В. Щербой, для пользователя нужно 4 переводных словаря: для шведов – пассивный словарь для понимания французского текста и активный словарь для воспроизводства французского текста; для французов – пассивный словарь для понимания шведского текста и активный словарь для воспроизводства шведского текста. Это вроде как само собой разумеется, но, по мнению Б. Свенсена, применяется составителями словарей несистематически. Причиной тому часто является тот факт, что издание четырех словарей невыгодно. Поэтому производство, например, француско-английского словаря предполагается для французов, которые воспроизводят текст по-английски, и для англичан, которые читают текст по-французски. Зачастую словари (француско-английский и англо-французский, например) объединяются в один том, рискуя при этом «сидеть на двух стульях» и не достигать нужной цели. Для словарей «малых» языков, как шведский, вариант 4 словарей вряд ли возможен, потому что создание таких словарей занимает много времени и требует больших финансовых затрат.

При создании толковых словарей иностранного языка все типы информации востребованы пользователем, т.е. написание, произношение, сочетаемость слов и их произношение. Есть некоторые отличия словарей, которые предназначены для носителей языка и для тех, кто этот язык изучает. В последнем случае в большей степени востребована информация о грамматических характеристиках слова, его сочетаемостных свойствах и сферах употребления, в том числе стилевые характеристики. В обоих случаях важно учитывать, что толкование значения слов в словарной статье должно соответствовать уровню языка пользователя словаря, в противном случае он это толкование не поймет.

При создании словарей иностранных слов с информацией на иностранном и родном языке пользователя особые трудности возникают, если



пользователь такого словаря – изучающий язык, потому что часть информации может быть уже на иностранном языке, а часть еще должна быть на родном языке пользователя. Такие словари издаются в Швеции в рамках проекта LEXIN (“Lexikon för invandrare” – словарь для иммигрантов) (см., напр.: LEXIN; SRL – LEXIN).

Б. Свенсен приводит интересные факты о типах запросов пользователей словаря в зависимости от сфер применения языка. Исследование D.K. Barnhart (1962), H. Béjoint (1981) и R.R.K. Hartmann (1983) показало, что толковые словари родного языка нужны пользователю прежде всего для поиска значения слова, затем для определения правописания, произношения, синонимов, сферы употребления и этимологии слова. Толковые словари иностранного языка – для определения значения слова, затем для уточнения его грамматических характеристик, поиска синонимов, правописания, произношения, синонимов, сферы употребления и этимологии слова, а двуязычные словари (с иностранного языка на родной) – для определения значения слова, затем для уточнения его грамматических характеристик, сочетаемости слова (контекста употребления), поиска синонимов, правописания, произношения, синонимов, сферы употребления и этимологии слова. D.K. Barnhart в своем исследовании обнаружил, что в толковых словарях родного языка пользователи чаще всего ищут идиомы и слова из разных сфер человеческой деятельности («энциклопедические»), но почти никогда общеупотребительные знаменательные и служебные слова. R.R.K. Hartmann подчеркивает, что в двуязычных словарях (с иностранного языка на родной) пользователи чаще всего ищут служебные слова и культурно-коннотированную лексику (слова-реалии, безэквивалентные слова). Лишь 50% пользователей ищут в таких словарях общеупотребительную лексику. Результаты исследования H. Béjoint удивили Б. Свенсена: получается, что толковые словари иностранного языка используются «пассивно», потому что пользователи прежде всего интересуются категориями слов, которые востребованы в «пассивном» использовании языка, т.е. не для воспроизводства, а для чтения (идиомы, «энциклопедические» слова, культурно-коннотированная лексика, аббревиатуры и слэнговые выражения) (Svensén 1987: 10–16).

Учет запросов пользователя словаря определяет такие координаты типологии словарей, как психологическая и социологическая. Психологическая координата типологии словарей напоминает о том, что словарное описание не может не учитывать свойств и особенностей человека, для которого оно собственно в первую очередь и предназначается. В современную эпоху возникла необходимость создания словарей для системы «человек-машина». Именно в этом противопоставлении ярко выявляется человеческая природа психологической координаты типологии словарей. Одна эта координата, по мнению П.Н. Денисова, выделяет три типа словарей: для носителей языка, для иностранцев, для ЭВМ. По возрастным особен-



ностям своей психики дети дошкольного и школьного возраста также нуждаются в особых словарях (имеются в виду словари картинные). Социологическая координата при взаимодействии с психологической заставляет лексикографа учитывать психологические особенности не только абстрактного человека, но и конкретного, и прежде всего человека социально-го, представителя данной культуры, данного общества, носителя данного языка (Денисов 1980: 210–211).

Основой для описания слов в словаре является ориентированность на адресата. Адресат, т.е. пользователь словаря, представляет собой некую универсальную единицу, идеализированную в сознании составителя словаря. Из принципов, предложенных П.Н. Денисовым, – стандартности, экономности, простоты, полноты – самый расплывчатый – эффективность описания именно потому, что он связан со стремлением к построению словарной статьи в алгоритмической форме с тем, чтобы в словаре активного типа (в словаре для синтеза речи) прочтение словарной статьи приводило к правильному употреблению описываемого слова в речи, а в словаре пассивного типа (в словаре для анализа речи) давало возможность точного понимания слова в контексте (Денисов 1980: 215).

В «The Oxford Guide to Practical Lexicography» представлены типы пользователя словаря. Авторы утверждают, что путь к созданию востребованного словаря – это изучение пользователя, его запросов и навыков. Нужно очень отчетливо представлять, *кто будет использовать словарь, с какой целью и какие навыки будут нужны пользователю данного словаря*. Чтобы отнести пользователя к той или иной группе, нужно знать ответы на следующие вопросы:

*тип пользователя* – к какой из следующих групп пользователь принадлежит – взрослый, ребенок или школьник? если это изучающий язык, то он начинающий, продолжающий изучать язык или находится на продвинутом этапе? обычный пользователь или специалист (тогда какой отрасли)? каковы цели пользователя словаря – учебные, личные или профессиональные?

*тип использования*: общие цели (поиск значений незнакомых слов, проверка орфографии или произношения, составление кроссвордов); изучение определенного предмета; изучение языка; перевод с одного языка на другой; создание текстов на языке; подготовка к письменному или устному экзамену;

*тип навыков, которыми уже владеет пользователь словаря*: знание особенностей лексического и грамматического строя языков вообще и данного языка (языков) в частности; умение пользоваться словарями вообще.

Очень важно иметь информацию о том, что делают потенциальные пользователи словаря, когда они обращаются к словарям, что им нравится, а что не нравится в словарях, чего они ждут от словарей. Такие исследова-



ния полезно проводить издателям, учителям, вузовским ученым и лексикографам. Мониторинг может осуществляться разными способами, например созданием сайтов для пользователей разных типов (Atkins, Rundell 2008: 28–33).

С. Ландау подчеркивает значимость учета статуса пользователя, выделяя, что для одноязычного словаря важно, кем он востребован: для носителя языка, для изучающего язык в стране, где изучаемый язык широко распространен как родной для части населения или как лингва франка, или для изучающих данный язык как иностранный (Landau 2001: 8).

Ведущая роль адресата словаря становится ведущим критерием при анализе и создании словарей. Так, в проекте, финансируемом РГНФ, под руководством проф. В.Д. Черняк «Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей» (2015–2016, № 15-04-00318) планируется анализ существующих типов словарей на основании социокультурных факторов, прежде всего – фактора адресата (<http://www.rfh.ru/index.php/en/grant/isintegr>). Для учебных словарей учет фактора адресата – первоочередная задача.

### 3. Учебная лексикография

В зависимости от задач издания, в связи с учетом адресата выделяются иллюстрированные, учебные словари, словари, обладающие рекомендующей (предписывающей) направленностью и описательные (Леденева 2008: 5).

Основы теории учебной лексикографии были разработаны в докторской диссертации В.В. Морковкиным (Морковкин 1990). В.В. Морковкин отмечает основной (конституирующий) признак учебного слова – его обязательная обучающая направленность, а в связи с этим постоянная ориентация на адресата (Морковкин 1990: 9). В.В. Морковкин выделяет принципы, на которых строится антропоцентрическая лингвистика, в том числе принцип ориентации на последующую семантизацию рассматриваемого языкового материала, что подразумевает требование акцентировать не онтологическую, а «потребительскую» ценность языковых объектов (Морковкин 1990: 13).

Учебные словари принято разделять на 2 группы по их адресату: 1) словари для иностранцев (для тех, кому данный язык иностранный/неродной); 2) словари для носителей языка, осваивающих свой язык как учебную дисциплину (детский и школьный возраст). Б. Свенсен включает эти типы словарей в разные группы словарных противопоставлений: словари для общего пользования – словари для обучения; словари для взрослых – словари для детей. Специфика словарей для обучения состоит в том, что пользователи таких словарей имеют ограниченные возможности

использования содержания словарей. Задача словарей для обучения – быть эффективным вспомогательным средством коммуникации. Словари для детей не должны быть просто сокращенным вариантом словарей для взрослых (Svensén 1987: 20).

Процедура нахождения базовых слов для учебных словарей достаточно отработана – это учет частотности употребления слова в языке. Однако опыт английской лексикографии показывает, что этот принцип не всегда соблюдался. Как отмечает Л.П. Ступин, словарь-минимум Огдена состоял из 850 слов и был составлен не на основе частотности употребления слов, а на основе неких логических, философских и психологических принципов. Огден считал, что не частотность слова определяет его полезность, а, наоборот, полезность слова делает его частотным (Ступин 1985: 121).

Важное качество учебных словарей (*learner's dictionary*) издательства COBUILD, по словам Л. Згуста, – это удобная для пользователя дефиниция (*user-friendly definition*). Это удобство, по Л. Згуста, выражается в разных аспектах, в том числе как формулирует создатель словаря определение слова. Например, вместо того, чтобы сформулировать дефиницию для слова *scold* (ругать) более формально, автор использует конструкцию с *you* (If you scold someone, you speak angrily to them because they have done something wrong). Еще одно отличительное свойство удобной дефиниции словарей COBUILD – это ориентация на жизненный опыт носителя языка, на его знание мира. Если здание определять как структуру с крышей и стенами, а пирамиду как древнее каменное здание, то это означает, что составитель словаря опирается на знания пользователя о том, что часть зданий имеет крышу, а часть нет и что пирамида крыши не имеет. Так Л. Згуста выходит на проблему представления прототипического образца в дефиниции словаря (Zgusta 1992: 4–5; см. об этом также Atkins, Rundell 2008: 419). Для учебного словаря важно, по мнению С. Ландау, не только то, что слово обозначает, но и как его использовать (Landau 2001: 9).

Учебным словарем П.Н. Денисов считает лишь такой словарь, в котором минимальная лексическая система, составляющая его словник, в состоянии выполнить четыре функции: учебную, систематизирующую, справочную и нормативную (Денисов 1980: 209).

Типы и жанры учебных словарей могут быть различными. Они являются типологически различными и иллюстрируют следующие оппозиции: одноязычные – двуязычные; алфавитные – тематические; словари для общих целей – словари для специальных целей, словари пассивного типа – словари активного типа (Петрушова 2009: 4–5), а новое поколение учебных словарей совмещает различные элементы традиционных словарей, содержащие разнообразную, необходимую информацию для реализации акта познания и коммуникации в различных ситуациях. Основные составляющие микроструктуры, например, британских учебных словарей дают подробное представление о слове и его современном употреблении и помога-



ют адекватно воспроизвести мысль в определенной ситуации; состав лексикографической информации учебных словарей включает в себя различные элементы традиционных словарей, а словарная, звуковая и визуальная формы слова представлены в словарной статье применительно к различным уровням языковой структуры слова; словарные статьи в новом поколении учебных словарей в отличие, например, от обычных переводных, где дается только переводной эквивалент, воссоздают многослойное полотно жизни и культуры иноязычных обществ, которые зафиксированы в языковом сознании носителей языка (Пименова 2009: 90). По мнению составителей словарей и исследователей учебной лексикографии, основополагающим принципом создания системы серийных толковых словарей является градуальность, т.е. постепенное усложнение в подаче лексикографического материала. Невозможно создать идеальную серию учебных толковых словарей, которая бы решала все задачи сразу, в частности, могла бы удовлетворить любые потенциальные запросы читателя и была бы одновременно простой и легкой в обращении. Необходимы аспектные словари узкой специализации (синонимические, фразеологические, этимологические и т.п.) или альтернативные полиаспектные (толковые) словари, в основе которых лежат разные концепции (Семейн 1990: 3).

#### 4. Культурологическая лексикография

В лексикографии нет единства в понимании термина *культурологический словарь*.

В зарубежной лексикографии существует тип словарей под названием *cultural dictionary*, который является собирательным термином для обозначения справочников (*reference works*), которые являются как результатом культурной практики (*cultural practice*), так и посредниками по ее распространению (*agents of its promotion*) (Hartmann, James 1998: 50).

Авторы «Лексикографического словаря» Р. Хартман и Дж. Джеймс понимают термин *культурологический словарь* широко. По их мнению, в состав *культурологических словарей* входит DELC, цель которого, как пишут авторы, помогать изучающим английский язык понимать слова и фразы, составляющие комплексное содержание английской жизни и культуры<sup>1</sup>. Для этого в текст словарной статьи вводится *Cultural Notes*, дающие детальную информацию об ассоциациях, которыми обладают слова носителей английского языка (они дают детальную информацию об ассоциациях, которые слова вызывают у носителей английского языка)<sup>2</sup>. Это культу-

<sup>1</sup> To help students of English to understand the words and phrases that make up the complex fabric of English-speaking life and culture (DELC).

<sup>2</sup> The Cultural Notes gives detailed information about the associations that words have for native speakers of English (DELC).



рологический словарь страноведческого типа. Он предназначен для носителей языка (изучающих язык).

Наряду с DELC в качестве культурологического назван и *the Dictionary of Cultural Literacy* (E.D. Hirsch et al.) (DCL), в основу которого положен принцип «минимума культурной грамотности» американцев (СШАЛС: 5) и который представляет сведения о реалиях разных стран. Это культурологический словарь энциклопедического типа. Он предназначен для носителей языка и фиксирует необходимую для каждого «культурного» человека информацию.

Русский аналог такого словаря описан в рамках проекта «Словарь культурной грамотности как средство формирования культурной грамотности россиян и интеграции мигрантов в российский социум» (руководитель проекта – Г.Г. Слышкин). Как отмечает автор, это будет лингвокультурологический словарь нового типа, сочетающий традиционную словарную структуру с комплексом методических рекомендаций по применению словарных данных в процессе образовательной деятельности. Словарь будет предназначен для российских школьников и мигрантов и отвечать следующим критериям: сочетание лингвистической и энциклопедической информации как основа микроструктуры словаря, идеографический принцип расположения словарных статей, наличие разветвленной системы гипертекстовых связей между статьями, использование лексикографических иллюстраций, относящихся к ограниченному хронологическому периоду (конец XX – начало XXI века) (Слышкин 2014: 177).

В русской лексикографической практике статус культурологических словарей не определен. Проф. В.В. Колесов, например, культурологическим словарем называет словарь понятий, несущий в себе потенциально большой объем сведений самого разного характера (Колесов 2003: 217). Широкое понимание культурологических словарей достаточно распространено.

Появившийся в последнее время в учебной литературе термин «лингвокультурологические словари» по своему содержанию мало чем отличается от термина «культурологический словарь». Если «культурологическими словарями называют словари и справочники, посвященные как специфическим явлениям материальной и духовной культуры, так и соответствующим реалиям и концептам, рассмотренным в их развитии, изменении» (Шимчук 2003: 198), то лингвокультурологические словари определяют как результат интегрирования различных областей гуманитарного знания, представление в лексикографической форме содержания культурных феноменов. Подчеркивается значимость в этих словарях энциклопедической информации и выявление семантического потенциала слова, аккумулирующего культурную память народа (Козырев, Черняк 2000: 290). Среди культурологических словарей, форма которых отличается особой вариативностью, выделяются и справочники, подготовленные историками и эт-



нографами XIX века («Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками» А.В. Висковатова, «Описание старинных русских утварей, одежд, ратных доспехов и конского прибора» П. Савваитова), и словари русского быта и славянской и русской культуры, составленные в наше время («Российский историко-бытовой словарь» Л.В. Беловинского, «Словарь гуманитария» Н.К. Рамзевича, «Славянские древности», словари Г.Н. Складневской, Ю.С. Степанова, В.П. Руднева и др.) (Шимчук 2003: 198–203). Состав лингвокультурологических словарей ограничен только изданиями современных авторов. Среди них называются «Словарь православной церковной культуры» Г.Н. Складневской<sup>1</sup>, «Словарь русской традиционной духовности» В.В. Морковкина, «Словарь русской культуры» Ю.С. Степанова, «Словарь культуры XX века» В.П. Руднева и др. (Козырев, Черняк 2004: 262–264).

Культурологическим словарем назван его авторами РАКС, которые, противопоставляя этот словарь лингвострановедческому, признают за ним статус двуязычного русско-английского словаря. И хотя грамматическая характеристика русского слова в нем присутствует (указаны род существительных, число у существительных *pluralia tantum*), по сути своей это словарь *страноведческий*, так как представляет культурные реалии и события русской истории (РАКС: 5) с учетом ориентации на знание *не-носителя* языка/культуры.

РБК определяется автором как лингвокультурологический (см. подзаголовок к словарю – «Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка») или этнолингвистический, т.к. объектом описания в словаре является не слово как таковое, а культурная реалья. Поэтому словарная статья «содержит энциклопедическое толкование, ориентированное на осознание этой реалии в языковой картине мира башкирского народа» (РБК: 7–9).

По нашему мнению, этот словарь, как и РАКС, логичнее считать словарем страноведческим. РБК и РАКС содержат все признаки этих словарей: ориентация на знания пользователя-не-носителя языка, что отражается в составе словника, наличии переводных эквивалентов, а также отборе информации в содержании словарной статьи.

Принципиальное отличие своего словаря от лингвострановедческого видят и авторы лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство». Опираясь на понятие лингвокультурологии, отраженном в работах В.Н. Телия, они считают, что лингвострановедческие концепции ориентированы на исторический план фонового знания, а лингвокультурологический анализ заключен в извлечении из образа его действенной культурной значимости. Поэтому, по мнению авторов, этот словарь призван выполнять фиксирующую и ориентирующую функцию (РКП: 7–10). Но ответ на вопрос о пользователе словаря остается открытым. Фиксировать

---

<sup>1</sup> Хотя сама автор определяет его как толково-энциклопедический (СПШК: 6).



особенности функционирования имени в дискурсе русского культурного сообщества (Кощей Бессмертный для русских не столько страшный могущественный колдун, проявляющий интерес к прекрасным царевнам, сколько чрезвычайно худой и изможденный человек (РКП: 10)) для носителя русской культуры, наверное, не нужно. Эти сведения полезны скорее для не-носителя языка. В этом смысле мы не видим принципиальной разницы между РКП и лингвострановедческими словарями типа Денисова 1978, РППКВ, РФ, ХК, Харченкова.

Как показал анализ, *культурологические* словари в отличие от *страноведческих* ориентированы на знания пользователя – носителя языка и могут иметь объектом лексикографирования реалии и концепты.

Культурологические словари концептов в русской лингвистике представлены словарем Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» (Степанов 2001). Словарь концептов, по мнению автора, может быть двух типов: понятия раскрываются подбором цитат из различных авторов (например, «отраслевые словари» типа словарей лингвистической терминологии – Пражской школы Й. Вахека и американской школы Э. Хэмпса) или на основе собственных исторических разысканий автора (например, работа В.О. Ключевского «Терминология русской истории»). Но в любом случае словарь концептов представляет «коллективное бессознательное», существующее в значениях слов (Степанов 2001: 7–8).

К словарям концептов можно отнести и словарь В.П. Руднева «Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты». Хотя объекты лексикографирования здесь явления и понятия культуры, а также художественные тексты, это, по мнению автора, «словарь гуманитарных идей XX века» (Руднев 2003: 6).

Словари реалий представляют предметы материальной культуры. Так, РД заявлен авторами как культурологический словарь, посвященный жизни русской деревни. Его цель – расширить представления читателей о быте, традициях и жизни русской деревни, ослабить лексические трудности при работе над художественными текстами, стимулировать интерес к русскому языку и чтению произведений деревенской тематики. При выборе слов авторы руководствовались принципом культурологической ценности слова, т.е. его ролью в процессе познания национальной культуры и ментальных характеристик русского языка. Таким образом, в словарь попала лексика, которая традиционно обслуживает сферы трудовой, культурной, обрядовой, бытовой жизни русской деревни (РД: 5–7).

В словарь собраны слова, принадлежащие разным тематическим группам, а значит, отражающие разные стороны материальной культуры народа (названия деревенского жилья и подворья, предметов домашней утвари, традиционных кушаний, одежды, орудий сельскохозяйственного труда, сельскохозяйственной техники и транспорта, промыслов, термины родства), что, однако, не нарушает тематической целостности словаря. Но



в нем нарушен принцип культурологического словаря – ориентация на знания носителя языка. И дело не в том, что в словнике присутствуют слова, объяснения которых не требуется для тех, для кого русский язык является родным: *арбуз, базар, баня, береза, блин, бревно, бочка, ворота, горох, гриб, грибной, деревня, зерно, картошка, каша, коза, козёл, конь, кобыла, корзина, корова, курица, мука, петух, пила, пирог, пчела, рак, ручей, сало*, а в том, как некоторые из этих слов толкуются в словарных статьях. Например, толкование слова *гриб* как *особого растения, состоящего из корешка и мясистой шляпки* вряд ли удовлетворит потребности носителя русского языка и русской культуры. Опора на понимание не подразумевает толкование слов на таком уровне, скорее наоборот, читатель ждет от словаря большей информативности. Поэтому толковые словари представляют слово *гриб* как *особый организм, размножающийся спорами* (СОШ, БТС), не говоря уже об энциклопедических словарях. Ср. наличие энциклопедической информации в БТС: *грибы – одно из царств живых организмов (ранее относили к низшим растениям); сочетают признака как растений (неподвижность, верхушечный рост, наличие клеточных стенок и др.), так и животных (гетеротрофный тип обмена, наличие хитина, образование мочевины и др.) и т.д.*

Культурологические словари реалий (РД; Шангина; Кирсанова) должны, как и энциклопедические, удовлетворять потребность носителя языка в углублении уже имеющихся знаний, но они отличаются от энциклопедических словарей тематическим принципом подачи материала.

К настоящему моменту в русской и европейской лингвистике было найдено и реализовано множество способов описания концептов. Первой попыткой подведения итогов при изучении собственно концептов можно считать «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанова, однако в этой работе акцент делается скорее на культурологической составляющей описываемых концептов, чем на лингвистической. Словарь концептов (РИДС. – О.И.), описывающий эти единицы русской картины мира с собственно языковой точки зрения, предлагается коллективом авторов во главе с академиком РАН Н.Ю. Шведовой, который включает в себя 80 описывающих концепты словарных статей, организованных следующим образом. Каждая статья состоит из 19 зон, отражающих 19 глобальных языковых смыслов. Эти зоны озаглавлены следующим образом: Быть; Кто. Что; Каков; Какой; Чей; Действие. Состояние. Отнесённость (связанность); Необходимость. Должность. Возможность. Желаемость; Каково; Как; Сколько; Насколько; Который; Где; Куда; От – До (в пространстве); Когда; От – До (во времени); Зачем; Почему. Каждая зона в свою очередь состоит из двух частей: первая наполнена предложениями (образцами типичной сочетаемости лексических единиц, материализующих концепт), вторая – цитатами из текстов (в основном) художественной литературы. В результате такого подхода концепт оказывается описанным средствами самого языка,



без вмешательства субъективного мнения лексикографа (Воротников, За-негина 2012).

Культурологическими справочниками определенной эпохи можно считать и исторические словари, а также словари устаревших слов. В последние годы появились работы, связанные с идеей создания диалектологических словарей как словарей культуры, хотя создание первых этнолингвистически ориентированных областных словарей относится в конце XIX века (см. об этом, напр., Лиханова 2011).

О.А. Ужова указывает, что в некоторых из типологий словари культуры либо не упоминаются вообще, либо занимают весьма скромное место. Так, в классификации В.В. Морковкина, лингвострановедческие словари относятся к лексическим словарям, как и орфографические и орфоэпические, толковые и т.д., что, несомненно, верно, но основание для классификации слишком широкое. В классификации М.Л. Апажева словари подобного типа относятся к словарям иноязычной лексики, так же как и словари иностранных слов, беспереводных слов, экзотизмов, варваризмов, хотя к словарям иноязычной лексики вполне можно отнести любой двуязычный словарь. В классификации В.В. Дубичинского словари культуры выделяются в особую группу и рассматриваются по дифференцирующему основанию, озаглавленному «с культурологической точки зрения». Наряду с ономастическими и страноведческими словарями в данный раздел отнесены словари по культуре речи и литературной норме. В таком случае за пределами классификации остаются, например, культурологические и лингвокультурологические словари, а культура рассматривается исключительно в ценностном аспекте.

Есть другое мнение, которое основано на широком понимании культурологических словарей, которые обрабатывают «большой участок «ничейной земли» (П.Н. Денисов). Исходя из того, что культурологические словари объединяются общностью их целеустановки, направленной на раскрытие специфических моментов той или иной культуры, отраженных в обслуживающем ее языке, к ним можно причислить, по мнению У.К. Кузнецовой, контактологические, ксенонимические и двуязычные словари, а также некоторые толковые словари, включающие экстралингвистическую информацию (Кузнецова 2005).

В исследовании О.А. Ужовой разработана типология английских словарей культуры. Типология словарей английской культуры, по мнению ученого, строится на дифференцированном отражении культурного компонента словаря, причем лингвострановедческий словарь фиксирует безэквивалентную, коннотативную, фоновую лексику, с истолкованием ее в виде особого лингвострановедческого комментария; культурологический словарь представляет культурно-ориентированный материал вместе с категориями межкультурного взаимодействия, основные параметры которого лежат в области поведения участников коммуникации; лингвокультуроло-



гический словарь отражает лингвокультурные концепты и логоэпистемы (Ужова 2011: 3–4, 10).

### 5. Тематический принцип классификации слов: проблема словника

Тематический принцип классификации опирается на понятие тематической группы, которая представляет собой объединение слов, находящихся в отношениях семантической близости и как следствие этого представляющие один компонент материальной культуры народа. Лингвистическим основанием тематической группы является семантическая близость ее членов, основанная на ассоциациях по смежности (Гак 1977: 150) и представляющая поэтому «формальный аналог семантического поля» (Падучева 2004: 42–50). Экстралингвистические основания выделения тематических групп определяются отнесенностью к сфере опыта носителя языка и внеязыковой реальности.

Путь от понятия к слову лежит в основе идеографических словарей. Идеологические (т.е. идеографические) словари – это словари полностью или частично использующие принцип классификации речевых фактов (*жалость* входит в понятие *альтруистических чувств*, а они в понятие *чувства вообще*, те, в свою очередь в категорию *психических явлений*). Когда же речь идет о классификации конкретных слов, то, по словам Ш. Балли, используется другой принцип – принцип расположения по тематическим разделам (Балли 2001: 151–155). В.В. Морковкин, выделяя три основных типа идеографических словарей (тезаурусного типа – ЛОРЯ; аналогического и тематического – ТМС), определяет их специфику, указывая, что в идеографическом словаре тематического типа смысловой (тематический) спектр, в отличие от идеографического тезауруса, не воссоздается, а задается, исходя из тех или иных практических (главным образом педагогических) потребностей (Морковкин 1970: 26–28).

Анализ ЛОРЯ и ТМС показал, что различие идеографических тезаурусов и тематических словарей во многом определяется тем, что является объектом лексикографического описания – класс понятий, обозначающий абстрактные отношения и формы существования материи, и класс понятий, обозначающий собственно материальный мир во всем его разнообразии.

По мнению Ю.Н. Караулова, структура идеографических словарей составляет один из компонентов «картины мира», хотя идеологическая позиция автора накладывает свой отпечаток на иерархию отношений (Караулов 1976: 249–259). В работах Л.В. Щербы и Ю.Н. Караулова представлены также основные идеографические словари разных языков, чья структура используется менее известными идеографическими словарями, например шведского языка (SOOIB).

Тематическая классификация как классификация предметов материального мира отражает реальные связи и отношения, существующие в культуре данного народа. Так, в средневековых арабско-персидских тематических словарях в группе «орехи и фрукты» выделялись рубрики «те, у которых едят только наружное» (вишни, персики) и «те, у которых едят то, что внутри» (арбузы, грецкие орехи и т.п.) (Бертельс 1979: 25).

Тематический принцип подачи материала создает условия для более полного представления культурного компонента значения слова.

Действительно, представление о материальной культуре народа конкретизируется, если есть возможность представить каждую ее часть как элемент системы. В этом смысле словари, построенные по тематическому принципу, можно назвать культурологическими. В этом смысле культурологическим является и та часть РСМС-2, которая представляет явления материальной культуры, хотя словарь, конечно, лингвистический. О том, что синонимические словари, можно в какой-то степени считать идеографическим словарем, писал еще Л.В. Щерба (Щерба 1974: 296). В зарубежной лексикографии идеографическими словарями следует называть и словари кроссвордов (например, KOL).

Современные тематические словари основаны на разных критериях: они являются идеографическими словарями, «поскольку представленная лексика объединяется по определенным тематическим группам» (Зверева 2011: 196); словари представляют лексику в виде лингвокультурологических полей (Замалетдинов, Нурмухаметова 2011: 169). А электронные словари создают особые благоприятные условия для решения проблем идеографического распределения словаря, составления лексических полей и упорядочения тематических группировок (Девкин 2005: 57).

## 6. Дефиниция словаря: содержание и форма

Важным, с нашей точки зрения, является мнение о том, что в любой форме словаря (печатной, электронной или он-лайновой) необходимы критерии отбора информации для словарной статьи. Формула «Объясни, а не определяй: вам необходимо показать пользователю, что действительно имеет в виду носитель языка, когда он использует слово»<sup>1</sup> (Atkins, Rundell 2008: 451) может и должна подвергнуться критическому рассмотрению. Понятно, что основным фактором отбора информации является тип словаря и ожидания (запросы) пользователя.

В традиционной логике представлены правила определения как необходимое условие логической правильности операции. Например, в «Логическом словаре-справочнике» Н.И. Кондакова называются семь основ-

---

<sup>1</sup> Explain, don't 'define': you have to tell users what people really mean when they use a word.



ных правил определения понятия: 1) понятие определяется через ближайший род и видовое отличие; 2) определение должно быть соразмерным, т.е. чтобы объемы определяемого понятия и понятия, посредством которого определяется искомое понятия, совпали, были одинаковы, соответственны; 3) видовым отличием должен быть признак или группа признаков, свойственных только данному понятию и отсутствующих в других понятиях; 4) определение не должно содержать круга, т.е. определяемое понятие не должно определяться посредством такого понятия, которое само становится ясным только посредством определяемого понятия; 5) определение не должно быть только отрицательным; 6) определение должно быть логически противоречивым и 7) определение должно быть ясным, четким, т.е. оно не должно содержать двусмысленностей (Кондаков 1975: 467–469).

Кроме *реального* определения, которое представляет собой определение понятия, отображающее существенные признаки предмета, явления и имеющее своей целью отличить определяемый предмет от всех других предметов путем указания на его отличительные признаки, и *номинального* определения, которое объясняет значения слова, имени или термина, обозначающего данное понятие (Кондаков 1975: 389, 514), в логике различаются множество других типов. Среди них *семантические/синтаксические, аналитические/синтетические, явные/неявные, дескрипции/дескриптивные определения, контекстуальные, классификационные/генетические, определения через абстракцию, непредикативные/предикативные, экстенциональные/интенциональные, остенсивные/вербальные* (Горский 1974: 5–94); *классические, регистрирующие/уточняющие/учреждающие* (Свинцов 1998: 176–185) и др.

Словарные определения (*описательные, синонимичные, антонимичные, функциональные, трансформационные и отсылочные и др.*) как способ представления структуры лексического значения и виды толкования слов (*определения, иллюстративные примеры, графические иллюстрации, этимологические справки и перевод иноязычного слова*) как приемы этого толкования обсуждаются в лингвистических исследованиях (Арбатский 1977; Белоусова 1987; Гак 1988; Денисов 1973; Еремия 1980; Игнатъев 1975; Карасик 2002; Перцова 1988; Сахарный 1970; Сукаленко 1976; Толикина 1976; Zgusta 1971 и др.).

Различные типы значений слова и разные цели их анализа, по мнению Д.И. Арбатского, требуют разной информации. Поэтому в практике толкования лексических значений слов выработалась целая система функциональных типов семантических определений. Существенными из них являются *констатирующие* (существующие для словарей языка писателей, а также исторических и диалектных словарей) и *нормативные* (отражающие традиционное словоупотребление и словопонимание), *формальные* (выделяющие лексическое значение, отграничивающее данный предмет от других) и *содержательные* (раскрывающие качественное своеобразие



предмета, все его существенные свойства), *вербальные* и *наглядные* (Арбатский 1977: 18–37).

Помимо определения через ближайший род и видовое отличие, по мнению Х. Касареса, в лексикографии используются определения *генетические* (объяснение определяемого как результат породившего его действия: *след* – *знак, оставляемый ногой на земле*), *телеологические* (вскрытие природы вещей путем указания на цель: *пугало* – *то, что ставится среди посевов для того, чтобы отпугивать птиц*); *описательные* (собственно описательные, как словарные определения животных и растений, и определения, сочетающие описание формы и других свойств предмета с указанием на цель или функцию и даже происхождение или причину существования определяемого предмета: *сулема* – *белое летучее вещество, растворяющееся в горячей воде* (физические свойства), *получается в результате соединения двух эквивалентов хлора и одного эквивалента ртути* (указание на происхождение) и *употребляется в медицине как сильное дезинфицирующее средство* (цель)) (Касарес 1958: 174–176).

В психолингвистике также выделяются разные типы классификационных решений: *категориальная*, *функциональная* и *ситуативная* классификации. Категориальная классификация – это «нормативное» решение, слова объединяются по общему признаку, который экзаменуемый считает *существенным* (стол, стул, шкаф и кровать – мебель). «Ненормативными» решениями будут функциональная классификация (классификация «это для...», «этим можно...», «с помощью этого...», «из этого...») и ситуативная классификация (объединение объектов на основе того, что они присутствуют в одной ситуации или совмещены пространственно (дом, корова, пруд, собака – у бабушки в деревне) (Фрумкина, Рюмина, Мостовая 1985). Определения толковых словарей, таким образом, следует считать категориальными классификациями, или *классификационным* объяснением значения слова, тогда как определение типа «война – это когда стреляют» – разновидностью интерпретации значения, при этом *интерпретационные* признаки являются дополнительными (Карасик 1990: 60).

Классификационное, или классифицирующее, определение – характерный тип определения для толковых и терминологических словарей.

Важным фактором является также размер дефиниции: более короткий ввод (слова. – О.И.) не только более удобный, он лучше, потому что он больше удовлетворяет потребности пользователя. При этом помните, что чем дольше ввод, тем большие усилия требуются от пользователя (в данном случае от пользователя, изучающего язык). Необходимо понимать, что важно различать информацию истинную от информации релевантной. Ландау (2001: 170) цитирует Ричарда Робинзона, который говорит: «Чем обширнее дефиниция, тем она более верная», но Ландау также подчеркивает, что истинность дефиниции не всегда означает, что она самая удачная. Мы должны исходить из более полной дефиниции, но хорошая дефиниция –



это дефиниция, которая отвечает запросам пользователя, но не дает ему излишней информации<sup>1</sup> (Atkins, Rundell 2008: 420).

Содержание дефиниции зависит от типа словаря, а следовательно, его назначения. Содержание энциклопедической информации в словарной статье является предметом обсуждения. Наше исследование двуязычной лексикографии показало, что особую актуальность для двуязычной переводной лексикографии приобретают такие признаки реалии, как внешний вид предмета, его страноведческая оценка, историческая маркированность, социальный статус, функция, популярность/непопулярность реалии и ее символическая значимость, которые необходимо представить в дефиниции в качестве комментария к переводному эквиваленту (Иванищева 2005). В зависимости от разряда слова авторы проекта «Новый толковый словарь русского литературного языка с расширеннымиведениями о слове» (НТСРЯ) включают историческую справку (дату появления, имя изобретателя и т.д.) в зону, заключающую в себе энциклопедическую информацию (Григорович 2013: 288).

В словарях, основанных на психолингвистических экспериментах, расширение словарного значения слова происходит за счет его психолингвистического значения, который понимается как реальное значение, представленное в языковом сознании рядового носителя языка (Стернин 2013).

## 7. Проблемы лексикографирования исчезающих языков

Проблемы лексикографирования исчезающих языков поднимаются в работах зарубежных лингвистов. Так, У. Мозель описывает особенности документирования умирающих языков Папуа Новой Гвинеи (самоанский язык) и проблемы, связанные с этим процессом. Главное отличие между составлением словаря для языка большинства (*major language*) и исчезающего языка (*endangered language*), по мнению исследователя, состоит в том, что процесс документирования умирающих языков не коммерческое предприятие и составитель базы данных не является носителем этого языка. Словарь умирающего языка составляет в основном учитель или миссионер, который имеет регулярные контакты с носителями языка и живет в

---

<sup>1</sup> The shorter entry is not only serviceable and 'fit for purpose': it is also better, because it is better adapted to the needs of its intended user. Remember, too, that the longer the entry, the greater the processing demands it imposes on the user (in this case a language-learner). The moral here is that it is important to distinguish between information which is true, and information which is relevant. Landau quotes Richard Robinson as saying that 'A lexical definition could nearly always be truer by being longer', but Landau also makes clear, rightly, that a definition's 'truthvalue' is not the only factor that determines its success. We should always start from the kind of comprehensive description, but a good definition is one that meets its user's needs without providing more information than is necessary.



их среде или часто их посещает. Чаще всего словарь – это вторичный продукт его научного исследования. У. Мозель отмечает, что цель словаря исчезающего языка не перевод или изучение языка, а его описание с целью ревитализации и научного исследования. Но в любом случае составлению словаря должно предшествовать осмысление, кто и для какой цели будет использовать этот словарь. То есть словарь должен удовлетворять интересам и носителей языка, и исследователей. При этом идеальным вариантом является создание двух словарей: один, удовлетворяющий потребностям носителей языка, а другой – удовлетворяющий потребностям исследователя и его научной работы. Но если нет возможности создать два словаря, то первый вариант приоритетен. Составление словаря исчезающего языка связано с решением нескольких принципиальных вопросов для исследователя, таких, например, как выбор диалекта, который будет основным в словаре, определение типа словаря, выбор орфографического варианта для слова. Так, решение о том, какой диалект данного языка будет выбран ведущим для представления в словаре, должны принимать носители языка, но если это право предоставлено исследователю, то он должен принимать решение в зависимости от того, каково количество носителей того или иного диалекта, возраст носителей диалекта, использование диалекта в разных функциях. Если в умирающем языке нет стандартизированной орфографии, то следует обратиться к языковому сообществу. При этом надо помнить, что часто это вопрос политический. Но несмотря на то, что различные орфографические варианты могут сделать словарь громоздким, иногда не удастся избежать фиксирования таких вариантов (Mosel 2011).

В Лаборатории саамского языка Мурманского государственного гуманитарного университета изданы словарь лексики духовной культуры саамов и словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (Словарь лексики духовной культуры кольских саами 2013; Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов 2014).

Данные словари лексики духовной и материальной культуры реализуют главную задачу наших исследований – фиксацию актуального состояния саамского языка в языковом сообществе. Словарь при этом выполняет очень важную функцию – сохранение компонентов традиционного мировоззрения, которое включает в себе главные жизненные смыслы северного этноса. Образ жизни коренных малочисленных народов определяется в основном тремя факторами: природными условиями, типом расселения и типом хозяйства, два последних при этом определяют тип культуры. Эти знания отражают более архаичное, фундаментальное отношение человека к миру с точки зрения смысла, утилитарные ценности народной культуры.

По своей сути наши словари являются переводными (двуязычными) словарями, т.е. содержат исходное слово на саамском языке и словарную статью с переводным эквивалентом чаще всего в виде описания. Кроме



лексики саамского языка, эквиваленты, комментарии и пояснения в словарях даются на русском языке. Но основное внимание уделено в словарях не грамматическим признакам слова, а культурологическому комментарию, который отражает фоновые знания носителя языка. См. примеры из словарей лексики саамского языка: *вуэннч куск кыппта* – кусок вареного мяса (АА). Подобно древним лопаркам, саами в XIX веке приучали детей к оленьему мясу. Для этого оленьё мясо прикладывалось к губам, чтобы дети могли высосать сок. Приучение это могло начинаться иногда через полгода после рождения ребёнка, иногда позже (Харузин 1890: 311). Детям также давали лучшие куски обычной пищи взрослых: мозг из ножных костей оленя, рыбные потроха и т.п. (Волков 1939: 56). Детей с младенчества начинали приучать к мясу. Так, уже грудному ребёнку давали пососать кусочек варёной оленины (Лукьянченко 2003: 114) (Словарь лексики духовной культуры кольских саамов 2013: 63); *нюввт* – национальное кушанье из отварной рыбы и морошки (Курт 1986: 65). Свежеотварные сиги чуть солят, отбирают от костей, смешивают со зрелой морошкой, поливают рыбьим жиром – и салат готов (Большакова 2005: 156). Каша из рыбы с морошкой (*луэм неут*) (Волков 1939: 47) (Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов 2014: 203).

Как видно из примеров, дефиниции наших словарей представляют собой типичный вариант двуязычного слова с культурологическим комментарием к переводному эквиваленту. Ср. пример из хауса-русского словаря: *abokin wasa* – «друг по игре» (у хауса существуют обычаи т.н. «шуточного родства», когда на Новый год «друзья по игре» одаривают друг друга. Жители одного города должны делать «подарки» жителям другого, представители одной профессии – представителям другой) («Хауса-русский словарь» (Ольдерогге 1954). Следовательно, по форме наши словари – переводные (двуязычные), но по содержанию они отличаются от традиционных переводных словарей.

Основное назначение наших словарей видится в сохранении уникальных фактор культуры и языка как части культуры коренного малочисленного народа. Поэтому исходным пунктом в словаре было для нас понятие (концепт), а не слово.

Путь от понятия к слову лежит в основе идеографических словарей. Идеологические (т.е. идеографические) словари – это словари полностью или частично использующие принцип классификации речевых фактов (например, *жалость* входит в понятие *альтруистических чувств*, а они в понятие *чувства вообще*, т.е. в свою очередь в категорию *психических явлений*). Когда же речь идет о классификации конкретных слов, то, по словам Ш. Балли, используется другой принцип – принцип расположения по тематическим разделам (Балли 2001: 151–155). По мнению Ю.Н. Караулова, структура идеографических словарей составляет один из компонентов



«картины мира», хотя идеологическая позиция автора накладывает свой отпечаток на иерархию отношений (Караулов 1976: 249–259).

Наши словари лексики кольско-саамского языка построены по тематическому принципу. Так, в «Словаре лексики духовной культуры кольских саами» представлены следующие группы такой лексики: «Верования», «Обряды жизненного цикла», «Народное искусство», «Праздники». В «Словаре лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов» лексика организована по тематическому принципу в 6 тематических разделах: «Оленеводство», «Рыболовство», «Охота», «Собирательство», «Овцеводство», «Анатомия и физиология животных». Тематические разделы включают подразделы, рубрики и подрубрики. Например, в тематическую группу лексики оленеводства входят следующие тематические подгруппы: «Домашний олень», «Оленеводы и оленеводческие объединения», «Снаряжение оленевода», «Различительные знаки оленей», «Оленегонная собака», «Места и сооружения для выпаса, содержания, подсчета и выбраковки оленей», «Действия, связанные с содержанием и выпасом домашних оленей», «Упряжно-нартенное оленеводство», «Вьючное оленеводство», «Забой оленей», «Выделка оленьих шкур». Тематический подраздел «Домашний олень» включает такие рубрики, как «Самец домашнего оленя», «Самка домашнего оленя», «Теленок домашнего оленя», «Домашний олень по роли в стаде», «Домашний олень по хозяйственному применению», «Домашний олень по месту в упряжке», «Домашний олень по наличию (отсутствию) рогов» и др. Рубрика «Теленок домашнего оленя» включает такие подрубрики, как «Теленок домашнего оленя с рождения до 3 месяцев», «Теленок домашнего оленя от 3 месяцев до полугода», «Теленок домашнего оленя от полугода до полутора лет».

Наша практика составления словарей лексики кольско-саамского языка показывает несостоятельность позиции строгого разграничения словарей лингвистических и энциклопедических, а также вызывает необходимость коренным образом пересмотреть принципы составления словарной статьи лингвистического словаря.

Как показал наш опыт, словари лексики умирающего языка имеют свою специфику, которая заключается в его пользователе, словнике и дефиниции.

Если словарь лексики саамского языка двуязычный, то его пользователь должен владеть хотя бы одним из языков – русским или кольско-саамским. Но пользователь такого словаря, носитель саамской культуры, в большинстве случаев не владеет саамским языком. По данным исследователя из Университета г. Тромсё (Норвегия) Э. Шеллер, из 700 представителей этноса, которые имеют знания кильдинского диалекта саамского языка на разных уровнях, более 200 человек являются потенциальными носителями, то есть людьми с хорошим пассивным знанием языка: они понимают все или многое, многие умеют говорить на кильдинском диалекте, но по



разным причинам говорят не активно или вообще не говорят. Около 100 из 700 людей, владеющих кильдинским диалектом, являются активными носителями этого языка, то есть людьми, которые свободно говорят на саамском языке и используют его на всех уровнях (Шеллер 2010: 15–17).

В содержании дефиниции словарей коренного малочисленного народа, как наши, отражен обыденный уровень познания. Основой обыденного познания является непосредственный личный опыт каждого, поэтому это познание носит более субъективный по сравнению с научным познанием, более индивидуализированный характер. Но в таком подходе есть и преимущества – это богатство решений и широта поиска. В словаре лексики саамского языка как раз и отражен такой опыт: в ситуации отсутствия живой разговорной среды, условий для использования языка в личной и общественной жизни, преклонный возраст активных носителей языка, отрыв носителей языка от среды обитания языка – материальной и духовной культуры естественно обращение к когнитивной, а не коммуникативной сущности фоновых знаний. Поэтому типичные способы выявления фоновых знаний носителя языка (опрос носителей, анализ словарных статей разных типов словарей и текстов художественной и публицистической литературы) не могут быть использованы в полной мере. В такой ситуации исследователю следует фиксировать все знания носителя языка, не различая личное и социальное. Носитель языка, который может быть информантом, рассказывая о своем личном опыте, представляет типичное и обычное, потому что социальная среда, в которой информант вырос, фиксировал только такое знание.

Наши полевые исследования саамского языка показали, насколько разными могут быть знания о реалии у носителей саамского языка. При сравнительном анализе данных полевых исследований и словарей саамского языка Г.М. Керта (Керт 1986) и под ред. Р.Д. Куруч (Афанасьева 1985) отмечаются, например, некоторые расхождения в возрастных границах, которые определяют наименование оленя. Ср.: *вундел* – вонделка *двух* лет (ЮА) и *вуннял* – вонделка, важенка *трёх* лет, *воджемь* – молодая важенка *трех-четырёх лет* (ЮА) и *ваджь* – важенка *трёх-шести* лет, отелившаяся один раз (Керт 2003: 54), *важь* – важенка (*трёхгодовалая* оленья самка после первого отёла) (Афанасьева 1985: 33). Причины таких расхождений объяснить пока не представляется возможным.

Под принципами лексикографирования в словарях лексики духовной и материальной культуры кольских саамов понимаются принципы отбора слов и принципы построения словарной статьи.

*Принципы отбора слов.* Для словарей разных типов отбор слов осуществляется на разных основаниях и подчас является очень сложной задачей. Каждый составитель словаря сталкивается с вопросом об объективных критериях такого отбора. Критерии отбора слов в словари различных типов определяются потребностями пользователя. Назначение словарей лек-



стики духовной и материальной культуры кольских саамов – знакомство с духовной и материальной культурой саамского этноса через описание значений лексических единиц кильдинского диалекта саамского языка. Следовательно, отбор слов в словник такого словаря будет производиться по принципам специфичности и тематической принадлежности.

*Принцип тематической принадлежности* означает, что в группу будут включены слова, которые имеют в лексическом значении семантический компонент данной тематической направленности. Например, *почень* – пояс особого устройства и формы, использовали при волхованиях, лечении больных. Компонент «*использовали при волхованиях, лечении больных*» обнаруживает тематическую связь с группой слов «Лексика верований», так же как и компонент «*важнейшее орудие охотничьей магии*» в следующем примере: *чуэръв-гарты* – рога диких оленей, важнейшее орудие охотничьей магии в период, предшествовавший приручению дикого оленя. Компонент «*для управления оленьей упряжкой*» позволяет отнести слово *харя* – хорей (шест длиной около трех метров, диаметром 3–4 см для управления оленьей упряжкой) группе «Лексика упряжно-нартенного оленеводства», а компонент «*шкура с ноги оленя*» обуславливает принадлежность слова *коаммас* – койба (шкура с ноги оленя) к группе «Лексика выделки шкур». Слово *воалдж* – нырило (приспособление для подледного лова рыбы: длинная узкая доска с заостренным концом и отверстием на другом конце для продевания веревки сети; доску проталкивают от проруби к проруби и протягивают сеть) относится к группе «Лексика подледного рыболовства» за счет наличия в его лексическом значении компонента «*приспособление для подледного лова*».

*Принцип специфичности* означает, что в словник данных словарей необходимо включить слова, которые характерны только для данного этноса. Например, подобную специфичность в нашем материале имеют слова религиозного содержания (дохристианских верований). Так, у саамов существовало поклонение *сейдам*. *Сейды* – священные камни, в которых, по саамским поверьям, обитал дух. Лексика оленеводства также является специфичной для саамской культуры. К характерным чертам саамского оленеводства относится, к примеру, применение однополосных лодкообразных саней с одним упряжным оленем, называемых *кёресь* и выючного седла из дерева – *вāгк*. Однако специфичность реалии не всегда обозначает ее уникальность для данной культуры. В теории лексикографии есть на этот счет разные мнения. Так, в послесловии к лингвострановедческому словарю «Франция» группы реалий, представленных в этом словаре, классифицированы следующим образом: 1) реалии, которые наличествуют во французской культуре и отсутствуют в русской культуре; 2) реалии, которые наличествуют в обеих культурах, но различаются каким-либо признаком (с точки зрения организации, функции и т.д.); 3) реалии, имеющие интернациональный характер, но отличающиеся при этом национальным наполне-



нием (Франция 1997: 1029–1030). Анализ словника «Франции» показал, что здесь, вопреки традиционному представлению о лингвострановедческом словаре, представлены реалии, разные по «степени» национальной специфичности. Конечно, говорить о специфике национальных образов достаточно трудно, для этого нужен широкий круг исследований разных культур.

Нам показалось разумным ввести в словник «Словаря духовной культуры кольских саами» слова группы «Лексика христианских верований», хотя кольские саами восприняли христианство, это не их исконная религия, а значит, говорить о специфической религиозной христианской лексике саами затруднительно. Тем не менее это часть духовной культуры коренного народа Севера, своеобразной арктической культуры, поэтому любой ее элемент по определению должен содержать компонент уникальности, в том числе и лингвистический. Например, названия Творца – Бога (*Осподт, Иммель*).

Особую группу культурно-коннотированной лексики составляют имена собственные. В саамской культуре многие имена имеют фоновый потенциал: это прежде всего имена собственные, связанные с дохристианскими верованиями (*Мяндаш, Мяндаш-пырре, Мяндаш-вежа, Мяндаш-каб, Мяндаш-парнь, Конньт-акка, Луот-хозик, Разиайке, Рухтнас, Каврай, Ти-ирьмесь, Аккрува, Мец-хозяин, Пырт-хозяин*), и названия праздников (*Сāмь пēййв* – День саамов, 6 февраля; *Сāмь сань пēййв* – День саамского слова, 24 мая; *Пудзэ ляшкант* – Имение оленей (праздник, который был связан с периодом, когда у оленей начинался гон)).

*Принципы построения словарной статьи.* Включение культурной информации в корпус словарей лексики кольско-саамского языка предполагает не только отбор лексики в его словник, но и особое ее представление в словарной статье в виде культурологического комментария к переводному эквиваленту.

Если информацию о слове можно назвать *лингвистическим* комментарием, то информация о понятии/реалии, по нашему мнению, включена в комментарий различного типа: *фактический* и *культурологический*.

Фактический комментарий соответствует уровню описания научного понятия (элемента, процесса, исторического факта, биологического существа, факта общественной жизни и т.д.). Ему свойствен объективизм, точность, конкретность. Ярким примером описания научного понятия являются дефиниции к терминам как в специальном словаре, так и в энциклопедическом и толковом. Признаки предмета, актуализированные в фактическом комментарии, чаще всего совпадают с его признаками, представленными в энциклопедическом словаре.

Культурологический комментарий отличается от фактического наличием информации, которая имеет отношение к носителю языка (функции предмета не в природе, а по отношению к человеку, использование человеком, применение в человеческой практике и т.д., т.е. роль предмета в *культурной жизни*).



Содержание комментария определяется несколькими факторами, в том числе типом лексики, назначением словаря, а для двуязычного словаря еще и разницей культур.

Так, в «Словаре лексики духовной культуры кольских саами» представлены слова духовной культуры, поэтому комментарий содержит прежде всего описание традиций, обрядов и ритуалов. См., например, комментарий к слову *почень*: пояс напоминал бубен, когда он лежал на ровном месте и в свернутом виде. Пояс-почень был сделан из черной полосы кожи, длинной в обхват талии среднего человека, шириной около  $\frac{1}{4}$  аршина; сверху он был обшит суконными лентами трех цветов: верхняя лента была желтого цвета; средняя – любимого цвета саами красного цвета; нижняя – черного цвета; по полосам была вышивка из бисера разных цветов; сзади пояса было три медных кольца. При обрядах лопарь-кебун надевал пояс-почень на себя и в нем пророчествовал или лечил больных. При лечении пояс три раза обносили около поясницы больного, но больному не надевали. После третьего обноса пояса больной ударял кебуна 3 раза ладонью правой руки по спине и говорил ему: «Будьте у тебя глаза светлые, ноги крепкие, чтобы ты лучше помог мне». Кебун отвечает: «Завтра же все узнаешь». На ночь перед сном кебун одевает пояс на себя и ложится спать; во сне он должен увидеть судьбу больного (Волков, 1996: 77–78).

Подобный комментарий включает в себя описание признаков реалии – ее внешнего вида (*пояс напоминал бубен, когда он лежал на ровном месте и в свернутом виде. Пояс-почень был сделан из черной полосы кожи, длинной в обхват талии среднего человека, шириной около  $\frac{1}{4}$  аршина; сверху он был обшит суконными лентами трех цветов: верхняя лента была желтого цвета; средняя – любимого цвета саами красного цвета; нижняя – черного цвета; по полосам была вышивка из бисера разных цветов; сзади пояса было три медных кольца*); ее функцию (*при обрядах лопарь-кебун надевал пояс-почень на себя и в нем пророчествовал или лечил больных*), описание обряда (*при лечении пояс три раза обносили около поясницы больного, но больному не надевали и т.д.*).

Комментарий к слову *чуэрвь-гарты* может включать в себя лингвистический комментарий (*чуэррьв (чуэрвь) – «рог»* (Афанасьева 1985: 407; Керт 1986: 109); слово «гарты», возможно, имеет русское произношение, в саамском языке наличествует лексема *гоаррь (гоарь) – «сторона, по направлению к кому-чему, за»* (Афанасьева 1986: 75; Керт 1986: 28); возможно, значение слова – «по направлению рогов, вслед за рогами»), переходящий в комментарий культурологический (этот способ колдовства состоял в следующем: облюбовав себе место в районе охотничьих владений селения, охотник сносил сюда рога убитых им оленей и ставил в два параллельных ряда так, как рога должны были стоять у бегущих друг за другом оленей. Таким образом как бы указывался путь диким стадам, которые должны были следовать за рогами и так приручаться. Унесенная тестем



лобная кость с рогом из *чуэрърв-гарта* зята влекла за собой перемещение стад диких оленей вслед за костью (Волков 1996: 73)). В Словарь лексики традиционных хозяйственных занятий вошли слова материальной культуры, поэтому комментарий содержит описание реалий, связанных с традиционными саамскими хозяйственными занятиями. Например, комментарий к наименованию морской сети для ловли семги – *лўсс хāррв*: наиболее распространенным орудием лова служил особый вид ставных сетей – крупноячеистые гарвы, которые вязали из толстых покупных ниток и так же, как и сетки, окрашивали ольховой или березовой корой в красный цвет. От обычных сетей они отличались большими размерами и более крупной ячейей (5×5 см и более – до 10×10 см). Длина гарвы составляла обычно от 20 до 30 м, а высота – около 4 м. Ставили гарвы поперек течения реки, прикрепляя к вбитым в дно кольям. Рыба, поднимавшаяся вверх по течению на нерест, запутывалась в ячейках расставленных гарв (причем попадала только крупная рыба). Проверяли сети каждые 6 часов, так как при более длительном нахождении рыбы в сетях она портилась (Лукьянченко 1971: 40). К признакам реалии, описанной в комментарии, относится ее внешний вид (*крупноячеистые гарвы, которые вязали из толстых покупных ниток и так же, как и сетки, окрашивали ольховой или березовой корой в красный цвет. От обычных сетей они отличались большими размерами и более крупной ячейей (5×5 см и более – до 10×10 см). Длина гарвы составляла обычно от 20 до 30 м, а высота – около 4 м), способ применения (ставили гарвы поперек течения реки, прикрепляя к вбитым в дно кольям; проверяли сети каждые 6 часов, так как при более длительном нахождении рыбы в сетях она портилась) и принцип действия (рыба, поднимавшаяся вверх по течению на нерест, запутывалась в ячейках расставленных гарв (причем попадала только крупная рыба))*).

Набор признаков реалии часто определяется *типом словаря*. Познакомить читателя с культурой другой страны – задача страноведческих (лингвострановедческих) словарей; передать богатство и своеобразие родной культуры – задача культурологических (лингвокультурологических) словарей; быть универсальным справочным изданием – цель энциклопедических словарей.

Исходя из вышеизложенного, тип словарей лексики духовной и материальной культуры кольских саамов можно назвать смешанным – *лингвокультуространоведческим*. С одной стороны, словари описывают чужую для русскоязычного пользователя культуру, но чаще всего представляют сведения, которые незнакомы даже носителю саамской культуры. С другой стороны, словари предназначены, в том числе, для саамского пользователя, который не владеет языком своего этноса. В этом и состоит специфика словарей коренных малочисленных народов, язык которых относится к группе *critically endangered*.

## 8. Теоретические основания учебного культурологического словаря «Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка»

По правилам теории преобразований словарного состава языка словарем считается лишь такое произведение, словник которого представляет собой лексическую систему или микросистему, а не произвольный и случайный набор слов (Денисов 1980: 208). Этот набор слов должен быть обоснован задачей словаря, а значит, его функцией и принципами описания слов.

Тематические словари представляют только определенную группу слов определенной области, такой как садоводство или строительство и могут не содержать часть общеупотребительных слов. Преимущества тематических словарей, однако, состоят в том, что в короткий срок можно создать короткий, но полный словарь, который соответствует научным стандартам и интересны и для носителей языка, и для научного сообщества<sup>1</sup> (Mosel 2011).

Для определения специфики словаря учебного культурологического словаря «Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка» необходимо ответить на три вопроса: каковы цели словаря, для кого он создается, какие навыки нужны пользователю словаря.

Цель словаря – представление лексики кильдинского диалекта саамского языка в синхроническом аспекте. Целевая аудитория словаря – изучающие саамский язык, учителя саамского языка, исследователи. Для пользователя словаря не нужны специальные навыки. Язык словаря – русский и саамский. Таким образом, словарь является учебным.

Наименования, представленные в словаре по лексикографическим и этнографическим источникам, записаны в словаре в графической системе источника. Материалы полевых исследований записаны, как и в предыдущих словарях, написанных в соавторстве с О.Н. Иванищевой, с помощью графической системы, разработанной А.А. Антоновой в 1979 г. для кильдинского диалекта саамского языка на основе алфавита русского языка с учетом слогового принципа русской графики. Данная графическая система использовалась для разработки саамского букваря 1982 г., а впоследствии и других учебно-методических пособий по саамскому языку и в течение многих лет использовалась в преподавании саамского языка. В основу данной графической системы положен фонематический принцип. Для обозначения фонем, сходных по основным признакам в русском и саамском языках, используются одни и те же буквы.

<sup>1</sup> Thematic dictionaries only cover the words of the selected semantic domains such as gardening or house building and may lack even the most common words. The advantage of Thematic Dictionaries, however, is that within a very short period of time you can produce a short, but comprehensive dictionary, which meets scientific standards and is interesting for people of the speech community as well as for academics of various fields.



Саамский алфавит, разработанный А.А. Антоновой:

*Аа ä Бб Вв Гг Дд Ее Ёё Жж Зз h Ии Йй j Кк Лл л Мм м Нн н ң Оо Пп  
Рр р Сс Тт Уу Фф Хх Цц Чч Шш Щщ ь Ыы ь Ъ ъ Ээ э Юю Яя*

Графемы для обозначения специфичных фонем саамского языка:

*л* – обозначает глухой щелевой боковой согласный *л*,

*м* – обозначает глухой смычный носовой согласный *м*,

*н* – обозначает глухой смычный носовой согласный *н*,

*ң* – обозначает заднеязычный носовой твердый сонант *л*,

*р* – обозначает глухой дрожащий *р*;

*ь* – полумягкий знак, употребляется для обозначения полумягкости согласных *д, т, н* на конце слов и перед следующими согласными;

*ä, ë* – звуковых значений не имеют, указывают на то, что предшествующие им согласные *д, т, н* обозначают соответствующий полумягкий звук.

Обозначения долгот:

– долгота гласных обозначается горизонтальной чертой над буквой;

– долгота согласных обозначается двумя одинаковыми буквами;

– для обозначения дифтонгов используются сочетания гласных букв;

– долгота дифтонга обозначается горизонтальной чертой над ним.

В словаре использована следующая схема описания животного, разработанная О.Н. Иванищевой:

*I блок (биологическая информация)*

1) описание животного (частей тела);

2) среда обитания, питание;

3) рождение детенышей;

4) виды животного (цвет);

*II блок (значение для человека)*

5) предмет охоты, ловли/домашнее животное;

6) значение для человека (что человек получает от этого животного);

7) условия выращивания животного;

*III блок (фольклор)*

8) образы животного в сказках, мифах, гаданиях, верованиях, шаманстве, литературе;

9) метафорический облик (пословицы, поговорки, эпитеты, метафоры);

10) прозвища (сравнения с человеком);

11) клички.

Схема, применяемая для описания животного, позволяет утверждать, что словарь является *культурологическим*. Словарь построен по принципу идеологического словаря. Он представляет каждый концепт – животное в его комплексном описании.

Материалы словаря частично собраны в ходе полевых исследований в течение 2014 года, которые выполнены при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках выполнения госзадания (проект «Язык и культура коренного малочисленного народа Кольского Севера: документация, функционирование и взаимодействие (на материале саамского языка)», № 545) в Лаборатории саамского языка Мурманского государственного гуманитарного университета (руководитель – профессор О.Н. Иванищева).



## Цитируемая литература

- Алешина Л.В. Словарь авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии: Автореф. докт. дис. Орел, 2002.
- Алпатов В.М. О специфике японских словарей // Язык и культура. Новое в японской филологии / Под ред. И.В. Головнина, В.С. Гривнина. М., 1987.
- Апажев М.Л. Типология словарей и читательских запросов к ним: Материалы к спецкурсу «Русская лексикография». Нальчик, 1998.
- Апресян Ю.Д. Лексикографическая концепция нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. 3-е изд., стереотип. М., 1999. Т. 1.
- Арбатский Д.И. Толкования значений слов: Семантические определения. Ижевск, 1977.
- Афанасьева Н.Е. Саамско-русский словарь / Н.Е. Афанасьева, Р.Д. Куруч, Е.И. Мечкина и др.; Под ред. Р.Д. Куруч. М., 1985.
- Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипн. М., 2001.
- Белоусова А.С. Словарная дефиниция как носитель неединственной информации // Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре: Материалы Всесоюзной школы-семинара. Ереван, 1987.
- Берков В.П. Заметки об определениях терминов в филологических и энциклопедических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Берков В.П. Информация, сообщаемая словом, и толковый словарь // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев, 1982.
- Берков В.П. Двухязычная лексикография: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
- Бертельс А.Е. О происхождении рубрик тематических (идеографических) словарей // Переводная и учебная лексикография. М., 1979.
- Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск, 2005.
- Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. М., 1989.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Морковкин В.В. Теоретические основы лингвострановедческого словаря // Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь: Народное образование в СССР / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., 1978.
- Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. М., 1977.

- Волков Н.Н. Изобразительное искусство саамов // Народное творчество. М., 1939. С. 49–50.
- Воротников Ю.Л., Занегина Н.Н. Русский идеографический словарь» и языковая картина мира. 2012. URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2913> (дата обращения: 15.05.2015).
- Гак В.Г. Способы представления внелингвистической информации в лингвистическом словаре // Сочетание лингвистической и внелингвистической информации в автоматическом словаре: Материалы Всесоюзной школы-семинара. Ереван, 1987.
- Гак В.Г. Проблема создания универсального словаря (энциклопедический, культурно-исторический и этнолингвистический аспекты) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. ст. М., 1988.
- Гак В.Г. Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Гак В.Г. Об историческом словаре // Филолог. науки. 1994. № 1.
- Гак В.Г. Двухязычный словарь активного типа // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сб. ст. М., 1995.
- Герд А.С. К определению понятия «словарь» // Проблемы лексикографии: Сб. ст. / Под ред. А.С. Герда и В.Н. Сергеева. СПб., 1997.
- Горский Д.П. Определение (Логико-методологич. проблемы). М., 1974.
- Григорович Л.А. Об энциклопедических сведениях в «Новом толковом словаре русского литературного языка с расширенными сведениями о слове» // Současná slovanská lexikologie a lexikografie / Современная славянская лексикология и лексикография. Прага, 2013. С. 283–289.
- Девкин В.Д. Очерки по лексикографии. М., 2000.
- Девкин В.Д. Немецкая лексикография: учеб. пособие для вузов. М., 2005.
- Денисов П.Н. Об одном типе толкового словаря русского языка для иностранцев // Учебные словари русского языка: Доклады советской делегации. М., 1973.
- Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
- Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь: Народное образование в СССР / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., 1978.
- Дубичинский В.В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: Автореф. докт. дис. Краснодар, 1995.
- Елистратов В.С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. 2-е изд., испр. М., 2004.
- Еремия Н.Л. Принципы построения системы учебных толковых словарей (на материале англоязычной лексикографии): Автореф. канд. дис. Л., 1980.
- Еремия Н.Л. Принципы построения системы учебных толковых словарей родного языка // Теория и практика современной лексикографии. Л., 1984.



- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 2000.
- Замалетдинов Р.Р., Нурмухаметова Р.С. О лексикографировании материальной культуры татарского языка // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Казань, 2011. № 2 (25). С. 166–171.
- Зверева Ю.В. Материалы к тематическому словарю «Традиционная одежда и обувь жителей Пермского края» // Лингвокультурное пространство Пермского края. Материалы и исследования. Выпуск 3. Пермь, 2011. С. 196–223.
- Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: Дис. на соискание ученого звания доктора филол. наук. СПб., 2005.
- Игнатьев Б.И. Вопросы двуязычной научно-технической лексикографии: Автореф. канд. дис. Л., 1975.
- Карасик В.И. Значение слова: определение и толкование // Коммуникативные аспекты значения: Межвуз. сб. науч. тр. Волгоград, 1990.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
- Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. 2-е изд., стереотип. М., 2004.
- Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для учащихся нач. шк. Л., 1986.
- Киселевский А.И. Об определениях в энциклопедиях и толковых словарях // Вопр. языкознания. 1979. № 2.
- Ковтун Л.С. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей конца XVI–XVII вв. (об историзме в критике источника) // Вопр. языкознания. 1980. № 5.
- Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.
- Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. М., 2004.
- Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб., 2003.
- Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М., 1975.
- Котелова Н.З. Семантическая характеристика терминов в словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Кузнецова У.К. Лексикографические основы составления англоязычного словаря тувинской культуры: Автореф. канд. дис. СПб., 2005.
- Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Семантическая характеристика слов в диалектном словаре // Проблемы лексикографии: Сб. статей / Под ред. А.С. Герда и В.Н. Сергеева. СПб., 1997.

- Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы. М., 1977.
- Леденёва В.В. Лексикография современного русского языка. Практикум: учеб. пособие. М., 2008.
- Лесников С.В. Словарь русских словарей: более 3500 источников / Предисловие проф. В.В. Дубичинского. М., 2002.
- Лиханова Н.А. Диалектные словари как этнолингвистический источник (на материале лексики забайкальских говоров). Чита, 2010.
- Лиханова Н.А. Лексикографирование культуры в региональных словарях: Автореф. канд. дис. Улан-Удэ, 2011.
- Лукьянченко Т.В. Семья и обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 108–117.
- Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: Автореф. докт. дис. М., 2003.
- Малаховский Л.В., Еремия Н.Л. О нетрадиционных типах статей во втором словаре неологизмов Барнхарта // Проблемы лексикографии: Сб. ст. / Под ред. А.С. Герда и В.Н. Сергеева. СПб., 1997.
- Мартинович Г.А. Из опыта работы над учебным коммуникативно-тематическим словарем русского языка // Проблемы лексикографии: Сб.ст. / Под ред. А.С. Герда и В.Н. Сергеева. СПб., 1997.
- Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Дис. ... докт. филол. н. М., 1990.
- Михеев А.В., Рюмина Н.А., Фрумкина Р.М. Основные результаты анализа трех тематических групп слов «конкретной» лексики // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М., 1985.
- Новиков Л.А. Типология учебных словарей // Учебные словари русского языка: Доклады советской делегации. М., 1973.
- Ольдерогге Д.А. Язык хауса: Краткий очерк грамматики, хрестоматия и словарь. Л., 1954.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Перцова Н.Н. Формализация толкования слова: учеб. пособие. М., 1988.
- Петрушова О.Л. Учебная лексикография в межкультурной коммуникации: Автореф. канд. дис. Ярославль, 2009.
- Пименова А.В. Специфика одноязычных учебных словарей (на материале британских лексикографических издательств) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33.
- Плотникова А.А. Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
- Попова Л.П. Опыт создания двуязычного культурологического словаря (Русско-английский словарь «Россия») // Словарь в современном мире:



Материалы третьей междунар. школы-семинара. Иваново, 14–16 сент. 1999. Иваново, 2000.

- Протченко И.Ф. Словари русского языка: Краткий очерк. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996.
- Розина Р.И. Новое в теории и практике англоязычной лексикографии // Советская лексикография: Сб. ст. М., 1988.
- Рубинчик Ю.А. Лексикография персидского языка. М., 1991.
- Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М., 2003.
- Сафонкина С.А. О способе представления энциклопедической и лингвострановедческой информации в толковом словаре // Лингвострановедческое описание лексики английского языка: Сб. науч. тр. М., 1983.
- Сахарный Л.В. Осознание значения слова носителями языка и типы отражения этого осознания в речи // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку / Под ред. А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой. М., 1970.
- Свинцов В.И. Логика: Элементарный курс для гуманитарных специальностей. М., 1998.
- Семейн Л.Ю. Принципы построения учебных толковых словарей родного языка (на материале британской лексикографии): Автореф. канд. дис. Л., 1990.
- Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / авт.-сост. О.Н. Иванищева, А.М. Эрштадт. Мурманск, 2014.
- Словарь лексики духовной культуры кольских саами / авт.-сост. О.Н. Иванищева, В.Б. Бакула. Мурманск, 2013.
- Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб., 2002.
- Слышкин Г.Г. Проблема лексикографической фиксации культурнокодовой системы современного российского социума // Инновации и инвестиции. 2014. № 7. С. 177–180.
- Сороколетов Ф.П. Традиции русской советской лексикографии // Вопр. языкознания. 1978. № 3.
- Срезневский И.И. Русское слово: Избр. труды. М., 1986.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М., 2001.
- Стернин И.А. Лексическое значение и энциклопедическое знание // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.
- Стернин И.А. К разработке словаря лексической компетенции // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному: Сб. ст. / Под ред. В.В. Морковкина, Л.Б. Трушиной. М., 1986.
- Стернин И.А. Проблема психолингвистического описания семантики // Язык и национальное сознание. Воронеж, 2013. С. 1–5.

- Ступин Л.П. Лексикография английского языка: учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1985.
- Сукаленко Н.И. Двухязычные словари и вопросы перевода. Харьков, 1976.
- Толикина Е.Н. Термин в толковом словаре (к проблеме определения) // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
- Уваров В.Д. Субъективное и объективное в словаре (Из опыта итальянской лексикографии) // Переводная и учебная лексикография. М., 1979.
- Ужова О.А. Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского словаря. Историко-типологическое исследование: Автореф. докт. дис. Ижевск, 2011.
- Уфимцева Н.В. Этнические ритмы и стереотипы культуры // XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика». М., 1994.
- Халифман Э.А. Пособие по французской лексикографии: учеб. пособие. М., 1978.
- Харузин Н.Н. Русские Лопари (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890.
- Цывин А.М. К вопросу о классификации русских словарей // Вопр. языкознания. 1978. № 1.
- Шеллер Э. Ситуация саамских языков в России // Наука и бизнес на Мурмане. 2010. № 2. С. 15–27.
- Шимчук Э.Г. Русская лексикография: учеб. пособие. М., 2003.
- Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Щерба Л.В. Преподавание языков в школе: Общие вопросы методики: учеб. пособие для студ. филол. фак. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2002.
- Atkins B.T. Sue, Rundell M. The Oxford Guide to Practical Lexicography. N.Y., 2008.
- Euralex' 96: Proceedings I–II. Papers submitted to the Seventh EURALEX International Congress on lexicography in Goteborg, Sweden. Part I–II. Goteborg, 1996.
- Hartmann R.R.K., James G. Dictionary of lexicography. London; N.Y., 1998.
- Landau S.I. Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography. 2nd edition. Cambridge, 2001.
- Leech G. Semantics. Aylesbury; Bucks, 1974.
- Lexicography: Principles and Practice. London, 1983.
- Malmgren S.-G. Svensk lexikologi. Ord, ordbildning, ordböcker och orddatabaser. Lund, 1994.
- Mosel U. Lexicography in endangered language communities. 2011. URL: [http://www.linguistik.uni-kiel.de/sldr/stuff/CUP\\_Mosel\\_Lexicography140809.pdf](http://www.linguistik.uni-kiel.de/sldr/stuff/CUP_Mosel_Lexicography140809.pdf) (дата обращения: 20.04.2015).
- Møller K. Leksikologi og leksikografi. København, 1959.



- Nordiske studier i leksikografi: Rapport fra konferanse om leksikografi i Norden. 28–31 mai 1991. Skrifter utgitt av Nordisk forening for leksikografi. Skrift nr 1. Oslo, 1991.
- Svensén B. Handbok i lexikografi: Principer och metoder i ordboksarbete. Stockholm, 1997.
- Understanding the Lexicon. Meaning, Sense and World Knowledge in Lexical semantics. Tübingen, 1988.
- Zgusta L. Manual of Lexicography. Mouton; The Hague; Paris, 1971.

### Источники материалов к словарю

- Антонова А.А. Букварь: для 1 кл. саам. шк. 2-е изд., дораб. Л., 1990.
- Антонова А.А. Букварь: для подгот. кл. саам. шк. Л., 1982.
- Афанасьева Н.Е. Лāзэр кālлса моаййнас (Сказки дедушки Лазаря). Мурманск, 2005.
- Афанасьева Н.Е. Сāмь-рūшш соарнънэгк (Саамско-русский разговорник). Мурманск, 2010.
- Афанасьева Н.Е. Саамско-русский словарь / Н.Е. Афанасьева, Р.Д. Куруч, Е.И. Мечкина и др.; Под ред. Р.Д. Куруч. М., 1985.
- Бороздин Э.К. Северное оленеводство. Ловозеро, 2001.
- Бутылёва А.М. Лексика нартенного оленеводства кильдинского диалекта саамского языка // Диалог культур: культурные стереотипы в эпоху глобализации: сб. статей / науч. ред. О.Н. Иванищева. Мурманск, 2008.
- Виноградова И.В. Мун кāнъц. Парна стиха. Мурманск, 1992.
- Галкина Э.А. Пёййвьесь пёййв. Парна стиха. Мурманск, 1992.
- Елисеев Ю.С., Зайцева, Н.Г. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. Петрозаводск, 2007.
- Иванищева О.Н. Полевые исследования оленеводческой лексики саамского языка: сопоставительный анализ западных и восточных диалектов (к обоснованию темы) / Диалог культур: культурные стереотипы в эпоху глобализации: сб. статей / науч. ред. О.Н. Иванищева. Мурманск, 2008.
- Иванищева О.Н., Бутылёва А.М. Оленеводческая лексика кильдинского диалекта саамского языка // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Вып. 11, 2008.
- Историко-краеведческий альманах «Живая Арктика»: информ.-аналит. журн. / учредитель «Vivid Arctic». Ежемес. 2004, № 10.
- Керт Г.М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009.
- Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. Л., 1986.
- Керт Г.М. Словарь саамских слов, используемых в образовании топонимов на Кольском полуострове. Петрозаводск, 2009.

- Кольские саамы в меняющемся мире. Коллективная монография. М., 2008.
- Костина Г.В. Вокалическая система кильдинского диалекта саамского языка в свете русско-саамской интерференции: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. СПб., 2006.
- Куруч Р.Д., Афанасьева Н.Е., Мечкина Е.И., Хворостухина А.Г., Яковлева Р.И. Сăмь кйлл. Мурманск, 1999.
- Куруч Р.Д. Саамские сказки. Сказки о животных и про охоту. Мурманск, 1989.
- Пация Е.Я. Саамские сказки (под ред. доктора филологических наук Г.М. Керта). Мурманск, 1996.
- Попов С. Резервы оленеводческого хозяйства. Ловозеро, 1997.
- Средотов В.С. Оленеводческий колхоз «Тундра». Ловозеро, 1999.
- Шаршина Н.С., Шеллер Э. Сăмькилсыйт (õхпнуввэмтуй). Ловозеро, 2008.
- Шаршина Н.С., Шеллер Э. Сăмькилсыйт (õххпнуввэмтуй). Грамматика. Ловозеро, 2008.
- Юрьева М.П. Тоавас Олма Ляйнэ (Богатырь Ляйне). Мурманск, 2011.
- Яковлева Р.И. Методическое руководство по обучению саамскому языку. Мурманск, 1990.

## Интернет-источники

- <http://www.rfh.ru/index.php/en/grant/isintegr>

## Сокращения

### 1. Словари

- АЛС – Австрия: Лингвострановедческий словарь / Н.В. Муравлёва, Е.Н. Муравлёва. М., 2003.
- Американа – Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. и общ. рук. Г.В. Чернова. Смоленск, 1996.
- АНЗ – Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь / Под рук. В.В. Ощепковой, А.С. Петриковской. 2-е изд. М., 2001.
- АСРКТ – Кабакчи В.В. The Dictionary of RUSSIA (2 500 cultural terms): Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб., 2002.
- БАС-2 – Словарь современного русского литературного языка: В 20 т.; 2-е изд. М., 1991.
- БНРС – Большой норвежско-русский словарь / Отв. ред. В. Берков. Oslo, 2003.



- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.; СПб., 2000.
- Великобритания – Великобритания: Лингвострановедческий словарь / А.Р.У. Рум, Л.В. Колесников, Г.А. Пасечник и др. М., 1978.
- ГЛСС – Николау Н.Г. Греция: Лингвострановедческий словарь. М., 1995.
- ГСЯ – Мальцева Д.Г. Германия: страна и язык. *Landeskunde durch die Sprache*: Лингвострановедческий словарь. 2-е изд. М., 2000.
- ЖРГ – Ермакова О.П. Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011.
- ИЛС – Ульциферов О.Г. Индия. Лингвострановедческий словарь. М., 2003.
- Кирсанова – Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 в.: Опыт энциклопедии. М., 1995.
- ЛОРЯ – Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / В.В. Морковкин, Н.О. Бёме, И.А. Дорогонова, Т.Ф. Иванова, И.Д. Успенская; Под ред. В.В. Морковкина. М., 1984.
- ЛСВ – Томахин Г.Д. Лингвострановедческий словарь: Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. М., 2003.
- НРИЛС – Куликов Г.И., Мартиневский В.И., Ладисов А.И. Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Г.И. Куликова. Минск, 2001.
- НТСРЯ – Новый толковый словарь русского литературного языка с расширенными ведениями о слове (в книжной и электронной углубленной версиях) / Сост. А.С. Белоусова, Л.А. Григорович, Е.С. Копорская, Л.В. Куркина, Е.М. Лазуткина и др. Т. 1. М., 2014.
- ПАСРЯ – Проспект активного словаря русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаев, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2010.
- РАКС – Бурак А.Л., Тюленев С.В., Вихрова Е.Н.. Россия: Русско-английский культурологический словарь / Под общ. рук. С.Г. Тер-Минасовой. М., 2002.
- РБК – Самситова Л.Х. Реалии башкирской культуры: Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка. Уфа, 1999.
- РД – Андреева И.В., Баско Н.В. Русская деревня – XX век: Культурологический словарь. М., 2003.
- РИДС – Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / авт.-сост.: Н.Ю. Шведова и др.; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011.

- РКП – Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. I / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В. В. Красных. М., 2004.
- РППКВ – Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. 2-е изд. / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., 1988.
- РНС-2 – Berkov V. Russisk-norsk ordbok: 2. utgave. Oslo, 1994.
- РСМС-1 – Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998. Т. I.
- РСМС-2 – Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998. Т. II.
- РФ – Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., 1990.
- РФС – Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь. 14-е изд. М., 1993.
- СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.
- СПЦК – Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.
- СШАЛС – Томахин Г.Д. США: Лингвострановедческий словарь. М., 1999.
- ТКС – Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
- ТМС – Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка / Под ред. проф. В.В. Морковкина. М., 2000.
- ТСУ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.
- Франция – Франция: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Л.Г. Ведениной. М., 1997.
- Харченкова – Харченкова Л.И. По одежке встречают... Секреты русского костюма: Лингвострановедческий словарь. СПб., 1994.
- ХК – Чернявская Т.Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М., 1984.
- Шангина – Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб., 2003.
- DCL – The Dictionary of Cultural Literacy. E. D. Hirsch et al. Boston, 1988.
- DELC – Longman Dictionary of English Language and Culture. [S. 1.], 1992.
- KOL – Nilsson L. Korsordslexikon från A till Ö. Stockholm, 1994



- LEXIN – LEXIN. Svenska ord – med uttal och förklaringar. Andra upplagan. Stockholm, 1994.
- SOOIB – Svenskt ordförråd ordnat i begreppsklasser. Av S.C. Bring. Stockholm, 1962.
- SRL – LEXIN: Svensk-ryskt lexikon. Шведско-русский словарь. Stockholm, 2002.

## ***2. Сокращения источников материалов к словарю***

- Жив. Арк. – Историко-краеведческий альманах «Живая Арктика»: информ.-аналит. журн. / учредитель «Vivid Arctic». Ежемес. 2004, № 10.
- ГК – Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. Л., 1986.
- ОЛ – Охота лопарей / информационная статья (<http://www.sevprostor.ru/poleznoe-interesnoe/ohota/737-ohota-loparej.html>).
- КНС – Коренные народы Севера в современном мире / информационный сайт (<http://etnic.ru.html>).
- КК – Кольские карты / информациоонный сайт ([http://www.kolamap.ru/library/saam\\_pisha.htm](http://www.kolamap.ru/library/saam_pisha.htm)).
- РК – Афанасьева Н.Е. Саамско-русский словарь / Н.Е. Афанасьева, Р.Д. Куруч, Е.И. Мечкина и др.; Под ред. Р.Д. Куруч. М., 1985.
- РЛ – Русские лопари / Под ред. Н. Харузина. М., 1997.

## ***3. Сокращения информантов в словаре***

- АА – Антонова Александра Андреевна, учитель, переводчик.
- АД – Андрей Дубовцев, оленевод.
- ЮА – Юрьева Анна Николаевна.
- ГС – Галкин Семен Николаевич, охотник, оленевод.
- ГА – Гаврилов Андрей Семенович, оленевод, охотник, рыбак.
- МВ – Максим Васильев, оленевод.
- МК – Мария Калмыкова, рукодельница.

## ***4. Сокращения в словаре***

- subst о.ч. – существительное общего числа (в начальной форме нейтральны в отношении грамматического числа).
- subst sq. – существительное единственного числа.
- subst pl. – существительное множественного числа.
- vb – глагол.
- adj – прилагательное.

# СЛОВАРЬ

## БЕЛКА

### 1. Описание

*Белка обыкновенная* (subst о.ч. **вуэррев**) (РК) – это мелкий и ловкий зверек с вытянутым телом и очень *пушистым хвостом* (subst sq. **вўгкесь сёййн**) (ОЛ). Длина её тела составляет без хвоста 19–28 см, а с ним 30–47 см, вес взрослого животного варьируется в пределах от 250 до 340 г. Они имеют *округлую голову* (subst sq. **ёрри вуэййв**) (ГК) с большими и выразительными черными глазами, уши длинные, с кисточками, особенно они выражены в зимний период. Чувствительные волоски – вибриссы растут на морде, передних лапках и брюхе. Тазовые конечности длиннее и мощнее передних. На лапах пальцы с *цепкими и острыми когтями* (subst pl. **пассьтэль кёнци**) (РК), которые позволяют белкам лазить по деревьям и удерживать пищу. Внешне хвост этих животных кажется уплощенным, но такое впечатление производят волосы по бокам хвоста, которые достигают в длину 3–6 см.

*Меховой покров* (subst sq. **нйввьт**) (РК) тела белок условно можно разделить на зимний и летний. Его смена называется линькой и протекает 2 раза в год. Зимний мех высокий, мягкий и пушистый, так летний наоборот – более жесткий, редкий и короткий. Окраска меха у этих грызунов очень изменчива. Больше из животных никто не имеет такой сильно выраженной зависимости цвета волосяного покрова от сезона года, подвида и даже популяции. Летом преобладающим цветом является рыжий и его тона, зимой – серый и черный, иногда с коричневыми вкраплениями. Брюшко всегда светлое или даже белое. Окрас меха зависит, как правило, от среды обитания животного. Если белка проживает в лиственных лесах, где мало хвойных деревьев, то у нее будет господствовать красно-бурый цвет волосяного покрова, если же в хвойных, то там будут встречаться особи исключительно черного или темно-бурого цвета. Такое варьирование окраса является приспособлением к общему фону окружающей среды. В темном хвойном лесу темно-коричневая белка менее заметна, а значит, более защищена от хищников и людей, чем огненно-рыжая, и наоборот. Не исключена так же теория о том, что цвет меха белок зависит от микроклимата, потому что красные и красно-бурые представители данного вида встречаются преимущественно в теплых и сухих местах, а черно-бурые в холодных и влажных.

В природе можно встретить белок со сплошным черным мехом и пегих. В зависимости от зимней окраски хвоста животные делятся на «*краснохвосток*» (subst sq. **рўппьсесь сёййн**) (ОЛ), «*бурохвосток*» (subst sq. **рёшишкэсь сёййн**) (ОЛ) и «*чернохвосток*» (subst sq. **чбāххпесь сёййн**) (ОЛ), так же можно встретить белок «*серохвосток*» (subst sq. **кўввесь сёййн**) (ОЛ).



## 2. Охота

У саамов лучшим способом охоты на белку считалась охота с лайкой, так как она была более продуктивной. Охота начиналась осенью и заканчивалась где-то в середине зимы. Начинающие (неопытные) охотники сначала охотились в сосновом лесу, так как там было легче *увидеть белку в ветвях деревьев* (уйнсэ вуэррев мур альн) (РК). Опытный охотник в лесу способен был увидеть прямые признаки жизнедеятельности белки – наличие *гайн* (subst sq. *вувт*, pl. *вувт*) (ГС) на хвойных деревьях, развешанные на ветках деревьев засушенные грибы и т. д.

Охоту на белку начиналась в то время, когда зверек уже поменял летнюю шубку на зимнюю. Белка ведет дневной образ жизни, поэтому охотились на нее с утра до наступления сумерек. Лучшей погодой для охоты на белку считался не слишком морозный ясный день. В дождливую, ветренную, ненастную погоду белка проводит в гайне (дупле), выходя 2–3 раза в день только на кормежку.

Заметив собаку, белка затаивалась в кроне дерева, плотно прижавшись к стволу, или перебегала по веткам на соседнее, причем порой так, что лайка не замечала ее перемещений. Охотнику предстояло самому увидеть, где спряталась белка. Чтобы «вывести» зверька на более видное место, можно было постучать по стволу топором, чтобы увидеть как *белка перепрыгивает с верхушки одного дерева на верхушку другого* (вуэррев нючкэв ладбэ вэсът ладдэва) (РК). Обнаружив белку, стрелять нужно было в голову, чтобы не повредить шкурку.

На белок охотились главным образом с дротиками, конец которых вместо обычного острия несколько притуплен, чтобы не испортить *шкурку* (subst sq. *вуэррев тбррк*) (ГА). Подобным же способом убивали и других ценных пушных зверей. «Куниц, соболей и белок лопари бьют особыми деревянными стрелами с тяжелым и тупым наконечником», – пишет Олаф Магнус (КНС). В некоторых случаях белок убивали обыкновенными *стрелами с острыми железными наконечниками* (subst sq. *нюлл*) (РК), но при этом, как и во всех случаях, когда желали сохранить в целости ценный мех, так ловко направляли удар, что мех при этом вовсе не страдал.

В этом отношении мастерству и меткости саамов-охотников удивлялся еще Герберштейн: «Они мастерски владеют луком, что в особенности заметно во время охоты на ценных пушных зверей. Все они так ловко и метко посылают стрелы, что мех зверя остается совершенно неповрежденным» (Жив. Арк.)

## 3. Польза для человека

Шкурки охотники снимали вечером в куваксе, сразу вывешивая их для просушки. Нужно было не забыть при этом переломить *бедренные кости* (subst pl. *таххьт*) (ГК) добытых белок. Это древний прием охотничьей магии – если выполнить его, зверьки и впредь не будут убегать. *Беличье мясо*

(subst sq. **вуэррев вуэннч**) (РК) доставалось на ужин охотнику и перепадало собакам.

Освежеванные тушки белок потрошили, промывали и варили в котле.

#### 4. Фольклор (сказки, пословицы)

Саамская сказка «**Вуэррев**» из сборника «Сказки дедушки Лазаря»<sup>1</sup>

*Мѐһцълэнч вўлькэ мѐһца пѐннганѐ. Пѐнна коавнэ вуэррев пѐссь сай, пѐссь сызын лїйенѐ вуэррев – алка я вуэррев – ѐннѐ. Пѐннэ элькэ угкэ. Вуррев – ѐннѐ сѐррн алкатѐ: «Тыйй оарре пѐсь сызын мїлкнесьт, елле кўввѐлсалле!» Эфт алкне цїльке: «Тѐнн мїлкнесьт луэштэдак вэлас, маңцьмусс вуэцьс эл. Кїч чѐд пѐзь куэһцьве, манѐтэ лї мѐһцѐла я пѐннэ». Вуэррев алкэнч пўдѐ пѐдзь лѐддѐва, касьт лѐйй пѐссь я сѐррн: «Мѐһцѐла лї вѐптэзгк ѓлмэнч, пиннчак лї ѓдт, пысс пай вуаллк, пѐнна лї пўйтэсь». Ённэсь сѐррн: «Тыйй, пѐррнэ, елле палле, оарре мїлкнесьт. Анѐ мѐһцѐла пѐзь куалхталл. Сѓнн вэххтэнне уййт».*

*Вуэррев алка ыйїдэнѐ, їнца авѐта пўдѐ мѐһцѐла, элькэ пѐзь куалхтэллэ. Пѐннэ угк. Ённэсь сѐррн: «Луэштэд вэлас, вѐльшэһтѐ, манѐтэ мѐһцѐла лї пуадтма». Вуэррев – алкэнч нїе вэлас маңцьмусс вуэцьс эл я кѐһч: ѓлмэнч лї вуэмь кѐхтнэсьт, рўсст пысс, вуэмь савехь, пѐннэ лї нѐлльк. Нюччк вусьт пѐдзе, ыррашт, угк їннѐеннэ. Вуэррев – алка карэ па-яс пѐзь ѐннэсь лўз я сѐррн: «Мѐһцѐленч лї вѐйѐаш, кѐххтан лї вуэмь, рўсст пысс, вуэмь савехь. Пѐннэ лї нѐлльк».*

*Ённэсь сѐррн: «Тыйй, пѐррнэ, оарре, елле лыгкнэгке. Тэдта мѐһцѐла мїнэтѐ коавн». Ёдѐжь вўлькэ ѓдзэ чўһкас мўрэ мїлльтэ, коаңк лѐв пѐзь, кўз сўгктэ я алям. Вуэррев – ѐннѐ пўдѐ моазэ я сѐррн пѐрнэдэсь: «Адтѐ аллькэпѐ мїлкнесьт нюччкэ кѐдѐжълэнне мўрэсьт мўрра. Мунн эѐтас алка нюччкэ, э тыйй мїлльтэ. Ныдтѐ сыйй нюччкэшкудтэнѐ: вуэррев – ѐннѐ эѐтэсьт нюччк я маңас кїчант, кѓххт пуэдтѐв мїлльтэ сѓн пѐррнэ. Ныдтѐ вуэррев – ѐннѐ воаеһтѐ ѐллем сай. Адтѐ вуэррев – алка пўдтэнѐ ѓдт сайя. А мѐһцълэнч лышэ куалхталл курас пѐзь, а пѐннэ угк курас пѐдзэ. Ныдтѐ пынньчесс вуэррев пїсьтэ мѐдэсьт їжесѐ алкатѐ. Моайнас пугк.*

Саамская пословица «**вуэррев кэнц огкнаһтѐм ѓлмне вуэць ев ню-алл**» (РК) переводится как «лоб бесстыжесго человека не покраснеет даже от когтей белки», так саамы называли нечестных и наглых людях.

<sup>1</sup> Афанасьева Н.Е. Лѐзэр кѐллса моайнас (Сказки дедушки Лазаря). Мурманск, 2005. С. 13.



## ВОЛК

### 1. Описание

Волк (subst sq. *пальтэсь*, pl. *паллтас*) (РК) – хищный зверь (subst sq. *пайннь нэввэйт*) (ГС) из семейства псовых.

Размеры и общая масса волков подвержены сильной географической изменчивости; замечено, что они меняются пропорционально в зависимости от окружающего климата и в полном соответствии с правилом Бергмана (чем более холодный климат, тем крупнее животное). В общем случае высота животных в холке колеблется в пределах 60–95 см, длина 105–160 см, а вес 32–62 кг, что делает обыкновенного волка одним из самых крупных млекопитающих в семействе. Прибылые (годовалые) волки (subst sq. *паллтсэньч*) (ГА) весят в пределах 20–30 кг, переярки (2–3 года) (subst sq. *паллтса*) (ГА) – 35–45 кг. Взрослыми считаются особи, достигшие 2,5–3 лет, вес 50 и более килограммов.

### 2. Охота

Саам-охотник, увидев волка (*уйнсэ паллтас*) (РК), старались его замучить, гоняя на лыжах по глубокому снегу и били кольями. Если волк был еще способен сопротивляться и, пытаясь скрыться, оставлял следы (subst pl. *паллтас кййе*) (ГК), то охотники добивали его из самострелов, рогатиной или дротиком.

Еще одним вариантом охоты на волков, является сооружение волчьей ямы (subst sq. *паллтас коабнь*) (РК). Волков загоняли в волчьи ямы и убивали свинцовыми пулями из *пицали* (subst sq. *коаннйтэмкэвнь*) (ГС).

С волками саамам постоянно приходилось вести упорную борьбу, так как громадные волчьи стаи (subst pl. *паллтас туххк*) (ГА) причиняют немалый ущерб их стадам. Олаф Магнус говорит о капканах (subst pl. *паллтас рэввэйт*) (КНС), раздробляющих волкам лапы в тот момент, когда они набрасываются на положенную около них пищу.

### 3. Предметы одежды

Волчьи шкуры (subst sq. *паллтас тэульй*) (РК) составляли предмет меновой торговли саамов со шведами. Саамы обменивали волчьи шкуры на медную посуду, дешевые полотна, вытканые шведскими крестьянами. Иногда из волчьего меха (subst pl. *паллтас нэввэйт*) (ГК) изготавливались рукавицы (subst sq. *воаһиц*, pl. *воац*) (РК). Рукавицы шились мехом наружу.

### 4. Художественная литература

Рассказ про волка и лиса «Лис-куманек и его товарищи»<sup>1</sup>

Жили-были старик со старухой. У них была одна дочь. Лис-куманек взял ее в жены.

Старик со старухой жили отдельно, а их зять лис-куманек жил в тундре. Они стали ходить в лес охотиться. Они добывали на охоте мясо.

<sup>1</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки (под ред. доктора филологических наук Г.М. Керта). Мурманск, 1996. С. 115.

Старик отнес мясо на сохранение зятю. Старушка стала просить старичка:

— Сходи посмотреть, как живут зять-лис с нашей дочерью и цело ли у них наше мясо?

Старик пошел. Он долго шел, так как дом лиса-зятя был далеко в тундре. Старик еще не дошел до их дома, как вдруг ему навстречу вышел зять-лис и спрашивает:

— Зачем пришел?

А старик у него спрашивает:

— Как вы живете? Как у вас наше мясо сохраняется?

Зять-лис сказал:

— Мясо в сохранности. Ни ворон его не ест, ни мыши. А твоя дочь родила мне сына, по имени Начало. Старик пришел домой и говорит жене:

— Мясо в порядке. А наша дочь родила сына, по имени Начало.

Прошло несколько дней. Старуха опять стала просить старика проведать дочь и посмотреть, как у зятя-лиса сохраняется их мясо. Старик пошел, и навстречу ему вышел зять-лис. Он спросил старика:

— Ты зачем пришел? Старик спросил:

— Как наше мясо сохраняется?

Зять ответил:

— Ваше мясо хорошо сохраняется. У вашей дочери родился сын, по имени Середина.

Старичок пришел домой и сказал старушке:

— У нашей дочери опять родился сын, по имени Середина.

Через некоторое время старушка опять послала старика проверить, как сохраняется мясо и как живет их дочь.

Старичок пошел в тундру, а зять-лис вышел к нему навстречу. Старичок спросил:

— Как у вас мясо сохраняется? Зять ответил:

— Мясо хорошо сохраняется. Его ни ворон не ест, ни мыши. У вашей дочери родился сын, по имени Конец. Завтра приходите к нам в гости.

Старичок пришел домой к старушке и говорит:

— Мясо в целости. У нашей дочери родился сын, по имени Конец. Старушка заплакала.

— Ой, они всё наше мясо съели.

А зять-лис в это время, когда все мясо уже было съедено, убил свою жену. У него были товарищи: дедушка-медведь и дяденька-волк.

Лис-куманек положил убитую жену в керешку-нарту, а дедушка-медведь да дяденька-волк стали на себе тащить керешку. Тащили, тащили и спрашивают:

— Лис-куманек, Лис-куманек, какая будет нам плата? А лис отвечает:



– Тащить да есть.

Старик со старушкой пошли к зятю-лису в гости. Пришли они и видят-их дочь стоит на улице. Старушка говорит:

– Вот как она нас дожидается.

Подошли поближе и видят, что это не их дочь, а пень стоит, одетый в ее одежду. Тут они заплакали. Нет ни дочери, ни мяса. Звери увезли нарту с убитой женой лиса и съели ее. К ним еще присоединились песец, заяц, белка и выдра. Дедушка-медведь говорит лису:

– Дай нам есть!

Лис сказал:

– Подожди, я посчитаю. Я сам – хороший человек. Дедушка-медведь – хороший человек. Дедушка-волк – хороший человек. Песец – хороший человек. Выдра – хороший человек. Заяц – хороший человек. Белка – плохой человек.

Они белку съели. Опять стали голодные. Опять лис стал считать, и они съели зайца. Затем по очереди съели выдру и песца, а волк испугался и убежал в лес.

Теперь лис-куманек да дедушка-медведь стали вместе ходить. Они увидели дятла с красивой спинкой. Лис-куманек говорит:

– Я разрисовал спину у этой птички. Медведь говорит:

– Разрисуй и мне спину. Лис говорит:

– Разрисовал бы, да много здесь будет работы.

Медведь-дедушка говорит:

– Я все сам сделаю. Только ты мне разрисуй спину. Медведь-дедушка все сам сделал: дров достал, берестовые веревки сплел, растопки приготовил, а сам сел на костер, как велел ему лис-куманек. А лис-куманек привязал его к бревнам костра берестяными веревками и зажег костер. Медведь загорелся и кричит:

– Лис-куманек, я горю! Лис говорит:

– Неужели ты не можешь потерпеть, как дятел терпел. Спина красивая станет.

Дедушка-медведь выл-выл и сгорел. Лис-куманек убежал.

Через три дня он пришел посмотреть, как сгорел медведь. Он тихонько подкрался. Медведь весь сгорел. Только кости остались. Лис-куманек сложил кости в мешок, положил мешок себе на спину и стал ходить один по лесу. Навстречу ему вышел человек. Он спросил лиса-куманька:

– Что ты несешь? Лис-куманек ответил:

– Я несу память медведя. Человек говорит:

– Отдай мне память медведя. Лис говорит:

– Не отдам. Она мне дорога. Человек говорит:

– Сменяемся на жирную важенку.

Лис-куманек согласился. Он взял важенку и унес ее в лес.

Он стал есть важенку один, без товарищей. От жадности лис так много съел, что ему стало плохо, и он издох.

## 5. Фольклор (сказки, пословицы)

### Сказка «Волк и олень»<sup>1</sup>

Олень гулял по лесу и вдруг слышит жалобный вой. Пошел он на голос, видит – ветер повалил большую ель, а той елью волка придавило. Ляжет волк распластаный под елью, а выбраться никак не может – только стонет.

Покачал олень рогатой головой, спрашивает:

– Как же это тебя угораздило?

– Ох, и не спрашивай, милый, того и гляди дух испущу. Лучше поддень рогами свол, выручи!

– Я бы с радостью, да ель больно толстая – не поднять, – усомнился олень.

– Ты хоть попробуй, – взмолился волк.

– Что ж, попробовать можно, – согласился олень и поддел рогами ель.

Собрал он все свои силы, поднатужился и – гляди-ка! – сумел приподнять ствол. Самую, правда, чуточку, но с волка и этого хватило: он уже успел выбраться из своей западни.

«До чего же я сильный!» – обрадовался олень.

А волк встряхнулся, встал на лапы и начал свою шубу оглядывать, не порвалась ли. Но нет, все было цело, и ни один шов не разошелся. Тогда волк вспомнил про оленя. Сразу кинулся к нему и зарычал, точа когти о землю.

– Стой! Ты это куда уходишь?

– Куда? – спросил олень. – Туда же, куда и шел.

– Ни с места! – зарычал волк. – Я должен тебя съесть. Олени всегда были моей добычей.

– Погоди-ка, разве не я спас тебя от смерти? – спросил олень.

– Это к делу не относится, – ответил волк.

– И тебе не стыдно, жадина?

– А чего мне стыдиться? Сдеру с тебя шкуру – вот и весь разговор.

Олень не мог согласиться с волком, и они долго еще спорили.

Спорили-спорили, но так ни до чего и не dospорились. И тогда олень предложил:

– Пусть нас кто-нибудь рассудит, тогда мы и узнаем, кто прав.

Волк только обрадовался:

– Согласен!

А сам думает: «Мне же лучше – я и оленя съем и судью в придачу!»

Весь день они судью искали и только к вечеру нашли. Это был старик медведь. Он шел в деревню, чтобы раздобыть на пасеке меда для сво-

---

<sup>1</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки. Сказки о животных и про охоту. Мурманск, 1989. С. 46.



ей молодой медведицы. Слегка поворчав, он все же терпеливо выслушал и волка и оленя. А выслушав, сунул в пасть лапу и задумался. Но придумать ничего не сумел.

– Не знаю, как с вами и быть, – говорит. – Пожалуй, надо посмотреть, где все это случилось.

Волк с оленем повели его к поваленной ели. Обошел медведь вокруг ели и опять задумался. А потом и говорит:

– Ну-ка, олень, поддень-ка рогами ствол. Не верится, чтоб ты его мог приподнять.

– Еще как могу! – обиделся олень и приподнял рогами ствол.

А медведь и говорит:

– Ну-ка, волк, заберись опять под ель. Что-то не верится, чтобы ты в такую щель пролез.

– Еще как пролезу! – рассердился волк и мигом вполз под приподнятую ель.

Тогда медведь сказал:

– А ну-ка, олень, опусти ствол на прежнее место.

Олень опустил ель, и – гляди ты! – волк снова оказался в западне.

Как был в западне, так в ней и остался: кто же станет еще раз помогать такому предателю?

Известная саамская пословица **«коале пальтэсь злькэ чўдзье каррэ, тэль е нўдзэтъ нудё кёджь»** (РК) – если волк начал в стадо бегать, оленям пришел конец; пришла беда – отворяй ворота.

## ЗАЯЦ

### 1. Описание

*Заяц-беляк* (subst sq. *нюэммель*) (ГК) населяет тундру, лесотундру, лесную и лесостепную зоны, наиболее распространенные места обитания – смешанные леса с еловым подростом или можжевельником, молодые березняки и осинники, окраины вырубок или болот, заросших травой.

Как утверждают опытные саамы-охотники, заяц-беляк старается *запутать* (vb *рӯкнэ*) (ГС) свои следы. При этом делает петли, *скидки – большие прыжки в сторону* (*нюэммель-налла нюччкэ*) (РК), обычно к траве, канаве или кусту. Кроме того, *маскируя свой след* (vb *луэмнэ*, vb *луэмнэ*) (ГК), он проходит по воде, по наезженным дорогам или утоптаным тропам, по следам других животных.

*Следы зайца* (subst pl. *нюэммель кйй*) (РК), оставленные им на жировке, охотники называют маликом. В ветреную или холодную погоду во время заморозков беляк легко *поднимается с лежки* (vb *вэннъе*) (ГС), а в пасмурную влажную и сравнительно теплую погоду лежит очень крепко и близко к себе подпускает.

### 2. Охота на зайцев

Самым доступным способом охоты на зайцев у саамов-охотников являлась *охота с подхода* (subst sq. *мёххьц*) (РК). В тундре она всегда была успешной. Зная излюбленные места лежек этих зверьков, охотник с ружьем наготове подходил против ветра к каждому такому месту: низкорослой ели, поваленному дереву. Идти надо было медленно и бесшумно, чтобы спугнутый с лежки заяц не убежал от выстрела. Для такой охоты лучше всего подходила мягкая, умеренно влажная и маловетренная погода, чтобы шаги охотника по сырой земле бесшумны. *Стрелять* (vb *рйшкхэ*) (РК) необходимо было дробью, целясь по ушам угонного зайца.

Менее распространенным способом охоты была *охота нагоном* (subst sq. *гōннэ*) (ГС). На каждый загон саамы делились на два отряда: загонщиков и *стрелков* (subst sq. *рйшкхэмушш*) (ОЛ). На лазах зверьков, то есть на местах, где зайцы чаще всего проходили, *опытный охотник* (subst sq. *мёххьцтей*) (ОЛ) расставлял стрелков вдоль по просеке, лесной дороге или тропинке. Затем он уводил загонщиков и, расставив их фронтом, давал команду о начале охоты. Загонщики с шумом двигались в сторону стрелков и выпугивали на них зайцев.

### 3. Художественная литература (стихотворения, рассказы)

В сборнике стихотворений Ираиды Виноградовой «Мун кәнъц»<sup>1</sup>.

*Лōгктэдтмушш*

*Эххт, кӯһт, кōллм, нёлль –*

*Ыдэ вāресът вйлькесь нюэммель.*

<sup>1</sup> Виноградова И.В. Мун кәнъц. Парна стиха. Мурманск, 1992. С. 4



Тыйй сѳн елле коаннѳтѳ!  
Кѳнче, сѳнн лѳ мѳджесь манѳтѳ!  
Сѳнн чофта ѳллмѳнѳ палл,  
Ушта олма сѳн вѳллт.  
Удла нѳччк кѳссе –  
Кѳссе гудѳль вѳссе.

4. Фольклор (сказки, былины, загадки, пословицы, поговорки)

*пѳлч лѳ гѳ нѳзммель* (перен.) *труслив как заяц* (о слабом и трусливом человеке)

*тѳнѳсьт лѳ нѳзммель койдѳтѳ сѳссѳнѳ* (посл.) *у тебя заяц в штанах* (о трусливом человеке)

Сказка про зайца в сборнике «Саамские сказки дедушки Лазаря»:

**«Моайнас рѳмьн я нѳзммель баяс»<sup>1</sup>**

*Рѳмьн я нѳзммель коавншуввенѳ вѳресѳт. Нѳзммель сѳррн: «Рѳмьн, алѳкѳпѳ эфѳтѳсьт чѳнѳкѳ мѳлѳтѳ ѳадѳтѳ». Рѳмьн вуагк, вуагк я ескант, маѳас кѳнч, кулѳталл. Нѳзммель кадѳжѳ: «Рѳмьн, мѳйѳт тѳнн ескнак я кулѳтѳлак?» Рѳмьн сѳррн: «Мунѳсьт пѳдѳсьт евѳла чѳлѳм – я сѳйнѳнѳшкѳдѳ». Нѳзммель юррт: мунн нѳдѳтѳ шѳ тѳйшшладѳта сѳн. Нѳзммель карр чѳнѳкѳ мѳлѳтѳ раст-раст чѳнѳкѳ. Тѳнн пѳлла чѳнѳка карр, ескант, кулѳталл. Нѳмьн пѳлла чѳнѳка карр, кулѳталл. Рѳмьн сѳррн: «Мѳйѳт тѳнн, нѳзммель, раст-раст чѳнѳка карак я кулѳтѳлак?» Нѳзммель сѳррн: «Чѳнѳка вѳлленѳ элѳ чѳзѳкас – я сѳйнѳнѳшкѳдѳ». Мунн нѳдѳтѳ шѳ рѳмьн тѳйшшлѳнѳтѳ. Кѳнѳта сѳйнѳнѳ. Нѳзммель сѳйнѳнѳт, шѳтѳ рѳмьнѳсьт пѳдѳсьт евѳла чѳлѳм, э рѳмьн сѳйнѳнѳт, шѳтѳ чѳнѳка вѳлленѳ элѳ чѳзѳкас, тѳнн гуѳйѳкѳ карр нѳзммель раст-раст чѳнѳка.*

---

<sup>1</sup> Афанасьева Н.Е. Лѳзѳр кѳллса моайнас... С. 28.

## ЛИСА

### 1. Описание

*Рыжая лиса* (subst sq. *ручкесь рймьн*) (РК) – хищное млекопитающее семейства псовых, наиболее распространённый и самый крупный вид рода лисиц. Длина тела 60–90 см, хвоста – 40–60 см, масса – 6–10 кг.

Окраска и размеры лисиц различны в разных местностях; всего насчитывают 40–50 подвидов, не учитывая более мелких форм. В общем, при продвижении на север лисицы становятся более крупными и светлыми, на юг – мелкими и более тускло окрашенными. В северных районах и в горах также чаще встречаются чёрно-бурые и другие формы окраски лисиц. Наиболее распространённый окрас лисы: ярко-рыжая спина, белое брюхо, тёмные лапы. Часто у лисиц присутствуют *бурые полосы на хребте и лопатке* (subst pl. *чуэий*) (ГС), похожие на крест. Общие отличительные черты: тёмные уши и белый кончик хвоста. Внешне лисица представляет собой зверя среднего размера с изящным туловищем на невысоких, тонких лапах, с вытянутой мордой, острыми ушами и длинным пушистым хвостом.

Лиса *линяет* (vb *кбллкэ*) (ГК) в феврале-марте, и заканчивается линька в середине лета. Сразу же после этого у лисицы начинает отрастать *зимний мех* (subst sq. *тйльвнйввьт*) (ГС), в который она полностью одевается к рубежу ноября и декабря. *Летний мех* (subst sq. *кёссьнйввьт*) (ГС) гораздо более редкий и короткий, зимний – более густой и пышный. Лисы отличаются большими ушными раковинами-локаторами, при помощи которых они улавливают звуковые колебания.

*Лисицы* (subst sq. *ниңцлэсс рймьн*) (ГК) заселяют тундру и субарктические леса, степи и пустыни, включая горные массивы. Лисицы обитают в *норах* (subst sq. *рймьн вуэңк*, pl. *рймьн вуэңк*) (РК).

### 2. Охота

Саамы ловили лисиц в *ямы, прикрытые сверху хворостом и замаскированные снегом* (subst sq. *вэ́дз коабнь*) (ГС), или же капканами, расставленными в таких местах, где они обыкновенно появлялись. Если лисица попадала в капкан, она начинала негромко *скулить* (vb *вынньшэ*) (РК), и тогда становилась легкой добычей для саама-охотника. Иногда охотники использовали также *отраву* (subst o.ч. *йбняр*) (КНС), подмешанную к приманке. Для приготовления отравы саамам служил *особый вид мух* (subst sq. *чуэраш*) (КНС). Лисицу необходимо было поймать как можно скорее, пока животное *не скрылось в норе* (*рймьн кадтэль вуэңка*) (РК).

### 3. Предметы одежды

Мужчины носили суконные шапки (каппер) на подкладке из лисьего меха. Нижняя часть головного убора (околыш) отличалась по окраске и форме от верхней (тульи), шилась из цельной *лисьей шкуры* (subst sq. *рймьн куэшишь*) (ГС). Традиционно использовались красный, синий и



чёрный цвета. Если околыш был цилиндрическим, то тулья представляла усечённую четырёхгранную пирамиду основанием вверх. К околышу пришивались наушники с тесёмками, которые завязывались под подбородком. Нижняя часть с наушниками делалась из лисьего меха. Орнаментировался каппер цветным сукном, бисером, жемчугом. Женщины заготавливали выкройки (subst sq. *вайй*, pl. *вай*) (ГК) и из крепких лисьих шкур (*тўлльй лй ассай*) шили воротники (subst sq. *рйммьн коавлас*) (РК).

#### 4. Художественная литература (стихи, рассказы)

##### **Рассказ «Лисица и медведь»<sup>1</sup>**

*Лисица и медведь решили жить вместе, сообща доставать себе корм.*

*Лисица хитрая: ходит по селениям и разузнает, что и где лежит. Однажды зовет медведя:*

*– Пойдем, медведь, сегодня ночью со мной. Я нашла в одном подвале богатую добычу.*

*Пошли. Забрались в подвал. Поели там мясо и рыбу. Медведь нашел водку. Напился и стал петь и плясать. Люди услышали шум, прибежали в подвал. Лисица успела выскочить, а медведя поймали.*

#### 5. Фольклор (сказки, былины, загадки)

##### **«Сказка про лиса»<sup>2</sup>**

*Жили-были старик со старухой. У них была одна дочь. Лис-куманек взял ее в жены.*

*Старик со старухой жили отдельно, а их зять лис-куманек жил в тундре. Они стали ходить в лес охотиться. Они добывали на охоте мясо. Старик отнес мясо на сохранение зятю. Старушка стала просить старичка:*

*– Сходи посмотреть, как живут зять-лис с нашей дочерью и цело ли у них наше мясо?*

*Старик пошел. Он долго шел, так как дом лиса-зятя был далеко в тундре. Старик еще не дошел до их дома, как вдруг ему навстречу вышел зять-лис и спрашивает:*

*– Зачем пришел?*

*А старик у него спрашивает:*

*– Как вы живете? Как у вас наше мясо сохраняется?*

*Зять-лис сказал:*

*– Мясо в сохранности. Ни ворон его не ест, ни мыши. А твоя дочь родила мне сына, по имени Начало. Старик пришел домой и говорит жене:*

*– Мясо в порядке. А наша дочь родила сына, по имени Начало.*

<sup>1</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 29.

<sup>2</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 31.

Прошло несколько дней. Старуха опять стала просить старика проведать дочь и посмотреть, как у зятя-лиса сохраняется их мясо.

Старик пошел, и навстречу ему вышел зять-лис. Он спросил старика:

— Ты зачем пришел? Старик спросил:

— Как наше мясо сохраняется?

Зять ответил:

— Ваше мясо хорошо сохраняется. У вашей дочери родился сын, по имени Середина.

Старичок пришел домой и сказал старушке:

— У нашей дочери опять родился сын, по имени Середина.

Через некоторое время старушка опять послала старика проверить, как сохраняется мясо и как живет их дочь.

Старичок пошел в тундру, а зять-лис вышел к нему навстречу. Старичок спросил:

— Как у вас мясо сохраняется? Зять ответил:

— Мясо хорошо сохраняется. Его ни ворон не ест, ни мыши. У вашей дочери родился сын, по имени Конец. Завтра приходите к нам в гости.

Старичок пришел домой к старушке и говорит:

— Мясо в целости. У нашей дочери родился сын, по имени Конец. Старушка заплакала.

— Ой, они всё наше мясо съели.

А зять-лис в это время, когда все мясо уже было съедено, убил свою жену. У него были товарищи: дедушка-медведь и дяденька-волк.

Лис-куманек положил убитую жену в керешку-нарту, а дедушка-медведь да дяденька-волк стали на себе тащить керешку. Тащили, тащили и спрашивают:

— Лис-куманек, Лис-куманек, какая будет нам плата? А лис отвечает:

— Тащить да есть.

Старик со старушкой пошли к зятю-лису в гости. Пришли они и видят-их дочь стоит на улице. Старушка говорит:

— Вот как она нас дожидается.

Подожли поближе и видят, что это не их дочь, а пень стоит, одетый в ее одежду. Тут они заплакали. Нет ни дочери, ни мяса. Звери увезли нарту с убитой женой лиса и съели ее. К ним еще присоединились песец, заяц, белка и выдра. Дедушка-медведь говорит лису:

— Дай нам есть!

Лис сказал:

— Подожди, я посчитаю. Я сам — хороший человек. Дедушка-медведь — хороший человек. Дедушка-волк — хороший человек. Песец — хороший человек. Выдра — хороший человек. Заяц — хороший человек. Белка — плохой человек.



Они белку съели. Опять стали голодные. Опять лис стал считать, и они съели зайца. Затем по очереди съели выдру и песца, а волк испугался и убежал в лес.

Теперь лис-куманек да дедушка-медведь стали вместе ходить. Они увидели дятла с красивой спинкой. Лис-куманек говорит:

– Я разрисовал спину у этой птички. Медведь говорит:

– Разрисуй и мне спину. Лис говорит:

– Разрисовал бы, да много здесь будет работы.

Медведь-дедушка говорит:

– Я все сам сделаю. Только ты мне разрисуй спину. Медведь-дедушка все сам сделал: дров достал, берестовые веревки сплел, растопки приготовил, а сам сел на костер, как велел ему лис-куманек. А лис-куманек привязал его к бревнам костра берестяными веревками и зажег костер. Медведь загорелся и кричит:

– Лис-куманек, я горю! Лис говорит:

– Неужели ты не можешь потерпеть, как дятел терпел. Спина красивая станет.

Дедушка-медведь выл-выл и сгорел. Лис-куманек убежал.

Через три дня он пришел посмотреть, как сгорел медведь. Он тихонько подкрался. Медведь весь сгорел. Только кости остались. Лис-куманек сложил кости в мешок, положил мешок себе на спину и стал ходить один по лесу. Навстречу ему вышел человек. Он спросил лиса-куманька:

– Что ты несешь? Лис-куманек ответил:

– Я несу память медведя. Человек говорит:

– Отдай мне память медведя. Лис говорит:

– Не отдам. Она мне дорога. Человек говорит:

– Сменяемся на жирную важенку.

Лис-куманек согласился. Он взял важенку и унес ее в лес.

Он стал есть важенку один, без товарищей. От жадности лис так много съел, что ему стало плохо, и он издох.

**«О лисе»<sup>1</sup>**

Зачала лиса к лопину в амбар лазить, рыбу искать. Пришел раз лопин в амбар, а лиса тут и лежит, как мертвая. Взял ее лопин и бросил в кережус с рыбой: думал,дохлая. А лиса всю рыбу из кережи повыкидывала дорогой и съела. Приехал и лопин домой, видит, нет рыбы. Взял он собак и пустился в погоню за лисой. А лиса в норе уже сидит и сама с собой говорит. «Что, уши, вы делали?» – «Мы слушали, не идет ли лопин, не лают ли собаки». – «Что, глаза, вы делали?» – «Смотрели, нет ли близко лопина». – «Что, ноги выделали?» – «Уносили тебя от врагов твоих». – «Что, ты, хвост, де-

<sup>1</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 34.

лал?» – «Мешал тебе бежать». – «Вот какой ты товарищ», говори: лиса и выставила хвост собакам. А те вытащили лису за хвост и разорвали.

### **«Лисица и лопарь»<sup>1</sup>**

Жили лисица и лопарь; жили очень дружно. Мужик пошел на охоту: мужик только что ушел, лисичка натянула на палочку пойду и стала жарить у комелька. Сало каплет – она лежит; у ней все лицо сгорело. Мужик как пришел, как плеснет воды в комелек – она и не услышала. Пойда от палочки отлетела и прямо ей в глаза; она и ослепла: не видит ничего. Лопарь пришел, она и говорит: «Кто-то воды налил в комелек, и сало в глаза пошло; у меня все глаза сгорели». Мужик и говорит: «Пойдем со мной; поправим твои глаза». Мужик привел лисицу к дереву – к сосне. Лисица стала кланяться: «Сосна-матушка! Дай мне глаза». Мужик отодрал кусок смолы и прилетил к глазам лисицы; она и говорит: «Вижу, только слипаются глаза, открыть не могу». Он и говорит: «Пойдем, посетим березу». Пришли к березе: «Береза-матушка», – говорит лисица, – дай мне глаза и кланяется. Береза и дала лисице глаза, только что узкие: прилетела кусочек бересты к глазам и лисица стала видеть и говорит: «Вижу». Тогда мужик говорит: «Коли видишь, иди одна домой». Она и пошла домой, а он за ней, лисица видит – на дороге дерево скривилось, а лисица другая под деревом яму копает – она и думает что дом. Мужик и говорит: «Куда ты пихаешься, ведь это не дом»; она говорит: «Полно молоть-то, это дом наш». Мужик стал лисицу за хвост дергать; он дергал, дергал за хвост и хвост выдернул. Потом мужик пошел домой, а лисица тут под деревом и осталась жить. Мужик стал искать, искать нет ли чего у лисицы; искал и нашел золота и серебра много. Стал жить и богатеть.

### **«Хитрая лиса»<sup>2</sup>**

Лиса была так хитра, что все звери на нее рассердились. Вот собрались как-то медведь, волк, куница, песец и заяц и решили отомстить лисе за ее проделки. Окружили ее в лесу, стали ловить. Лиса видит, что ей не убежать, и давай хитрить.

– Будем считаться, – говорит она, – кто всех меньше, того и съедим.

Никто не хотел быть меньше всех, каждый считал себя большим, и все поэтому с лисицей согласились.

Считались-считались. Кто всех меньше, того и съедим. Так и съели одного за другим – зайца, куницу, песца, волка. Остались медведь и лиса.

Опять стали считаться.

Считались-считались и вышло: быть съеденной лисе.

Медведь говорит:

– Теперь я тебя съем!

<sup>1</sup> Юрьева М.П. Тоавас Олма Ляйнэ (Богатырь Ляйне). Мурманск, 2011. С. 17.

<sup>2</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 61.



Лиса и тут давай хитрить:  
– Не хочу, чтобы ты здесь меня ел, неси через горы.  
Медведь взял лису и понес.  
Идут, слышат – дятел по дереву стучит.  
Лиса и говорит дятлу:  
– Хорошо тебе жить с красивой спинкой.  
Медведь спрашивает лису:  
– Что ты ему сказала?  
– Сказала – хорошей краской я ему спину выкрасила.  
Понравилась медведю дятлова спина.  
– Раскрась и мне спину так, как дятлу раскрасила, – говорит он лисе.  
А лиса медведю на это отвечает:  
– Много дел будет: нужно смоляных дров приготовить, нужно крепких ивовых прутьев наломать.  
– Я все сделаю, – уговаривал ее медведь.  
Лиса согласилась: пусть медведь делает.  
Спустил медведь лису на землю, а сам стал смоляные дрова готовить, ивовые прутья ломать. Наготовил всего, что лиса велела.  
– Теперь надо к делу приступать, спину тебе красить, – сказала лиса.  
Привязала медведя ивовыми прутьями к толстой сосне, велела ему пробовать, крепко ли держат прутья. Медведь раз дернулся, второй раз дернулся, не мог оторваться от толстой сосны.  
Лиса и говорит:  
– Ну, вот и хорошо. Сейчас я огонь разведу и буду тебе спину красить.  
Обложила медведя смоляными дровами, а сама водит по спине медведя лапой и приговаривает:  
– Лепись, лепись краска, будет спина красивой.  
Потом развела огонь, а сама лапой по спине медведя водит.  
Потом сразу разгорелся огонь, пламя охватило всего медведя, а лиса прочь убежала.  
Медведь стал ругать лису, грозить ей, что он ее разорвет на месте, если она ему попадется. Попробовал разорвать ивовые вязки, да не мог.  
Вернулась лиса, собрала медвежьи косточки и пепел от костра, положила все в мешок и пошла по дорожке.  
Увидал лису человек и спрашивает:  
– Что несешь?  
Лиса отвечает:  
– Дедушкины и дядины косточки.  
Человек и говорит:  
– Променяй эти косточки на важенку.

Лиса согласилась, отдала кости и сказала, чтобы он три дня не смотрел в мешок. А сама взяла важенку и ушла в рощу. Там хотела она убить важенку, чтобы съесть ее, но никак не могла.

Стала звать на помощь волка и другого медведя.

– Если убьете важенку, – говорит им лиса, – то дайте мне только ее желудок, а себе все возьмите.

– Дадим, – ответили волк и медведь.

Убили они важенку, разорвали и бросили лисе желудок.

Лиса ушла от них в сторонку, подальше к камню, который стоял на берегу, ударила важенкиным желудком и закричала:

– Это не я убила важенку, а медведь и волк!

Услышали медведь и волк эти слова и подумали: охотник пришел.

Пустились бежать, а мясо оставили на месте.

Прибежала лиса на это место, выбрала самый жирный кусок и понесла его в горы.

Разжигает огонь, втыкает мясо на палку и начинает жарить. А сама боиться, как бы ее кто не нашел тут.

Вдруг слышит какие-то звуки, выбегает узнать, в чем дело. Никого нет. Вернулась назад. Видит – с жареного мяса капает жир на горячий камень, и капли, падая, шипят.

Схватила лиса кусок горячего мяса и со злобой ударила им о камень. А от удара горячие брызги жира разлетелись во все стороны и попали в глаза.

Ослепла лиса.

Пошла тогда слепая лиса искать себе глаза. Ходит от дерева к дереву, ищет глаза. Подходит к сосне:

– Сосна, сосна, дай мне глаза, – спрашивает.

Сосна отвечает:

– Мои глаза весной смола заливает, не дам я тебе глаз.

Подходит лиса к ольхе:

– Ольха, ольха, дай мне глаза, – спрашивает.

Отвечает ольха:

– У меня глаза зимой хрупкие, ломаются, не дам я тебе глаз.

Подходит лиса к березе и просит:

– Береза, береза, дай мне глаза.

Отвечает береза:

– У меня глаза очень узкие, ничего ты ими не увидишь.

Подходит к дубу и просит его.

Ничего дуб не сказал и дал лисе глаза.

Стала лиса опять с глазами.

Захотела узнать: хорошо ли видят. Пошла по лесу, говорит:

– Глазки, глазки, далеко видите?

Отвечают глаза:



– Далеко.

Потом обратилась лиса к ушам:

– Ушки, ушки, далеко ли слышите?

– Далеко, – отвечают ушки.

Спросила лиса у ног:

– Ножки, ножки, быстро ли бегаєте?

– Быстро, – отвечают лапы.

Спросила у хвоста:

– Хвостик, хвостик, как ты пойдешь?

А хвостик отвечает:

– А я вокруг дерева, вокруг дерева да за деревья, за кусточки зацепляться буду.

Рассердилась лиса на хвост.

Пришла опять в свое логово, развела там огонь, сама стала греться, а хвост выставила наружу: пусть мерзнет.

Сказки на саамском языке:

**«Моайнас рймын я нюэммель баяс»<sup>1</sup>**

Рймын я нюэммель коавниуввенъ в̄аресът. Нюэммель с̄аррн: «Рймын, аллькэпъ эфтэсьт ч̄уһкэ мйльтэ ёадтэ». Рймын вуагк, вуагк я ескант, маңас к̄яһч, култалл. Нюэммель кадъ: «Рймын, мэййт т̄онн ескнак я култэлак?» Рймын с̄аррн: «Мунэсьт пэдэсьт евва чальм – я с̄йинънэшкӯдэ». Нюэммель юртт: мунн ныдт̄ шэ тйишладта с̄он. Нюэммель карр ч̄уһкэ мйльтэ раст-раст ч̄уһкэ. Тэнн п̄ялла ч̄уһка карр, ескант, култалл. Нымын п̄ялла ч̄уһка карр, култалл. Рймын с̄аррн: «Мэййт т̄онн, нюэммель, раст-раст ч̄уһка карак я култэлак?» Нюэммель с̄аррн: «Ч̄уһка в̄улленъ эля чуэкас – я с̄йинънэшкӯдэ». Мунн ныдт̄ шэ рймын тйишлэһтэ. К̄уһта с̄йинэнъ. Нюэммель с̄йинэнът, штэ рймынэсьт пэдэсьт евва чальм, э рймын с̄йинэнът, штэ ч̄уһка в̄улленъ эля чуэкас, тэнн гуэйкэ карр нюэммель раст-раст ч̄уһка.

**«Моайнас рймын я к̄орк баяс»<sup>2</sup>**

Рймын я к̄оррк вуэстлэнн̄тэнъ ш̄урр л̄амьн альн. К̄оррк л̄айй с̄еннтэнч рймын эл. Рймын к̄оркэсьт я мудта л̄он̄тэнъ п̄орэн̄т мэнэт̄, удц̄ алкат̄. К̄оррк тэнн гуэйкэ тувэ рймын вуэп̄сэ. К̄оррк я с̄аррн: «Рймын, т̄атак т̄онн мун с̄ельк альн кыр̄тсе? Мунн т̄он м̄ат̄ха кыр̄тэ». Рймын с̄аррн: «Мунн тула т̄аһтэ кыр̄тэ т̄он к̄ав̄р альн». К̄оррк с̄аррн: «Нюам мыннэ с̄ельк эл, к̄уһт к̄ёбпел̄ п̄ый пырр ч̄апэх, к̄уһт маңъ к̄ёбплэт̄ п̄ый кудт̄ п̄ялла пэдташ, э с̄ейип ан̄ пруткишуввант маңем п̄ельт». Рймын оаштэ ыштэ к̄орк к̄ав̄р эл, к̄оххт к̄оррк п̄акэ с̄оннэ ыштэ. К̄оррк кыр̄тэль, п̄йен̄т в̄уссьт в̄арь эл, поакэ рймынэ нючк̄ье. Рймын кэдче в̄элас, вусьт поав̄ынэ, оарр эйй лыгкэн̄т. К̄оррк

<sup>1</sup> Афанасьева Н.Е. Л̄азэр к̄аллса моаййнас... С. 22.

<sup>2</sup> Афанасьева Н.Е. Л̄азэр к̄аллса моаййнас... С. 27.

кырьтэ пырр рѣмьн, ныммпэшьт кырьтэ пырр рѣмьн. Рѣмьн паенѣт вуэйвэсь, кѣррк кадэжь сѣнэсьт: «На, кѣххт мѣнэ кырьтѣмуши?» Рѣмьн цѣлкэ: «Кырьтѣмуши мѣнэ зѣй шѣгктэнне». Кѣррк кадэжь: «Тѣнн сѣйпэнѣ ѣртытэкэ?» Рѣмьн гыс сѣррн: «Эмм кѣрркнэнч юррытле, кѣххт вэлэс нѣдтѣ, вусьт поаввна кѣррктэ».

Адтѣ кырьтлак, ель вуайѣладтѣ сѣйпэнѣ ѣртытэ. Рѣмьн ѣдтѣсьт нюамэ кѣррка кѣвьр ѣл. Маңѣ юлкѣтѣ ныдтѣ шэ пые, кѣххт е авѣтма вуэр, сѣйпэнѣ кѣнчлэнтэ ѣртытасьтэ. Кѣррк кырьтэлѣ, паяс пѣйенѣт, мѣлкнесьт пѣйенѣт шѣрр вѣрь ѣл. Я сѣнн поакэ рѣмьнэ кыртхэ. Рѣмьн нючкѣй я вѣлкэ вэлэс, гудэлѣ кедѣк. Вуайѣлѣдтѣ сѣйпэнѣѣртытэ, кѣрркѣдѣ вусьт кокорнѣнка, юлльк мѣнэ раст. Рѣмьн вѣйкѣрт, пруткшувэ я лѣши, зѣй лыгкэнѣт нимѣ. Кѣррк кырьтэ пырр рѣмьн. Рѣмьн зѣй лыгкэнѣт, гѣ ѣамма лѣ. Кѣррк вуэллгэнне кырьтэ пырр рѣмьн, кѣдэжель сѣнэсьт: «Ѣлль-мэнѣ лѣк?» Рѣмьн паенѣт вуэйв, нѣльм ѣвенѣт, зѣй вуайѣ нимѣнн цѣллькэ: «Ама, алкак вѣл лѣнѣтэнѣ мэнѣтѣ пѣррѣ я лоанѣт алкатѣ суэллнэ?» Тѣлѣ кѣррк кырьтэлѣ ѣжесь лѣмьн гоаррѣ, касьт лѣйѣ пѣссь сайѣ мэнѣгуѣйм. Моайнас тугк.

В саамском языке существует выражение *рѣмьнюшишэ*, имеющее общий корень со словом «лиса» (subst sq. *рѣмьн*), что означает «хитро льстить, подлизываться».



## ЛОСЬ

### 1. Описание

*Лось* (subst sq. *сэ́ррв*, pl. *сэ́рв*) (РК) – парнокопытное млекопитающее, самый крупный вид семейства оленевых.

Длина тела самца до 3 м, высота в холке до 2,3 м, длина хвоста 12–13 см; масса 360–600 кг. Туловище и шея у него короткие, холка высокая, в виде горба. Ноги сильно вытянутые, поэтому, чтобы напиться, лось вынужден заходить глубоко в воду или становиться на колени передних ног. Голова крупная, горбоносая, с нависающей мясистой верхней губой. Есть *мягкий кожистый вырост под горлом* (subst sq. *кэ́ус*) (ГС), достигающий 25–40 см. *Шерсть густая* (*вэ́гкесь сэкс*) (РК) грубая, буровато-чёрная; ноги светло-серые, почти белые.

У самцов огромные (самые крупные у современных млекопитающих) *лопатообразные рога* (subst sq. *чуэ́ррьв*, pl. *чуэ́рьв*) (ГС); их размах достигает 180 см, масса – 20–30 кг. Рога лось сбрасывает ежегодно в ноябре-декабре и ходит без них до апреля-мая. Самки безрогие.

Часто лося называют сохатым из-за рогов, своей формой напоминающих соху.

### 2. Охота

Когда лоси *появлялись в лесу* (vb *сэ́ррэлуввэ*) (ГС), саамам-охотникам необходимо было организовать охоту. *Сэ́ррвьялаш* (ГС) – так саамы называли лес, богатый лосями. При охоте на лося саамы широко *применяли облавный гон* (vb *выхчтэллэ*) животных и ловчие ямы (subst pl. *коабль*) (КК) и устанавливали между деревьями *силья-ангасы* (*петли, изготовленные из корней сосны*) (subst sq. *воарр*, pl. *воар*) (КК) или использовали *петли на силке* (subst sq. *кйлл*, pl. *кйлл*) (РК). Попавших в ямы и петли животных *закалывали* (vb *палле*) (ГК) дротиками и *острыми ножами* (subst pl. *пассытлэсь ныййп*) (ГС). По мере усовершенствования лука на лосей охотились с манщиками.

### 3. Польза для человека

Разделка туши убитого лося проходила в несколько этапов.

Сначала с туши добытого лося снимали шкуру, *делали надрез по брюху* (vb *чйлле*) (ГК), отделяли голову и ляжки по суставам и сухожилиям (subst sq. *чэ́гар*, pl. *чэ́гкар*) (РК).

По брюху от паховой части делали продольный надрез не по середине туши, а сбоку – по нижнему краю ребер, но так, чтобы не повредить внутренности. При умелой разделке они оказывались снаружи в пленке из брюшины. Пленку протыкали *специальным шилом* (subst sq. *вуэ́ррь*, pl. *вуэ́рь*) (РК). Извлекали желудок, кишечник. Отрезали ребра от грудной кости и от хребта, вынимали сердце, *печень* (subst sq. *вуйвас*, pl. *вуйвас*) (ГК) и почки.

Разделку продолжали, перевернув тушу на другой бок. Извлекали легкие и селезенку. *Топором* (subst sq. *оаккишэ нэ́дт*) (РК) срубали ребра с

этой стороны туши, отделяя брюшину у последнего ребра. Отрубали шею, грудину. Позвоночник делили на две части в крестце.

Приготовление внутренностей сопровождалось особым ритуалом.

Если лось был добыт далеко от жилья, то для хранения мяса *делали специальный сруб* (vb *тёррпэ, ця́ххкэ, рāдтэ, ёлэ*) (ГС), или помост, – «шем». Но внутренности копытных животных – домашнего и дикого оленей и лося – необходимо было обработать и приготовить сразу – прямо на месте разделки туши, пока они еще свежие и на их стенках не образовался темный налет.

*Разрезав* (vb *ёдтэ*) (ГС) брюшину, желудок и книжку, их сразу же освобождали от содержимого. Для варки брали не темные, а белые кишки. Вытягивали нужную часть кишечника, наматывали ее петлями на руку. Потом пропускали их сквозь сжатый кулак, выдавливая содержимое. Тонкие кишки сразу разрезали вдоль, вычищая *помет* (subst sq. *ка́герь*, pl. *ка́гкар*) (РК).

Тонкие жирные кишки помещали внутрь *желудка* (subst sq. *сёррв тоа́нцьк*) (ГС). Наполнив его, со стенок нужно было ножом осторожно соскрести буроватый налет и еще раз ополоснуть *кипяченой водой* (subst sq. *ту́лтма ча́дзь*) (КК).

Желудок, брюшину варили отдельно от других частей туши и более длительное время, чтобы проварился *внутренний жир* (subst sq. *пы́дтма пуййт*) (ГС).

Легкие промывали и нарезали большими кусками.

От печени осторожно, стараясь не повредить, отделяли желчный пузырь. Его высушивали и бережно хранили. Ведь лосиной желчью лечились от многих болезней.

*Сердце* (subst sq. *ку́ттёк*) (ГК) варили вместе с грудинкой и легкими. С сердца снимали жир и крошили его мелкими кусочками. При приготовлении *жирного лосиного мяса* (subst о.ч. *ёдт вуэ́ннч*) (ГС) его или не солили вовсе, или подсаливали очень немного в самом конце варки.

Часть мяса заготавливали впрок.

Добыв лося, многие *саамы-охотники* (subst sq. *мё́нцьла*) (РК), особенно зимой, после разделки использовали *лосиную шкуру* (subst sq. *сёррв ту́лльй*) (РК) и ноги. Шкура и камусы с ног – ценное меховое сырье, хотя выделать их труднее, чем оленьи. Из *шкур* с *малошестными краями* (subst sq. *ня́ррьч*, pl. *ня́рьч*) (РК) получалась прочная заплата для изготовления упряжи. Из камусов изготавливалась обувь.

#### 4. Фольклор (сказки, былины, пословицы)

«Как Иммель раздавал новые рога и уши»<sup>1</sup>

Пришел к Иммелю Лось и говорит:

<sup>1</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 53.



– Дай мне рога большие и развесистые.

Бог дал ему большие красивые рога. Потом Лось попросил большие уши, чтобы хорошо слышать. Бог дал ему и уши.

Оленю Иммель дал большие уши, красивые ветвистые рога и короткий хвост. Бог наделил каждого меховой шкурой: белой, красивой, коричневой и узорчатой.

Пришел Заяц и просит у Бога такие же рога, как у Лося. Бог дал ему большие рога и побежал Заяц хвастаться другим зверям в лесу. Немного пробежал, да запутался в кустах, упал, барахтается, а подняться не может – рогами зацепился. Увидел Бог, что заяц не может справиться и говорит:

– Заяц, не нужны тебе большие рога как у Лося. Лучше я тебе дам чуткие уши.

Так и стали каждый из них жить: Лось – с большими красивыми рогами, Олень – с ветвистыми рогами, а Заяц – с длинными ушами и коротким хвостом.

Сказке конец.

## МЕДВЕДЬ

### 1. Описание

*Бурый медведь* (subst sq. *лѣммит тѣлл*) (РК), относящийся к семейству медвежьих, считается одним из самых опасных хищников. Выделяют около двадцати подвигов этого животного. Бурый медведь – это крупный зверь, покрытый густой, равномерно окрашенной шерстью, с *мощной головой* (subst sq. *вѣгкѣсь вузѣйв*) (РК), небольшими глазами и округлыми ушами. Между переносицей и лбом у животного можно заметить впадину.

У медведя четыре сильных *лапы* (subst sq. *тѣлл кѣбнелъ*) (РК) с пятью пальцами и *серповидными когтями* (subst sq. *кѣнниц*, pl. *кѣниц*) (РК), которые не втягиваются и достигают длины 10 см. Передвигается животное на стопах. *Хвост* (subst sq. *пѣжъ*, pl. *пѣджян*) (ГК) медведя длиной около 20 см практически незаметен из-за шерсти. В вертикальном положении медвежья холка, в районе которой имеется горб, образованный из мускулов, находится выше крупа.

*Шерсть медведя* (subst sq. *тѣлл сѣкс*) (РК) состоит из волос разной толщины и длины. Толстые, длинные и прямые волосы являются остевыми, а тонкие и завитые – пуховыми. Лапы и голова покрыты короткой шерстью, а холка и задняя часть тела – более длинной. Растущие от холки волосы располагаются по кругу, благодаря чему дождевая вода стекает с тела медведя, не доставляя ему особых проблем. Густота шерсти зависит от таких факторов, как пол, возраст и среда обитания животного.

Средняя масса медведя находится в пределах 350–450 кг.

Длина тела бурых медведей достигает 2,5 метров, а высота в холке 1,3 м.

### 2. Охота (ритуалы и обряды, связанные с охотой)

Как утверждает Галкин Семен Николаевич, охота на медведя была достаточно серьезным и опасным мероприятием. Сам процесс охоты был обставлен у саамов определенным ритуалом и связан со множеством примет, предрассудков и поверий. Еще осенью охотники выслеживали *медвежье логово* (subst sq. *тѣлвуадт*) (ГС) и отмечали место, где он залегает на зиму. Про человека, получившего эти сведения, говорили *пѣре вышилзѣсь мѣнцѣла*, т.е. «завзятый охотник», и во время предстоящей охоты он являлся руководителем, которому должны подчиняться все остальные. Этот охотник являлся к своим друзьям и родственникам и приглашал их на предстоящую *охоту* (subst sq. *мѣххѣц*) (ГК), как на какое-нибудь торжественное празднество или на пир, потому, вероятно, что *медвежатина* (subst sq. *тѣлл вузннч*) (ГС) и на самом деле считалась у саамов изысканнейшим лакомством.

Охота происходила, обыкновенно, не раньше марта или апреля, когда снега еще достаточно глубоки и особенно удобны для бега на лыжах.



После приглашения принять участие в охоте на медведя выбирали человека, который искуснее других умеет гадать на саамском барабане, и при его содействии пытаются узнать все, что только возможно о предстоящей охоте. Получив ответ на свои вопросы и благоприятные предсказания, саамы-охотники выходили в лес на охоту, шествуя в определенном порядке, как солдаты в цепи.

Впереди всех шел охотник, первым открывший *медвежью берлогу* (subst sq. *тāлл вуадт*, pl. *тāл вуад*) (РК), все его оружие заключалось в палке, к которой привязано *медное кольцо* (subst sq. *вешшък куэълъц*, pl. *вѣшък куэълъц*) (ГС), за ним следовал тот человек, который гадал на барабане, далее охотник, которому было поручено первому нанести удар медведю и, наконец, за ним все остальные в таком же строгом порядке. На каждого из них возлагалась какая-нибудь определенная роль – один должен был зажарить мясо убитого зверя, другой разрезать его на части, третий принести дрова и воду, необходимые для варки и т.д. При этом строго следили за тем, чтобы никто не вторгнулся в область, порученную другому, а с точностью выполнял возложенные на него обязанности. Приблизившись в таком порядке к медвежьей берлоге, они нападали на медведя и поражали его копьями и пулями из *ружей-пищалей* (subst о.ч. *пысс*) (ГА).

Убив из ружья медведя (*тāлл коаннѣтэ*) (ГС), все хором пели припоровленную к этому случаю *победную песню* (subst sq. *вуэјјэм лāвл*) (ГС). Они благодарили убитого медведя за то, что он не причинил им ничего дурного, не поломал их рогатин и копий, с которыми они на него напали, и объявляли, что приход его был им приятен. Запевалой этой песни, а также и всех других, припоровленных к этому случаю, должен быть всегда тот человек, который первым выследил медведя и шел впереди охотников с деревянной рогатиной и медным кольцом на ней.

Отпраздновав таким образом победу, вытаскивали медведя из берлоги и били его при этом палками, затем взваливали его на сани – *керѣжа* (subst о.ч. *кѣресъ*) (ГС) и на олене везли медведя в дом (*выйе пўдзэ альн*) (РК).

Оленем, который вез тушу медведя, запрещалось после этого пользоваться женщинам в течение целого года, да и вообще он долгое время не употреблялся для перевозки чего-либо другого. Утверждалось, что не только женщинам, но и кому бы то ни было другому в течение целого года запрещается возить что-нибудь на этом олене.

Часто на том же самом месте, где был убит медведь, спешно строили шалаш, в котором варили разрубленную тушу, содрав с нее шкуру. Если на этом месте трудно раздобыть нужный для постройки материал, то шалаш строили в другом, более удобном месте. Вскоре туда приходили жены охотников, с большим волнением ожидавшие исхода охоты.

Когда, наконец, все соберутся в этом *шалаше* (subst sq. *куэдтѣ*, pl. *куэдѣ*), женщины, в свою очередь, начинали петь, благодаря мужей за принесенную добычу.



После этого начинался пир, в котором участвовали все – и мужчины, и женщины, и во время которого подавались самые лучшие блюда, но только не медвежатина. Когда этот пир оканчивался, мужчины уходили в свой шалаш и устраивают новый пир, в котором участвовали одни мужчины. После этого участникам охоты в течение трех ночей воспрещалось спать со своими женами, а предводителю охоты даже в течение пяти ночей.

*Шкура убитого медведя (тāлл куэшишь)* (ГС) становилась собственностью того, кто первым выследил медвежью берлогу и указал на нее остальным. В медвежьей туше саамы ценили мясо, *жир* (subst sq. *пуййт*, pl. *пуйт*) (ГА) и кровь. Все это варилось в котле, а плавающий на поверхности жир снимался и собирался в деревянный сосуд, к которому было прикреплено столько медных пластинок, сколько было убитых медведей во время данной охоты, мясо которых варилось в котле.

Во время варки все участники охоты сидели вокруг очага в том же порядке, в каком они шествовали к берлоге. Первое место занимал открывший местонахождение медвежьей берлоги и бывший предводителем на охоте, по правую руку от него сидел гадатель по барабану, затем охотник, нанесший удар, и т.д.; по левую руку – сперва тот, кто добывал дрова, за ним – таскавший воду, и т.д. Сваренное мясо делилось между мужчинами и женщинами так, что и они получали свою долю мяса и *застывшего жира* (subst sq. *лāһк*, pl. *лāк*) (ГК). При этом строго соблюдалось, чтобы женщинам не достались окорока медведя, т.к. они считались законной долей одних только мужчин.

Когда все мясо и жир были съедены, собирали кости, из которых не высасывали костяной мозг, подобно тому как делают это с костями всех прочих животных, а собирали их в одно место и зарывали в землю. После этого *владелец медвежьей шкуры* (subst sq. *тāллълуввэ*) (ГА) вешал ее на шест и предлагал женщинам с закрытыми глазами стрелять в нее из лука, как в мишень.

Самым славным подвигом для саама-охотника считалось *убить* (vb *коаннйтэ*) (РК) медведя. Они даже делали на шапке нашивки блестящими нитями по числу убитых данным охотником медведей.

### 3. Классификация медведей

Существуют два видовых названия медведей: *бурый медведь* (subst sq. *ляммит тāлл*) (РК) и *белый медведь* (subst sq. *вйлькесь тāлл*) (РК).

### 4. Предметы одежды, быта

Из *медвежьих шкур* (subst sq. *тāлл тульй*, pl. *тāл тūльй*) (ГА) саамы изготавливали верхнюю одежду – *шубы* (subst sq. *тāлл тōррк*) (РК) и головные уборы. Саамы-охотники одевали спускающиеся ниже колен *камзолы* (subst pl. *кōāдтэ*) (ГС), перетянутые поясами с кольцами на концах. На ногах короткая обувь с острыми и узкими, загнутыми вверх носами – *каньги* (subst sq. *вāннценс*) (ГС). Выше щиколоток обувь была обмотана оборами. Икры плотно обтянуты штанами из медвежьей шкуры. У всех на



руках рукавицы из шкур, шерстью наружу. Некоторые охотники носили на головах нечто вроде вязаных колпаков или *круглых меховых шапок с опушкой* (subst о.ч. *коанньт кабперь*) (ГС), но без наушников.

#### 5. Художественная литература (стихи, рассказы)

Стихотворение Ираиды Виноградовой, опубликованное в сборнике «Мун каньц»<sup>1</sup>:

Шүрр тәлл  
Шүрр вйлькесь тәлл  
Мёр альн йәлл.  
Коаввн вѣдэ пәл –  
Сйррэ аллк тәлл.

Основу составляет цикл рассказов о медведе Тәл и медведице Тәл-Ака.

Например, рассказ «Тала-медведь и великий колдун»<sup>2</sup>:

*Повадился вокруг стойбища. Тала-медведь ночью шататься. Ходит тихо, голоса не подаёт, за камнями таится – выжидает: глупый ли оленьок от стада отобьётся, щенок ли за стойбище выскочит, ребёнок ли.*

*Однако как ни таись, а следы на снегу остаются. Увидали матери те следы, сказали детям:*

*– Не катайтесь поздно при луне с горки! Тала-медведь близко. Схватит, в свою тупу [землянка] унесёт, на обед задержёт.*

*Луна взошла, а непослушные дети всё с горки катаются.*

*Вылез из-за камня Тала-медведь, раскрыл свой мешок – кису, поперёк дороги поставил, а сам подальше залёг.*

*Покатались ребята с горки да в медвежью суму влетели!*

*Схватил Тала суму, на плечи взвалил, идёт домой, радуется: «Полную кису ребят несу! Вкусно поем!»*

*Шёл, шёл, устал, повесил суму на еловый сучок, сам под ёлкой лёг и захрапел.*

*Висят ребятишки в суме, шепчутся:*

*– Что делать будем? Тала нас съест! Один, самый маленький, мальчик спрашивает:*

*– Есть ли у кого нитки-иголки?*

*– Есть, есть, у девчонок есть! – отвечают ему.*

*Достал мальчик складной нож, распорол суму, детишек на волю выпустил, приказывает:*

*– Живо камни таскайте, в суму кидайте! Натаскали ребята камней, в суму накидали, и мальчик туда же залез. Велит:*

*– Теперь зашивайте и домой бегите! Зашили дети суму и домой побежали. Проснулся Тала-медведь, потянулся, спрашивает:*

<sup>1</sup> Виноградова И.В. Мун каньц... С. 6.

<sup>2</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 71.

– Все ли вы там в моей кисе живы?

– Все, все живы! – отвечает мальчик. Взвалил Тала кису на плечи да так и сел:

– Ох, тяжело! Зато хватит вкусного мяса надолго!

Едва дотащил Тала кису до дома. Залез на земляную крышу, кричит в дымовую дыру своей хозяйке-медведице: жена моя Талахке голодная, сынок мой Талашка в люльке спит голодный!

– Что ж, – говорит мальчик, – это можно. Тащи большой медный котёл, тащи хворост, огонь разжигай!

Побежал Тала за медным котлом, побежала Талахке за хворостом. А мальчик камни из дома выкинул, один только себе оставил, выхватил из очага головешку, в тряпку завернул да поверх Талашки в люльку положил. Сидит, люльку качает. Прибежал Тала – принёс котёл, прибежала Талахке – принесла хворост.

– Давай скорее ребят, будем обед варить! Отвечает им мальчик:

– Тут ваш сын Талашка заплакал. Пока я с ним возился, все ребята разбежались. Зато теперь крепко спит Талашка! – И показывает головешку в люльке.

Заревела Талахке-медведица, заревел Тала-медведь:

– Ой, беда! Загубил ты нашего сына Талашку, сделал из него головешку!

Чиркнул мальчик ножом по камню так, что искры посыпались, закричал:

– Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, я сам великий колдун! Могу из головешки снова Талашку сделать! Только отнесёшь меня за это, Тала, домой!

– Отнесу, отнесу, сейчас отнесу!

Сунул мальчик головешку под печь, ткнул кулаком в бок Талашку, тот проснулся и заорал во всё горло.

Радуется Тала, радуется Талахке, всего Талашку облизали. А мальчик вскочил на плечи медведю, сел верхом, говорит:

– Неси меня домой!

Понёс Тала. Донёс до озера, где саамы рыбу ловят, говорит:

– Беги дальше сам. Боюсь дальше идти! А мальчик чирк ножичком:

– Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, я сам великий колдун! Это озеро я сделал! Хочешь – из тебя такое же сделаю?

– Не хочу, не хочу! – затряс головой Тала и так побежал, что быстрее ветра до стойбища добежал.

Тут саамы схватили Талу, связали:

– Попался, трусливый Тала! Зачем наших детей ворует?

Тонким голосом заревел Тала:

– Развяжите меня! Отпустите! Я скажу вам, что делать, чтобы медведи ваших детей не воровали.



Развязали саамы Талу, ждуют, что он скажет.

– Первое: дети должны слушаться матерей. Второе: у них должно быть храброе сердце. Третье: при встрече с медведем надо смотреть ему прямо в глаза, – сказал так и убежал в лес без оглядки.

С тех пор саамы с малых лет не боятся медведей. Встретят Талу в лесу, храбро посмотрят прямо в глаза, и не трогают их Тала, уходит. Ну, а кто матери не слушается, того медведь утащит. Тот сам виноват.

#### 6. Фольклор (сказки, былины, загадки)

Медведь – главный герой большинства саамских сказок. Самыми известными саамскими сказками, связанными с образом медведя, являются:

##### **«Медведь и ребята»<sup>1</sup>**

Катались ребяташки с горки. Проходил мимо медведь и забрал ребяташек в мешок. Взвалил мешок на себя и понес в лес, в свою вежу. Идет и видит след неведомого зверя. Медведь положил мешок на снег, сказал ребятам:

– Не уходите, я скоро приду!

И ушел по следу. У одного мальчика был ножик. Мальчик разрезал в мешке дыру, и в нее вылезли все ребяташки, кроме одной девочки. Девочка решила остаться в мешке – чтобы отвечать медведю, когда он будет спрашивать, тут ли дети. Чтобы мешок не показался медведю пустым и легким, ребяташки наложили в него больших камней и набили снегом, а сверху в мешок посадили девочку. Завязали ребята мешок и убежали домой по медвежьей тропе. В темноте вернулся медведь за мешком.

Спросил, все ли ребята здесь, а девочка ответила:

– Все в мешке.

Взвалил медведь опять мешок на себя и принес к себе. Принес домой, закричал своей старухе:

– Заправляй котел! Будем мясо варить!

А сам забрался на вежу и стал сверху, через дымовое отверстие, вытряхивать все из мешка в котел. Первой упала из мешка девочка, попала в котел с водой и вскочила на ноги, а следом свалились камни и пробили дыру. В дыру вся вода из котла вытекла и залила огонь в камельке. Закричала старуха на старика-медведя:

– Обманул, старичина! Завтра же уведи эту девочку назад, откуда взял!

На утро отвел медведь девочку к ее родителям. Привел к отцу-матери и стал у них просить прощения. Родители обрадовались возвращению дочери, но медведя не простили, а накинули ему на шею веревочную петлю и потащили его на березе вешать. Заплакал медведь и испугался так, что сразу умер от медвежьей болезни, а слезы его стали горохом.

---

<sup>1</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 80.

### **«Медведь и девочка»<sup>1</sup>**

Эту сказку рассказал в 1936 году И.А. Телышев, житель Сосновского погоста на Мурмане. Записал ее В. Кондратьев.

*Пошли раз ребята в лес кататься на санках. А мимо медведь шел. Переловил он всех ребят и запихнул в мешок. Взвалил мешок на спину и понес к себе домой. Шел, шел. Вдруг видит – след оленя. «Дай, – думает, – оленя догоню». Положил медведь мешок на снег, чтоб налегке оленя догнать, и говорит ребятам:*

*– Никуда не уходите, я скоро приду!*

*А у одного мальчика был ножик. Разрезал он мешок, и все ребята вылезли и побежали домой. Только одна девочка не убежала. Она положила в мешок большие камни, а сама сверху села. А то медведь вернется, спросит, тут ли дети, и побежит за ними. Вернулся медведь. Спрашивает:*

*– Все ли ребята здесь?*

*– Все здесь, все в мешке, – отвечает девочка.*

*Взвалил медведь мешок на спину и понес. Приходит домой и говорит медведице:*

*– Разжигай, старуха, огонь, будем мясо варить!*

*Налил медведь в котел воды и стал вытряхивать мешок. Первой из мешка упала девочка. Выскочила из воды, а в котел камни посыпались, пробили дыру, а через дыру вся вода вытекла и огонь залила. Закричала медведица на медведя:*

*– Ах, ты, старый дурак! Даже оленя не можешь догнать! Что ты мне принес! Завтра же води девчонку, откуда взял!*

*Привел медведь девочку к отцу с матерью и стал прощенья просить:*

*– Вы уж меня простите. Меня старуха-медведица за вашу девочку чуть со свету не сжила. Обрадовались отец и мать, что девочка вернулась, а медведю сказали:*

*– Как же ты, такой большой, маленьких обижаешь! Мало тебе оленей в лесу?*

*Устыдился медведь, заплакал:*

*– И старуха-медведица меня ругает. И здесь меня стыдят. Век жить буду – к маленьким детям не подойду.*

*Обхватил голову лапами, заревел и ушел в лес.*

### **«Медвежья сказка»<sup>2</sup>**

*Жил старик со старухой, у них было три дочери. Жили, жили, пришел к ним жених-медведь. Засватал старшую дочь – она пошла. Пришли в свою вежу. Медведь-муж пошел на охоту, с охоты носит все мышей, девушка думает: «Как буду жить?» Девушка ему ничего готовить не стала.*

<sup>1</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 72.

<sup>2</sup> Юрьева М.П. Тоавас Олма Ляйһэ... С. 24.



Он задушил жену, вырвал кусок земли и туда молодуху зарыл, только пятки ног виднелись. Опять пошел жениться к той старухе и старику. Пришел и говорит: «Молодуха не успевает ничего делать, зовет среднюю дочь». Она (средняя дочь) пришла и спрашивает: «Где сестренка?» – «Куда-то ушла». Пошел медведь опять на охоту. Молодуха вышла, смотрит: у сестры только ноги торчат. Пришел с охоты муж, принес мышей. Молодуха кормить не стала его, спиной поворачивается, он ее бил. И эту жену задушил и в землю зарыл. Опять пошел жениться, брать младшую дочь. Пришли в вежу. Младшая дочь смотрит: мышей полна землянка. Думает: работающий муж. Медведь опять ушел на охоту. Молодуха вышла, смотрит: где сестры? Видит, только ноги торчат из-под земли. Она думает: обеих задавил. Она живой водой окропила старшую сестру и брызнула, она ожила. Она (младшая дочь) велела ей влезть в мешок.

Муж пришел с охоты. Молодуха стала его угощать. Вечером легли спать вместе, в обнимку. Проснулись утром. Молодуха говорит: «Иди унеси к маме подарки». Тут он положил через плечо ношу и понес. Шел, шел, думает: «Почему я не посмотрю что в мешке?» Положил мешок на землю и стал развязывать. Молодуха крикнула: «Я далеко слышу, далеко вижу». Муж говорит: «Дорогой мой глаз далеко видит, далеко слышит». Он опять понес. Вот принес в вежу, дверь открыл, бросил подарки и сказал: «Дочь посылку прислала». Он пошел обратно. Пришел. Молодуха та среднюю сестру оживила и в мешок положила. Он (муж) говорит: «Я пойду на охоту». Молодуха говорит: «Унеси подарки сначала, а потом иди на охоту».

Шел, шел, на землю положил мешок и стал развязывать. Молодуха крикнула: «Я далеко слышу, далеко вижу». Он обернулся назад и сказал: «Дорогой мой глаз далеко видит, далеко слышит». И опять пошел дальше. Дверь открыл, бросил подарки и сказал: «Дочь посылку послала». И пошел обратно. Пришел, молодуха ему приготовила, опять легли, молодуха гладит его, обняла. Утром медведь опять на охоту пошел. Она постелила постель из хвои и вышла на улицу и пень одела своим платьем – кокошником одела, а сама влезла в мешок. Медведь с охоты придет, а она в красивой одежде сидит. Он идет и говорит: «Дорогой мой глаз далеко видит». Пришел, посматривает: молодухи нигде нет, наверно, ушла еловые ветки ломать. А жена, когда он ушел на охоту, сказала: «Если ты придешь, а меня нет, тогда бери и уноси родителям». Тут он поел, подарки схватил и понес. Шел, шел, мешок положил, открыть хочет: что за подарки? Молодуха говорит: «Я далеко слышу, далеко вижу». Он обернулся и говорит: «Дорогой мой глаз далеко видит, далеко слышит». Тут он опять пошел. Унес, вежу открыл, говорит: «Берите посылки, дочь прислала последние посылки», – и тут пошел обратно. Пришел и говорит: «Евгения, Евгения, приласкай меня». Пень что будет говорить? Он рассердился и одной лапой в одну щеку ударил – лапа пополам. В другую щеку дал – и вторая лапа пополам. Он уселся и стал реветь.



### **«Медведь-жених»<sup>1</sup>**

Однажды Акканийди отправилась за водой и с полными ведрами уже возвращалась домой, когда из-за камня выскочил медведь. Сначала зверь попросил напиться воды, а потом стал просить Акканийди выйти за него замуж, иначе угрожал ее съесть. Девочка отговаривалась тем, что она еще маленькая, у нее на голове нет перевеське – обруча, что носят девушки на выданье. Но медведь готов был подождать, пока она подрастет: он схватил Акканийди и утащил к себе в лес, чтобы она стала у него маленькой хозяйкой.

Хозяйство же у медведя было большое: в хлевах стояли коровы и овцы, а один амбар был весь опутан цепями. Медведь велел девочке заботиться о скотине, в амбар же не ходить. В этом амбаре зверь держал Гром, которого сумел ухватить за бороду и уволочь к себе во время битвы стихий. Каждый день медведь уходил на охоту и приносил всякого мяса, даже человечину, что особенно пугало Акканийди. Однажды, когда она подошла близко к амбару, Гром попросил ее помочь ему, ведь они оба были пленниками.

Акканийди подпилила цепи и освободила Гром. Он приказал девочке взять мешок сена, ельника и огниво и посадил ее на плечи, сам же полетел по небу так, что все кругом загрохотало. Медведь бросился в погоню, но Гром велел Акканийди сбросить вниз мешок с сеном. Пока зверь рвал мешок, Гром улетел вперед, но скоро медведь опять стал его догонять. Тогда Гром велел Акканийди бросить в преследователя горящую ветку – так возникла молния. Медвежья шерсть загорелась, и пока медведь ее тушил, Гром отнес Акканийди назад к ее ведрам. Ведра успели окаменеть – время в ином мире течет быстро, но Акканийди не изменилась. Теперь уже Гром стал свататься к ней, обещая веселую жизнь на небе, но и ему отказала Акканийди, сославшись на возраст. Гром обещал подождать, когда у нее вырастут косы и она станет девушкой.

### **«Медведи-оборотни»<sup>2</sup>**

Рассказывают, что жили некогда три сестры. Они ушли от людей в лес, обернулись медведицами и жировали там все лето. Зимой же устроились в берлоге. Тут медведиц и обнаружил охотник. Он окружил берлогу своими знаками и позвал на помощь других охотников. Те разбудили «зверей» и двоих медведиц убили. Только они освежесвали их туши, как выскочила третья сестра-медведица и бросилась на распластанную шкуру сестры – лишь одна лапа не попала на шкуру. Девушка вернула себе человеческий облик, но одна рука у нее навсегда осталась медвежьей лапой.

### **«Оборотень-медведь»<sup>3</sup>**

На одном озере жили саам да саамка. У них была одна дочь. Осенью однажды, когда озера стали замерзать, саам ушел в тундру к оленям, а

<sup>1</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 85.

<sup>2</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 73.

<sup>3</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 89.



старуха с дочерью остались дома. Вечером они сидели в веже, починяли сетки и разговаривали. На середине у них горел огонь, над которым висел котел с варящейся рыбой. Они бы уже давно и поужинали, но дожидались хозяина. Вдруг повешенная вместо двери постель открылась, и в вежу зашел медведь, весь покрытый льдом. Мать с дочерью испугались. Дочь, сидевшая одна по другую сторону огня, перескочила через огонь к матери. Медведь занял ее место и растянулся против огня. Мать с дочерью сидели и смотрели на него. Сколько ни смотрели на него и сколько ни показывали на двери, чтоб он вышел, медведь не двигался никуда, а только смотрел на них и на котел. Хозяин не приходил между тем, и им стало страшно. Наконец, саамка заключила, что это не простой медведь, а, должно быть, оборотень. Она поэтому сняла котел с огня и стала тянуть рыбу на тень. Одну кару она взяла себе, а другую подала медведю.

Медведь съел всю рыбу и лег спать.

Мать с дочерью только смотрели на него, а спать боялись. Боялись подойти к нему, ожидая, скоро ли будет утро или не придет хозяин.

Медведь всю ночь проспал крепко и спокойно. Шерсть на нем высохла. Перед наступлением зари он проснулся и посмотрел на хозяев. Смотрел он на них несколько времени, наконец, поклонился и пошел из вежи. Мать с дочерью тоже вышли вслед за ним, чтобы посмотреть, куда он пойдет. Медведь недалеко от них встал на задние лапы, а передними стал показывать на озеро, откуда пришел вечером. Мать с дочерью смотрели на него и ничего не понимали. Наконец, медведь встал на все ноги и пошел в лес. Мать с дочерью радовались, что он ушел, не сделав никакого вреда, и в то же время думали, что такое он им показывал. По следам его на озеро идти боялись.

Вскоре возвратился саам. Ему все рассказали, и он задумался. Подумав несколько времени, он сказал: «Вероятно, у него был товарищ, и, так как лед еще не крепок, он утонул. Пойдемте по следам его к озеру и тогда узнаем, на что он вам указывал».

Пришли они на озеро и увидели большую прорубь. И увидели, что тут утонул медведь. Стали его доставать и с большим трудом вытащили на берег. Медведь был большой и черный. Положили его на керёжу и притянули к веже. Здесь положили его к огню, чтобы оттаять. Через несколько времени снял саам с него шкуру и увидел, что это был не медведь, а человек-оборотень. Под шкурой кругом себя у него был пояс — чересь, наполненный серебряными и золотыми деньгами. Саам взял его себе, купил оленей и зажил так богато, как никогда и не думал.

## ОЛЕНЬ

### 1. Описание

*Северный олень*<sup>1</sup> (subst sq. *таввял нуаз*) (МВ) – крупное млекопитающее отряда парнокопытных. Северный олень имеет удлиненное туловище и шею, крупные *плечи* (subst sq. *вāлльм*, pl. *вāльм*) (РК), но относительно короткие ноги. Голова удлиненная, с сравнительно широкой *мордой* (subst sq. *пūdзэ туррьн*) (РК); у самцов морда шире, чем у самок. Длина тела до 200–220 см, высота до 110–140 см, масса до 100–220 кг. *Копыта* (subst pl. *пūdзэ кэни*) (РК) средних пальцев большие, широкие, изогнутые, как совок, и оба копыта вместе образуют подобие большой ложки, удобной для разгребания снега. Копыта боковых пальцев относительно большие, расположены низко и при ходьбе касаются земли, что создает значительную дополнительную опору. Стопы оленя *состоят из множества суставов* (*пūdзэнь юлльк лāбь лēв лāввай*) (РК). Также на подошве ног оленя есть *шерсть – щетка* (subst sq. *сāһк*, pl. *сāк*) (РК). *Оленьи рога* (subst pl. *пūdзэ чуэрвь*) (ГК) очень большие и *ветвистые* (adj sq. *сāррьк*, pl. *сāрьк*) (РК), они есть как у самцов, так и у самок, этим северный олень отличается от других оленей, у которых самки безроги. Основной ствол рога длинный, изгибается сначала назад, а затем вперед. На конце рога небольшая плоская вертикальная лопата с короткими *отростками* (subst sq. *пуррк*, pl. *пурк*) (РК), направленными вверх и назад. *Задний отросток* (subst sq. *āльс*, pl. *āльс*) (РК) большой и обычно с вертикальной лопатой, несущей короткие отростки. Рога очень изменчивы, иногда бывают слабо развиты.

Зимний мех *длинный и густой* (*вўгкесь улл*) (Жив. Арк.), особенно на мех на шее, где образуется свисающая вниз *грива – подвес* (subst sq. *нāвьв*, pl. *нāвь*) (РК). Толстая сердцевина волоса наполнена воздухом, почему волос очень легкий, ломкий, но олений мех очень теплый. На ногах волосы короткие, но прочные. Летний мех много короче и мягче. Летняя окраска меха диких оленей однотонная кофейно-бурая или серо-бурая. *Бока* (subst sq. *ёррьт*, pl. *ёрьт*) (РК), шеи и подвес светлые. Зимняя окраска более изменчива, от довольно темной до почти белой, часто довольно пестрая, состоящая из светлых и темных участков. Хвост оленя темного окраса, *хвост короткий* (subst sq. *пйжь*, pl. *пйджян*) (Жив. Арк.).

*Олений помет* называется (subst sq. *кāгерь*, pl. *кāгкар*) (РК). *Содержимое желудка оленя* – (subst sq. *куэм*, pl. *кўммэ*) (РК).

### 2. Оленеводство

Оленеводство для саамов являются непосредственно основным промыслом. Ведется *охота* (subst sq. *мēһць*) (ГК) на оленей. Забой оленей осуществляется в несколько этапов:

<sup>1</sup> Общее описание северного оленя. URL: <http://biofile.ru/bio/16917.html> (дата обращения: 06.05.14).



1) олени находятся в специальной *изгороди* (subst sq. *аййт*) (ГК), затем оленеводы – *пастухи* (subst sq. *пуаз пынней*) (ГК) *перегоняют* (vb *вёллътэ*) (ВЧ) стадо оленей в *кораль* – загон в тундре для выбраковки и пересчета оленей (subst sq. *каралль*, pl. *караль*) (МВ). В оленеводческой лексике *кораль* также называется (subst sq. *юррк*, pl. *юрк*) (АД). Оленеводы используют особый *возглас*, которым подгоняют оленей при перегоне (*аи-аи-аи*) (АД). Олени-самцы могут *быть воинственно настроены в период гона* (*чуаррваи*) (РК). Олени, предназначенные оленеводами для забоя называются *вуэннч пуаз* (subst pl. *вуэннч пуаз*) (Жив. Арк.).

2) оленей ловят специальным *арканом* (subst sq. *лйишкэ*) (МВ) и *забивают* (vb *палле нүдзэть*) (РК). *Забой оленей* (subst sq. *паллмуши*, pl. *паллмуш*) (РК) осуществляется весной и осенью. Пример: *чёххч нүдзэ паллмуши аолкхувэ* (РК) – начался осенний забой оленей.

3) *тушу* (subst sq. *рāдт*, pl. *рāд*) (ГК) обязательно нужно *освежевать* (vb *āххьтэ*) (МВ). *Оленью тушу* (subst sq. *нүдзэ рāдт*) (МВ) необходимо *быстро овежевать* (vb *āххьтлэ*) (РК).

Олени также используются оленеводами для длительных поездок по тундре. Оленеводы *ездят на оленях* (*выйе нүдзэ альн*) (ВЧ) в соседние поселения. Для того, чтобы олени могли сопровождать оленеводов, оленей надо *приручать* (vb *кйднэ*) (РК). Человек, имеющий в своем распоряжении оленей называется *пуаз олма* (subst sq. *пуаз олма*) (АД); или *пуазнэһкь* (subst sq. *пуазнэһкь*, pl. *пуазнэгкь*) (РК). *Ездить на оленьих упряжках* (*выйем нүдзэ каррэв* (АД); vb *кэрхэллэ* (РК)) достаточно сложно, необходимо *обуздать передового оленя* (*пāңцъкье вүййк ёрьк*) (АД) и *обучить передового оленя* (*вүййкье выйем ёрьк*) (АД). Олень может быть *навьюченным/нагруженным вьюком* (*кāннтаслуввэ*) (РК). Оленеводы *навьючивают на оленей груз* (*кāнтсэллэ*) (ГК). Олений обоз называется *райда* (subst sq. *рāййт*, pl. *рāйт*) (РК). Оленья упряжка закрепляется специальным *кольцом* (subst sq. *кёррк*, pl. *кёрк*) (РК), на каждого оленя одевают *уздечку* (subst sq. *пāңцъкь*, pl. *пāңъкь*) (РК) и *вьючное седло* – *ташка* (subst sq. *вāгкь*, pl. *вāг*) (РК). К седлу крепится груз или *вьюк* (subst sq. *кāнътэсь*, pl. *кāннтас*) (РК). Необходимо, чтобы олень мог свободно перемещаться с этим грузом, *бежать* (vb *каррэ*) (МВ). В период небольших остановок оленей привязывают *толстой веревкой* (subst sq. *лāммч*, pl. *лāмч*) (РД).

### 3. Содержание и разведение оленей

Содержание оленей требует больших средств и особого ухода. Необходимо заранее *готовить ягель для оленей* (*ягклэть канце нүдзэ гуэйке*) (РК). Человек, имеющий небольшое *стадо оленей* (subst sq. *чйгар*, pl. *чйгкар*) (РК), считается *богатым оленями* (*пуазшэ*) (ГК). Заводчики оленей *метят* своих животных (vb *цйкнэ*) (МВ). Оленей также надо *оберегать* (*воаррьдэллэ нүдзэть*) (АД), ведь *лишиться* (vb *пуазхуввэ*) (РК) даже нескольких голов в стаде убыточно для заводчиков оленей.



Олени бывают дикие: *дикий олень-самец* называется коаннѣт (subst sq. *коаннѣт*, pl. *коанѣт*) (РК), *самка дикого оленя* – коанѣт а́к (subst sq. *коанѣт а́к*, pl. *коанѣт оа́нкэ*) (ГК) и *домашние олени* (subst sq. *пуаз*, pl. *пѣдзэ*) (ГК) или *ручные олени* (subst sq. *кѣдас пуаз*, pl. *кѣдас пѣдзэ*) (РК).

#### 4. Классификация оленей

По исследованным материалам носителей языка и словарным статьям была разработана следующая классификация оленей:

- по физиологическим и репродуктивным качествам: *безрогая самка оленя* – амель а́к (subst sq. *амель а́к*) (РК); *важенка* (трехгодовалая оленья самка после первого отёла) – вѣжъ (subst sq. *вѣжъ*, pl. *вѣджемь*) (РК); *важенка* (оленья самка с 4 до 8–10 лет; самая сильная и мудрая становится вожаком стада) – а́лт (subst sq. *а́лт*, pl. *а́ль*) (МВ); *вонделка* (оленья самка от года до двух лет) – вѣнял (subst sq. *вѣнял*, pl. *вѣял*) (АД); *комолая важенька* – амель (subst sq. *амель*, pl. *аммал*) (РК); *гирвас* (олень-производитель, старше трех лет) – сарвэсь (subst sq. *сарвэсь*, pl. *саррвас*) (АД);

- по степени «ездовых» характеристик: *уварсь* – трехгодовалый олень-самец (в этом возрасте его начинают обучать для езды, в упряжке занимает место в середине) (subst sq. *вѣбресь*, pl. *вѣбрас*) (РК); *бык-передовик* (специально обученный левый ведущий бык в упряжке) (subst sq. *вѣййк ѳррьк*) (АД); *ездовые быки* – выѳем ѳрьк (subst pl. *выѳем ѳрьк*) (АД); *олени-быки, принимающие участие в гонках* – кѳрхэллэм ѳрьк (subst pl. *кѳрхэллэм ѳрьк*) (РК); *быки для перевозки грузов* – рѣййт ѳрьк (subst pl. *рѣййт ѳрьк*) (РК);

- по возрасту: *пятигодовалый олень* – выдыгкса пуаз (subst sq. *выдыгкса пуаз*) (РК); *пыжик-оленок* до 3–4 месяцев (subst sq. *вѣссъ*, pl. *вѣзь*) (РК); *олень-самец, бык* – с 5 до 12–15 лет; необученные олени идут на убой (subst sq. *ѳррьк*, pl. *ѳрьк*) (АД); *чопурок* – олененок трех-пяти месяцев; шкурка его – лучшая по качеству, используется для шитья малиц и липтов, для изготовления замши (subst o.ч. *чѳпэрк*) (АД); *лопанок* – олененок с шести месяцев до года; шкурки используются для спальных мешков (subst o.ч. *лѣһпель*) (АД); *лопанок-самка* – ниңлэсс лѣһпель (subst sq. *ниңлэсс лѣһпель*) (АД); *лопанок-самец* – оаресь лѣһпель (subst sq. *оаресь лѣһпель*) (РК); *контус* – четырехгодовалый олень-самец (subst sq. *кѣнтас*, pl. *кѣнтас*) (РК)

#### 5. Рукоделие и предметы одежды, изготавливаемые из оленьих шкур

Еще одной важной сферой жизни народа саами является изготовление одежды, обуви, сумок из оленьих шкур. Различают несколько видов шкур: *пыжик* – шкурка новорожденного олененка (subst sq. *вѣссскэдт*, pl. *вѣссскэд*) (РК); *шкура с головы оленя* (subst o.ч. *кѣлл*) (МК); *койба* – шкура с ноги оленя (subst sq. *коаммас*) (МК); четыре койбы с ног оленя имеют определенное название – *ход* (subst sq. *кѣнтар*, pl. *кѣннтар*) (МК); *шкурка на рогах оленя* (subst sq. *нѣммь*, pl. *нѣмь*) (РК). Снятую с оленя шкуру



(subst sq. *нйввэ*) (Жив. Арк.) необходимо выделять. Процесс выделки шкур достаточно сложный, включает несколько этапов:

1) необходимо *пропитать шкуру закваской* перед выделкой (vb *айпрюввэ*) (РК) для того, чтобы мездра стала прочной и *крепкой* (adj *ассай*) (МК).

2) шкуру выделяют специальным *крюком* (subst sq. *валлэ*) (МК), *выделяют быстро* (vb *валтлэ*) (РК). Для выделки *койб* также используется особый *крюк* (subst sq. *крүйкь*) (МК). Для выделки мелких шкур используют *скребок* (subst sq. *вагкхэсс*, pl. *вагкхэз*) (МК). Шкуру с головы оленя *выскабливают* (vb *калл нёсськэ*) (РК).

3) на окончательном этапе выделки *шкуры натирают мукой* (vb *тйллэ*) (РК).

Необходимо разработать и подготовить *выкройки* (subst sq. *вайй*, pl. *вай*) (РК) будущих изделий. Из шкуры оленя после дубления получают *кожу* (subst о.ч. *шыишенъ*) (МК). Из шкур шьются и изготавливаются *обувь до колен*, шьются из *койб* (мех с ног оленя) (subst о.ч. *бурка*) (МК), *пыжиковая шапка* (subst sq. *вуэсскэдт кабперь*) (РК), *кожаные носки* – шьются из дубленой шкуры оленя, носятся с *тоборками* (subst о.ч. *коашькэхъ*) (МВ), *охотничьи лыжи*, *подбитые шкурой с ног оленя* (subst sq. *кōлас*, pl. *кōллас*) (АД), *тимы* – праздничная зимняя национальная обувь до бедер; шьется из белых *койб* (subst о.ч. *пима*) (МК), *совик* – верхняя зимняя меховая одежда ворсом наружу, шьется из оленьих шкур, надевается поверх малицы, украшается цветным сукном или контрастным мехом (subst о.ч. *совехъ*) (МК), *тоборки* – повседневная обувь высотой до бедер, шьется из темного оленьего меха ворсом наружу (subst о.ч. *тубэрк*) (МК), *одеяло из оленьих шкур* – шьется из густошерстных оленьих шкур ворсом внутрь (subst о.ч. *роавв*) (МВ).

Изготовление саамской одежды никогда не представляло собой особой отрасли ремесла, отделившегося от других производств. Этим изготовлением всегда занимались женщины. Качества девушки перед выходом замуж определялись прежде всего тем, сколь искусна она в рукоделии.

Одежду и обувь из оленьих шкур саамские женщины шили, пользуясь нитками, ссученными из *оленьих жил* (*контъ сун*) (МК). Вытянутые из ног и спины оленя жилы сушились, затем расщеплялись пальцами на тонкие волокна, из которых руками сучились любой толщины нити, прижимая волокна к щеке. *Костяные иглы* (*нивелъ*) (МК) вышли из употребления в еще далекие времена: повсеместно была распространена стальная игла фабричного производства.

#### 6. Художественная литература (стихотворения, рассказы)

В саамской литературе и фольклоре образ оленя встречается довольно часто. Например, стихотворение Ираиды Виноградовой «Мун айлт»

(«Моя важенка») в сборнике стихотворений «Мун кәнџц»<sup>1</sup>:

Тала лй̄ аллт.

Кѣ сѣн вѣлт?

Мунн сѣн вѣлта –

Мугка мй̄лвэсь алта!

В сборнике стихотворений «Пѣйивьесь пѣйив»<sup>2</sup> писательницы Эли Галкиной также встречается образ оленя:

**Нагерь-моайнас**

Яця вуадт. Яця вуадт.

Соннѣ нагерь-моайнас пуадт:

Сѣнн вый̄й вй̄ллькесь пудзэ альн.

Сй̄нэтѣ юксхалл поасс алльм.

Мѣджесь пуаз ваххта вуагк,

Сѣннтма алльм шумм я рѣгк.

Лоатткэн алльм, кѣдѣнтѣ вй̄г,

Коатѣ чуй̄нкэ соннѣ цй̄гк.

Яця коадцѣй, чильмэтѣ ѡвведѣ,

Нагерь кѣдче, кѣдѣ моайнас.

Луннѣ оарр ѣннѣсь,

Луннѣ оарр аджесь.

Сй̄йнѣ сый̄е, авта вуадтѣй.

В сборнике рассказов Юрьевой Марины Поликарповны «Тоавас Олма Лѣйнѣ»<sup>3</sup> встречается образ оленя:

**Кѣххт сѣмь кѣзь я чехч кѣдхэнѣ**

Тѣдт лѣй̄й мй̄н пй̄йве, мй̄н агесът. Кыдт роѡммишаххт пугк ѡлмѣтѣ, удцѣ э шурр̄ йжесь поѡххк й̄ллмужѣнѣ: поѡххк шй̄г пй̄йвенѣ, югкеналишѣм роѡзенѣ, кыдт й̄ннѣсь лонѣтѣ лѣвлѣнѣ, суннтѣй̄ ѣгэ я ѣѡвьре чоѡзенѣ.

Пуазпынней, мѣххыцла, куй̄ль шыллей, ѣрркѣя сѣмь, сй̄й чофта шоабшѣнѣ Куэлнѣгк нѣарк, чѣрха ѣлле ев вуай̄я. Сый̄й чофта куаррктѣнѣ сѣнѣнѣ. Ѧххтѣшьт вый̄тѣ мугка тыкквѣннѣ. Сѣмь вуадтѣенѣ кыдта, а руѣкхѣнѣ тѣлльва. Ёкѣна ѣѡдтѣй̄ шурр̄ вѣдз, а й̄нца лѣй̄й поѡкас. Вй̄ллькесь чурраш кыртчѣнѣ эвьнѣ альн, тй̄рьмесь чѣркѣ, вѣлѣ шурр̄ аббър, маңца пѣй̄енѣ пѣррк, я шѣнтѣ алльм. Ёммыне вй̄лкѣнѣт, куххѣкенѣ эй̄й кѣсстѣя ними. Пугк лѣй̄й вй̄ллкѣ, гу вй̄ллькесь пудзѣ туй̄льегуѣйм коѡххтѣшьт ѣммыне. Гу нюхч кырътменѣ кѣдчхѣнѣ йжесь вй̄ллькесь уй̄ветѣ.

Югкеналишѣм лй̄йенѣ сѣмь я югке – налла юръртѣнѣ, мѣнн пудѣ уй̄йнѣ. Пуаррса сѣмь соѡррнѣнѣ, Йммель коамехът кудтѣя вѣз, кѣнн пыне ѣммыне гуѣйке, ев лиххче пуѣллмуж. Мудта пуѣресѣ ѡлмѣ кугкѣ й̄лленѣ, агкѣ пай чѣрѣсьт, соѡррнѣнѣ:

<sup>1</sup> Виноградова И.В. Мун кәнџц... С. 3.

<sup>2</sup> Галкина Э.А. Пѣйивьесь пѣйив. Парна стиха. Мурманск, 1992. С. 4.

<sup>3</sup> Юрьева М.П. Тоавас Олма Лѣйнѣ... С. 8.



– Иммель я космонавт ев рāтткa альм я ёммыне ривьнэть, я тэль альмесьт шэнтэ рāййк, космическэ кārьне кйй, кōнн мйльтэ э кэдче вёдз чār эл.

Сāмь нūраш цйльке:

– Пуадт пāлль, вёдз йджь кāххт чār, ев лйннче коабь я поавьн. Пуэ-ресь я нūрр пуазпынней выгкэв йжесь клāдб пūdзэгуэйм я вездеходэгуэйм. А бригадир, тэдт ли мйльвуэйив пуазпынней, кūннбтэй пугк бригада пйццлэть, цйльке:

– Сārнэть, тёдэть – тйдтэй рйшкхэв пуськенб я ракетанб пэвлэть я вуанчнэв абьр ёммыне эл, мэйт пэвлэнь эле вуаннче вэз. Чўта пукэ роāммишэдэ тāлльва нūраш; кйссхэв вйлькесь, чоāххьпесь я кыррьй пūdзэть я выммьдуввэв йжесь коāбсэзэть. А пуаррса сāмь абьюшшенб, вўдтэнь сыйй кёзь. Агкь пай ныдтб лййй соāменб пыййма: тўййшэ выйемь я возвэ соāнэть, руввьтбе одт лйшшкэм нūретб, шылле кўль тāлвас. Нызан кўррэнб одт мāльцетб, мōджесь, пэре мōджесь.

Пуаррса сāмь копчнэдтэнь эфтэсьт я эллькэнь пыйнэ: вўлкхэ быдт нūраш одзэ чўдзэ, коаль сōнн чўтбмуссе роāммишэдэ тāлльва. Кōппченб сыйй чўдзэ я тёрхэнь тāннтрэ. Выййтэнь пуаррса пуазнэгкь я уййнэв: пūdзэ лев пэре коашькесь, вуэмь сэкс эля кэххчма сйнэнь, одт сэкс эйй кйрркна шэнтэ. Чуэрэв лев эфьтэ ноāменб. Пйлльк я кыррьй пūdзэ кўсстьев, гу тāсьт альмесьт я воāфсхэсс, э тэгк евла вуайха сэкксмэть я нāммь чўрьвегуэйм лев.

Ёрркья – налла пуэресь сāмь лйшшкэнь лйшшкэм нūренб вйлькесь пūdзе я ёадбхэнь чофта шўрр сёййт кяддка вёххьквуд одзэ, вёххьквуд моāцхэ, кыд, маңца кыдэсьт кёзь, чехч я тāльв. Кōннбтэнь сāмь вйлькесь пūdзэ, моāшшенб вэрэнб шўрр сёййт кёдбк. Югкьенч порст кўтбк куска я маннэмчильметб. Вуэнч сыйй кўдтэнь ноāвьтэть пōррэ. Вйлькесь тўльенб коāххьтэнь сёййт кёдбк, чувахт ёммыне вўлленб, а пёййв – пайенб, гу чуввесь тāссьт. Ныдтб лйннч чуввда, пыйенб сāмь. Ёкьна коалммлэнь вуэдбсе, а йнца коаццэненб, авта ли кыдт. Ыйй баесьт вёдз сунтэ. Пырр пугк рузнахт, лāвлэв лоанбт я югкенализэм рāза руэнхэв пырр. Ёг я явьр суннбтэнь.

Пуазнэгкь эллькенб кўнбтхе āлтэть. Югке пёйв вуэза шэнтнэнь, пёйвесьт пйййва пай ёна я ёна: вйлькесь, чоāххьпесь я кыррьй. Вездеход я вертолёт выгкенб клāдэть базатб. Ёгэнь я ёāвьренб кўль шылле оāлкхэнь. Чёпесь олмэ эллькенб лймтэсьт рāдтэ пōллвас я чўлт мўрэть соāнэ гуэйке. Мэнь кўнбтхэмь пāлль. Шўрр вуэзь пыдтэ – шуррнэнь совхоз чўдзэ. Чўдзэ ёадтэненб мёр гоаррэ, касьт вāна ли чўшшкэ, мёгкар я руввьт пуар. Нызан кўррэнб мāльцетб, липьтатб я ённэ коале мэнь.

Бригадир āххьк сārрн:

– Мāлець āввт мйнэть кёсся я тāлльва.

*Космонавтэт пайен кэлмас ли. Быдт сыйе куаррэ я вўлкхэ поаххк оа́ссэт. Шўг лїххч куаррэ вуэсскэдт ка́бньрет, ноа́втэ кўжен куаррэ поаххк кўрткат я поаххк коа́дтэ́т.*

*Мудта ы́зан са́ррнэв:*

*– Са́рнэт, альмесьт пёййв кёжсьханна пайшит. Тамьне евла куэ́фс я пёйв луэши́тэдант, евла пэвл. Поа́кас ли космосэ́сьт. Поа́ххк оа́ссэт пайшэ́ быдт вўлкхэ.*

*Бригадир а́ххк куййсэ́нне са́ррн:*

*– Куаррэ быдт оа́ссэт мўн э туннбель космонавтэт. Поа́ххкса ляннч сыйе тамьне. Анн сыйй ё́ллев я лыххкэв мырэ́сьт я ра́ххксэ́нне. Вай снимье́в сыйй мўн ча́р я пўдзэ́т космосэ́сьт я вўлкхэ́в фотоснимкат.*

*Пе́рьмусс пуазнэ́ххк:*

*– Мунн мўлтма ля Гагарин Ю́рье. Со́н муэ́йинэмуши а́ввт я чувахт ча́р, пўдзэ́т, мўнэт, ве́кахт пэ́ря лыххкэ. Со́нн, со́н ка́нбц я мыйй э́фт – на́лла пугк ле́бнь. Сыйй кыррьтэ́в пайен, космосэ́сьт, а мыйй вы́емь пўдзэ́гуэ́йм ча́р мўлльтэ. Пуазнэ́ххк – коммунист:*

*– Пўдзэ́т пы́нньмэ́сьт, вы́йймэ́сьт пўдзэ́гуэ́йм ча́р мўлльтэ, кла́дэ́т вё́ссмэ́сьт раст ё́гэ, ё́авьре мўн портре́тэ́т пые́т поа́лльтэ Гага́рин\_по́ртретэ́н. Космонавт я пуазнэ́ххк са́ррнэв, тання, куэ́сь пугк лыххкэ́в, кўркхэ́в. Анн мудта тэ́йт лы́гкэ́т моа́ххтсэ́ллэв. Тання лы́гк ё́адтэ́ев пэ́ря.*

*Я́лл ё́адт, ко́ххт быдт. Че́песь са́мь э́ллькен тўййше соа́нэт, вы́йен я кў́ррэн поа́дсэ́т, ру́ввьтэ́н лй́шшкэм нў́рет. Ма́ңа кы́дэсьт пў́дэ́ кё́сь, тэ́ль че́ххч я та́лльв. А́дт пугк лй́й шў́г со́аме гуэ́йке. Шу́рьмусс ы́гь куськ по́дтлыххчен й́жесь па́ль.*

*Пў́дзэ пы́нньмуши, ку́ль шы́лльмуши я ме́ххьцэ́тэмуши лев пе́рьмусс я шу́рр са́мь лы́гк.*

#### 7. Фольклор (сказки, былины, загадки, пословицы, поговорки)

Известная саамская пословица: *олёня выбирают не по рогам (не с лица воду пить) (пў́дзэ ва́лшэ́т е́дт чў́рьвэ́ мўлльтэ).*

В литературных источниках встречается описание оленя-оборотня Мяндаша, родоначальника саамов. В некоторых мифах Мяндаш – сын нойды (шаманки) Коддь-акки («дикарьей старухи»), зачавшей Мяндаша в образе важенки от дикого оленя. Коддь-акка обернулась женщиной, но ребёнок родился оленем; узнав, кто его отец, Мяндаш уходит в тундру. С появлением Мяндаша среди диких оленей человек получил возможность охотиться на них. Другой вариант мифа: Мяндаш – сын Мяндаш-девы, важенки, способной, как и он, превращаться в человека.

Мяндаш ведёт образ жизни человека, охотится, заготавливает дрова. Вежа Мяндыша построена из оленьих костей и шкур, в веже Мяндаш – человек, вне вежи – олень. Мяндаш просит мать сосватать невесту из человеческого рода: из трёх невест-сестёр лишь младшая не нарушает запретов Мяндаш-девы, заклинаниями высушивает Мяндаш-йог, кровавую реку из



внутренностей оленей, отделяющую людей от жилища Мяндаша, ласково обращается с оленями и становится женой Мяндаша. У них рождаются дети, но когда младший сын мочит постель из оленьих шкур (нарушение охотничьего табу), Мяндаш уходит из вежи в тундру с другими оленями. Жена его в облике важенки следует за ним. По другим вариантам, в оленей превращаются дети Мяндаша, жена его сохраняет человеческий облик и напутствует детей, чтобы те не давали убивать себя плохим людям. Сама она вновь вышла замуж за человека, но жила впроголодь. Мяндаш, сжалившись над людьми, явился жене во сне и обещал ей, что её муж сможет подстрелить Мяндаша (ср. одно из названий Мяндаша – Мяндаш-аннтуг, «дающийся»). С тех пор охота для людей стала удачливой.

Мяндаш научил людей искусству охоты, дал им лук, запретил истреблять важенок. В саамской мифе на златорогого оленя-Мяндаша охотится громовник Айеке-Тиермес; когда в оленя попадёт первая стрела, горы извергнут огонь, реки потекут вспять, иссякнут источники. Когда вторая стрела вопьётся Мяндашу в лоб, огонь охватит землю, лёд закипит. Когда же собаки Тиермеса схватят оленя и бог вонзит в его сердце нож, звёзды падут с небес, утонет солнце, потухнет луна, на земле останется прах.

В саамской мифологии большинство мифов связаны с образом оленя. Книга «Саамские сказки» под редакцией Г.М. Керта включает в себя следующие циклы: героические и исторические сказания и сказки, волшебные сказки, волшебнo-тотемные сказки о животных, бытовые сказки. Из данных циклов можно выделить следующие сказки, в которых встречается образ оленя:

**«Оленья сказка»<sup>1</sup>**

*Жил старик. У него оленей было мало. Сам он был знаткой человек, мог маленько поколдовать. Ну а все-таки настоящей силы ему не хватает, и нет у него счастья в оленьем хозяйстве. И думает он: «Как бы мне оленей поднять, оленьё стадо свое увеличить?»*

*Он обратился за помощью к сильнознающему человеку, попросил, чтобы тот помог ему поднять оленей. Тот согласился, и они оба легли спать крепким сном. Знают уж, как тут, при этом деле надо спать. Каждый лег в своей веже.*

*Спят они.*

*И этому старику снится сон. Видит он, что многознающий превратился в оленя-самца, в хирваса.*

*Хирвас побежал на юг. Старик вслед за ним. Чем дальше, тем быстрее бежал хирвас. Старик попевает за ним. Они бежали, бежали и очутились на болоте. Тут жировало большое стадо оленей.*

---

<sup>1</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 127.

От стада отделился вожак-хирвас. Он рога вниз – и пошел навстречу хирвасу-многознающему. Оба сошлись воедино и начали битву. Хирвас-знающий победил хирваса-вожака. Он свернул ему шею.

Хирвас-знающий погнал стадо и сделал так, что стадо признало его своим вожаком, а старика признало своим хозяином.

Новый вожак пришел к старику, как к хозяину, и спросил его: «Где установить для этого стада твое оленье счастье? В каком месте велишь вбить чуэрвечулт – роговой гвоздь, куда привязать твое счастье, твоих оленей? Я сотворю это хигнами из мянны».

Хозяин велел: «На Зайцеву горушку!»

Хирвас-многознающий пригнал стадо на Зайцеву горушку и вбил туда чуэрвечулт, он привязал к нему хигнами из мянны оленье счастье этого стада.

Тут старик пробудился. Проснулся и думает: «Вот я видел какой сон! Если этот сон сбудется, то у меня будет много оленей!» Он разбудил старуху: «Вставай старушка. Надо приготовить богатый обед из самого лучшего угощения. Я видел очень хороший сон. Нам надо позвать гостя, того многознающего человека, которого мы просили помочь нам».

И вот жена приготовила лучший обед, а муж поставил на стол сулею вина. Он оделся в свою лучшую одежду, жене велел нарядиться в самое красивое платье. После этого он пошел позвать себе в гости сильнознающего человека.

Гость пришел, они стали угощаться, пить вино и пировать. Хозяин спрашивает знающего: «Что ты видел во сне?» Знающий отвечает ему: «Зачем ты спрашиваешь? Ведь ты сам ходил со мною и видел всю мою работу. Все, что ты просил, все сделано по твоей просьбе. Ты мне велел вбить чуэрвечулт на Зайцевой горушке и привязать оленье счастье хигной из мянны?» Хозяин ему в ответ: «Во сне я видел все, что ты сказал». – «Стадо пригнано, оленье счастье удержано, след, по которому стадо гнали, убит. Твое оленье счастье утверждено. Этот прогон стада – твой прогон, его никто не сможет оттянуть от тебя».

Когда они расставались, хозяин сказал: «Спасибо тебе, великознающий!»

«Налэть»<sup>1</sup>

Выдал старик-нотозерец свою дочку замуж в Семиостровский погост. Пошел однажды он к ней в гости.

В семиостровских местах было тогда много диких оленей. Был там чуэрвькарт – ограда, или кучка из жертвенных оленьих рогов. Выбрал старик из чуэрвькарта маленький рог и отрубил от него вершинку.

Вершинку оставил на месте, а комель рога – налэть взял себе. Никто этого не знал.

<sup>1</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 131.



Пришел старик домой, пошел на тундру, на высокий горный хребет, и положил под камень налэть.

Тогда из семиостровских мест пошли дикие олени на запад, стали собираться на той тундре, где старик положил налэть. Много их стало собираться.

Ходил один охотник по тундре и увидел диких оленей. Стал стрелять, набил много, израсходовал весь порох (а может быть, и стрелы – чем тогда стреляли, теперь не помнят). Три дня и три ночи сидел охотник за деревом, а олени все шли. С тех пор на этой тундре стало много диких оленей. С хороших кормов они стали жирными, и сама тундра стала называться Сальной тундрой, а та гора, на которой старик положил обрубок рога, стала называться Налэтьпоаррь, что по-русски значит Горный хребет обломка оленьего рога.

Стали замечать семиострвцы, что уходят от них дикие олени в нотозерскую сторону. Догадался стариков зять о колдовстве тестя. Пошел к нему. Во сне перед этим он видел, куда старик спрятал налэть. Пришел он, взошел на тундру, вынул из-под камня налэть. Но не захотел взять весь налэть обратно, отрубил от него маленький кусочек и оставил на Сальной тундре. «Пусть старику останется», – сказал он.

Большая часть оленей ушла обратно на восток, но на Сальной тундре все же осталось много диких оленей.

Водятся они там и теперь.

#### **«Сказание о Гирвасозере»<sup>1</sup>**

Жил на берегу озера старик с сыновьями. Ловили они в озере рыбу и охотились на диких оленей.

Сказал старик своим сыновьям: «Вы будете охотиться и увидите стадо диких оленей, переплывающих через озеро. Вы можете стрелять всякого оленя, но не троньте передового хирваса (гирваса)».

Охотились братья-охотники и увидели, что через озеро плывет большое стадо диких оленей, а впереди их – хирвас, сильный, красивый, с большими ветвистыми рогами.

Очень уж понравился им хирвас, не могли они удержаться, не могли исполнить отцовского завета. «Убьем хирваса, – сказали они, – отец все равно не узнает об этом».

И пустили каждый из братьев в передового хирваса стрелу.

Пришли в дом. Взглянул старик на сыновей – и сразу узнал, что они убили передового хирваса: «Вы убили передового хирваса. Это нехорошо: дикари больше не будут приходить к нашему озеру».

Убитый хирвас окаменел в озере. С тех пор это озеро и называется Сэрвесьяур, а по-русски Гирвасозеро.

---

<sup>1</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 92.

### **«Олень Златорогий»<sup>1</sup>**

Великий Термес гонит грозовые тучи. Голова его в небо уходит, десять сосен – его рост. Рвут его волосы все ветры и никогда не сорвут. В руках его радуга-лук, он молниями бросает стрелы.

Собаки бегут впереди, каждая с оленя-быка.

Термес видит добычу, и Термес смеется: и громы грохочут, и небо высоко уходит, высоко и падает вниз. Охотится Термес. Он бежит: где станет нога его – там просека ляжет, где другая опрется о землю – долиной станет земля. Там, где стопы его коснутся земли, – два лога ложатся, в них реки медленно текут, а горы ручьями звенят.

Из-за Норвегии, где не нашей жизни начало, гонит Термес добычу. Она впереди, никогда не видима богу, близка ему для удара, вот-вот ударит молнией в сердце. То олень бежит златорогий. Белый он – шерсть его серебрится. Черную голову держит высоко, закинул рога и на невидимых крыльях летит. Ветры вольные – его дыхание, они несут его в полете, в его пути. Глаза его полужакрыты. Но не смотри в них человек – от силы их ты будешь слеп. Закрой уши свои, когда услышишь бег – то от силы их ты будешь глух. Горячего дыхания его коснешься ты – и будешь нем.

Знай, то Мяндашпырре...

Знай, когда великий Термес настигнет Мяндашпырре и первой стрелой ударит, весь камень гор раздастся и выбросит огонь, все реки потекут назад, иссякнет дождь, иссякнут все озера, море оскудеет. Но солнце будет.

Знай еще: когда великий Термес стрелой вопьется в черный лоб меж золотых рогов, огонь охватит землю, горы закипят водой, на месте этих гор поднимутся другие горы. Сгорят они, как бородастый мох на старых елях. Сгорят полуночные земли, и лед вскипит.

Когда на Мяндашпырре ринутся собаки и Термес вонзит свой нож в живое сердце, тогда, наконец, упадут с небес все звезды. Потухнет старая луна, утонет солнце далеко. На земле же будет прах.

### **«Молитва Мяндаша»<sup>2</sup>**

Мяндаш-хирвас сидел на задних ногах и молился о своем. И к нему, к хирвасу, пришел человек, охотник, и сел напротив него.

И стали они разговаривать.

Мяндаш укорял человека, он напоминал ему, как он, Мяндаш, научил его охотиться на дикарей, как научил прятаться за кусты, рядиться в еловые ветки и надевать на себя оленьи рога, и за камень хорониться – не был бы виден охотник дикарю, берегся бы он человека, опасался бы его хитростей. И не он ли, Мяндаш, вложил в руки человека лук. И дал великий завет: в хирвасном стаде диких оленей не убивать – только одну важенку

<sup>1</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки... С. 134.

<sup>2</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 95.



на прокорм семьи, но не больше того, а на самого хирваса – запрет. «Так я учил! И это было вестимо всем!»

А теперь хитер стал человек: ложится на землю, ползет на животе и делает удар неведомый, и выстрелы с разных сторон, и мы не знаем, откуда этот страх. Дикари слышат гром, но неведомо, откуда делает его человек. Мы боимся кормиться, мы жить боимся. Теперь охотники добывают и одну важенку, и другую, и много берут сразу в один день удачной охоты. И хирвасов бьют, и даже сонного, и в осеннем стаде! Так ли я учил тебя, небесное отродье? Охотник же засмеялся. Неразумен душой, он стал похваться своею хитростью, своею удалью и удачей, своим умением делать удар и прятаться. На это Мяндаш сказал: «Теперь, когда ты перестал жалеть хирвасов и важенок, мяндашевых детей, придет время и не станет охоты на дикаря!» Мяндаш еще раз сказал человеку: «Пусть охотники жалеют важенок и хирвасов дикарских. Не будут жалеть – кончится им охота на дикаря». Так он сказал.

«Мяндашнинид»<sup>1</sup>

В горах, в вараках, на ламбинах и тундрах, где не живут люди и никогда им не живать, куда не след ему ходить, живут мяндаши.

Жила там Мяндаш-дева, женищина-олень. У нее родилось теля – сынок. Жил он, жил у Мяндаш-девы, скоро превратился в молодого оленя – Мяндаш-парня. Мяндаш-парень ходил на охоту. Однажды он вернулся домой. Пришел к матери и сказал: «Вот, будем жить в веже из оленьих шкур, порогом будет чаппыд (звено шейных позвонков), доски крыши – из ребер, опоры – ноги оленя, а чистое место хребетною костью обложим, а камни очага пусть будут, как печень, гладки».

Построил вежу и сказал: «Это есть мяндашей вежа!»

Перевернулся – человеческий облик принял. Перевернулась Мяндаш-дева – и в человеческом облике предстала сыну. И вот Мяндаш-парень матери сказал: «Я хочу жениться и взять замуж дочь человеческую».

Мяндаш-дева ему говорит: «Сынок, ты не сможешь жить с человеческой девушкой. Она другого запаха. Она не сможет быть чистой, как ты. Ты мяндаш – дикий олень. От ее запаха ты будешь прядать ушами. Тебе не будет терпения жить в своем доме».

Но Мяндаш-сын, молодой парень, сказал: «Приведи дочь человеческую, будем жить. Она будет меня беречь». Тогда Мяндаш-дева вышла на волю и пошла искать своему сыну человеческую жену. Обернулась дикой важенкой и переплыла через Мяндашийок – Кровавую реку. В реке волны из легких, а камни из печеней. Перешла через реку и побежала вперед. Бежала, бежала и пришла к человеческой веже. Перевернулась и простой женщиной вошла в дом человека. Вошла, сняла каньги и спросила: «Которая дочка пойдет моему сыну женой?»

<sup>1</sup> Пация Е.Я. Саамские сказки...

Старик, что жил в доме, имел трех дочерей. Старшая дочь говорит: «А я пойду!» «Ну, если ты пойдешь, – сказала Мяндаш-дева, – то положи мои каньги сушиться. Хорошо их расправь и просуши», – а сама вышла из вежи наружу.

Каньги были не простые. Внутри они из пойды – жира, а стельки – те были из самой нежной, самой вкусной пойды – тоньке. Вот ночь Мяндаш-дева спала, а утром пробудилась и говорит старшей девушке: «Принеси мои пой денные каньги и правильно расправленные стельки». А у девушки жир из канег съеден! Вместо жира она положила в каньги траву, а стельки сделала из простого овечьего сена. Принесла к Мяндаш-деве эти каньги.

Мяндаш-дева стала одеваться, а в каньгах-то сено, и стельки не те! Ну, Мяндаш-дева ничего не сказала. И пошли они – Мяндаш-дева и дочь старика. Пришли к Мяндашйок. Спрашивает Мяндаш-дева: «Как ты, Пейтьоль-ке (Оползший Чулок), пойдешь через Мяндашйок – Кровавую реку, где волны из легких, где камни из печеней?»

А та и говорит: «Как ты, так и я».

Ничего не сказала на это Мяндаш-дева. Обернулась дикой важенкой, переплыла через Мяндашйок и побежала вперед. Молодица осталась на берегу реки. Бродила, бродила, тонула, тонула, едва-едва перебралась через реку.

Мяндаш-дева домой пришла. А около вежи бегают пыжики – ребятки.

«Подите встретьте молодицу», – сказала им Мяндаш-дева.

Они побежали, круто копытцами перебирая. А у молодицы в руках посошок. Этим посошком она их била по носу до крови. Мяндаш-парни домой убежали. Вот молодица пришла к веже мяндашей. Вежные двери открыла и говорит: «В мяндашей вежу войду, через чаппыд-порог шагну. А чисто-то место хребтовой костью обложено. А опоры-то – ноги оленя! А крыша-то из шкур».

Тут Мяндаш-дева сказала: «Здесь в камень превратись!»

Та окаменела. Вот Мяндаш-парень с охоты возвратился. Спрашивает мать: «Мати, привели ли, нет ли жену?»

И Мяндаш-дева ответила ему: «А здесь она, камнем стоит».

Тогда Мяндаш-парень сказал: «Если эту камнем сделала, веди другую». Вот Мяндаш-дева обернулась дикой важенкой и опять побежала к тому же старику. Переплыла через Мяндашйок, где легкие – волны, печени – камни, и пришла к веже. Обернулась человеческой женщиной и вошла в дом.

Старик имел теперь двух дочерей.

Мяндаш-дева сказала: «Которая девка пойдет замуж за моего сына?»



Средняя кричит: «Я!» «Ну, ты и пойдешь», – говорит Мяндаш-дева. Сняла каньги и дает средней дочке: «Возьми каньги и просуши. Стельки хорошо расправь и положи сохнуть».

Та дернула стельки из канег, а стельки-то из тоньке-пойды. Она каньги положила сушиться, а тоньке-пойду съела.

Мяндаш-дева ночь проспала, а утром встала и говорит средней дочке: «Поди, подай мне каньги обуть».

А стельки-то съедены. Вместо них простое сено положено. Мяндаш-дева стала одеваться, а стельки-то не те! Вместо тоньке-пойды обыкновенное сено. Мяндаш-дева оделась. «Пойдем!» – сказала.

Пришли к реке, и Мяндаш-дева спрашивает: «Как ты пойдешь через Мяндашйок, Кровавую реку? В ней волны из легких и камни из печеней». А та говорит: «Как ты, так и я».

Мяндаш-дева обернулась дикой важенкой и переплыла через реку. Молодица же осталась на берегу. Бродила, тонула, едва-едва перебралась через Мяндаш-реку.

Мяндаш-дева подошла к своей веже. У вежи играли пыжики – ребятки. Она им сказала: «Подите навстречу молодой».

Они побежали молодицу встретить и привести. А у нее был в руках посошок. Она их била всех им по носам до крови. Они домой убежали к матери, показали ей мордочки и говорят: «Вот как молодая нас встретила».

Молодица пришла к мяндашей веже. Пришла, двери открыла и говорит: «В дом мяндашей войти – через порог из шейных позвонков перемахнуть. Из хребетных костей полы уложены. Как печени, гладки камни очага, и опоры – ноги оленя».

Мяндаш-дева сказала: «Тут в камень превратись».

Девушка окаменела.

Мяндаш-парень с охоты пришел. Прямо к матери идет: «Мати, где же мне жена?» Мяндаш-дева ему отвечает: «Тут камнем стоит». – «Ну, когда камнем сделала и эту, так иди, приведи мне еще жену». Мать обернулась дикой важенкой и побежала. Переплыла через Мяндашйок, превратилась в женщину-человека и вошла в вежу того же старика. У старика одна дочь. Говорит ей Мяндаш-дева: «Пойдешь ли ты за моего сына замуж?»

Девушка ей в ответ: «Какая буду жена твоему сыну? Он мяндаш! Я сыну мяндашей в жены не гожусь». «Иди, дочь человеческая, в вежу мяндашей жить, – говорит Мяндаш-дева. – Иди, вот прими мои каньги сушить и стельки расправь хорошенько». Девушка каньги приняла, отнесла их сушиться, а стельки расправила, развесила и высушила исправно. Мяндаш-дева ночь спала, а утром, пробудясь, говорит: «Принеси мои каньги со стельками». Девушка тоньке-пойду хорошо просушила и каньги со стельками подала Мяндаш-деве надеть. Мяндаш-дева оделась и пошла. И вот дочь человеческая в мяндаш-вежу идет.

Приходят они к Мяндашйок, и Мяндаш-дева спрашивает девушку: «Как ты, дочь человеческая, будешь через Мяндашйок идти? Мяндашйок – Кровавая река, в ней легкие – волны, гладкие печени – камни».

Девушка сказала: «Переходи, Мяндаш-дева, через Мяндашйок, и я как-нибудь, может быть, перейду». Мяндаш-дева через реку переплыла, а девушка осталась у реки на берегу. Отщепила она кору ольхи-дерева и села у воды. Ольху-дерево откусывает, ольховую кору жует, брызгами, как пылью, брызжет в реку и поет: Сохни, сохни, Мяндаш-река:

Легкие – волнами, печени – камнями.

Кровавая река!

Мяндашйок высохла досуха, и дочь человеческая перешла через реку. Ольху кусала, жевала ольховую кору и брызгала, пылью брызгала в воду и пела:

Теки, теки, река Мяндаша:

Легкие – волнами, печени – камнями.

Кровавая река!

И Мяндашйок опять потекла. Девушка пошла вперед. И вот показалась вдали вежа мяндашей. Здесь девушка села. А Мяндаш-дева к дому пришла. Вокруг вежи пыжики-оленцы играют: «Подите, ребятки, встретьте молодицу».

И они, перебирая копытцами, побежали встречать молодицу. Навстречу ей прибежали и встали перед ней. Она их не была. Она каждому олененочку вязала в уши красное сукно. С радостью они вернулись к матери домой. Кричат ей: «Вот как мы встречены молодницею! Она вязала нам в ушки красное сукно». И Мяндаш-дева сказала: «Это хорошо».

Тут Мяндаш-парень с охоты пришел. «Где жена?» – сказал.

А Мяндаш-дева ему говорит, что там, на краю болота, ждет.

Мяндаш-парень диким хирвасом побежал. Устремился невесту смотреть.

А девушка в конце болота сидит и поет:

Вот он бежит, вот он бежит!

Мяндаш-парень, мяндашей сын.

А он не очень близким кругом оббежал вокруг нее и вернулся к матери домой. Спрашивает его мать: «Видел ли невесту?» «Видел», – ответил Мяндаш-парень. – «Можешь ли, нет ли с нею жить?»

И он сказал: «И с ветра и с подветру был. Жить могу».

Вот Мяндаш-парень построил себе вежу и предстал перед дочерью человеческой красивым человеком и взял ее в жены.

И вот Мяндаш-парень живет с человеческой дочерью. Жили они хорошо. Жена его берегла, а он ее в строгости держал. И он дал ей запрет: «Нельзя шкуры – постели детские ребячьей мочой замочить». Детей у них было много и постелей тоже было много. И вот они живут. Живут очень



хорошо. Но однажды она недосмотрела: мальчишечка-дитя замочил постелю.

Мяндаш с охоты возвратился, в вежу входит, и не успел еще человеком обернуться, как ему из дверей нечистый запах в нос ударил. Он чихнул и сказал своей жене: «Я тебя строжил: – нельзя замочить постели, а у тебя постеля мокрая – худой запах идет! Я не могу больше жить. Тяжелый дух тянет мне уши, трепет и дрожь мне от него».

И он убежал к материнскому дому. Пришел к матери и сказал: «Мати, я не могу больше жить! Тяжелый дух уши стягивать стал». Мать ему сказала: «Не говорила ли я? Не может мяндашей сын с человеческой женщиной жить. Слушай, дитя, в дом мяндашей вернись. Вот тебе материнская грудь. Вот тебе сосок, один, и другой, и третий, и четвертый сосок. Живи! Не бойся, сыночек, у кого шкура черная – медведя-зверя бойся, и берегись волка-зверя, и из-за двери и камня краснеющего красноликого – человека бойся».

И сказав это, Мяндаш-дева всех в облике диких оленей из мяндаш-вежи вывела. А жена Мяндаш-парня обернулась вокруг себя кислою, намокшею постелью и, оборотясь дикой важенкой, тоже побежала за ними. И превратилась она в вожака диких оленей. И будто колоколец рога ее стали для других. И растянула она стада диких оленей по тундре и по ложбинам нашей земли.

#### **«Сказка о диком олене»<sup>1</sup>**

Надоело жить оленю-вдовцу без жены, вздумал он жениться на женщине. Превратился в молодого саама и пошел свататься к одному старику, у которого было три дочери. Посватал он старшую и повел лесом в свою вежу. Сам забежал вперед и раньше жены пришел в вежу. Идет она одна по той дороге, что муж повел. Перегородила ей дорогу река кровавая, по реке оленье легкие плывут. Превратилась она в выдру и переплыла реку. А на другом берегу ее дожидаются уже оленье дети, ласкаться к ней стали. А она рассердилась на них и прогнала веткой. Пришла она в вежу и узнала, кто был ее муж. Не захотела она повиноваться ему. Олень велит каждый день шкуры постельные перебирать, а если ребенок родится, смотреть за ним, чтобы не замочил чего в веже: человеческим духом чтобы не пахло. Не слушает она приказаний мужа, не перебирает шкур, плохо в доме правит, а оленье детей колотить зачала. Рассердился олень и убил рогами жену.

Пошел к старику другую дочь сватать. Отдал за него старик и вторую дочь, спросил только, что дорогой зять не заходит к нему в гости. А жених ответил, что будет скоро, и увел к себе вторую жену. С этой то же было. Убил и эту сердитый олень. Перевернулся саамом и

---

<sup>1</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 102.

пошел младшую дочь сватать. Удивился старик, но отдал за него и последнюю дочь. «Что это, – говорит, – в гости с женой не заходишь?»

«Приду скоро», – сказал зять и увел жену. Забежал вперед и пришел в вежу первым. Идет она и встречает реку кровавую, по ней оленьи легкие плывут. Стала молить она песней, чтобы речка дорогу ей уступила. Долго пела она, а речка стала все мельче и совсем пересохла. Перешла она по дну и вышла на другой берег, а ее детки оленьи дожидаются, ласкаться бегут. Приласкала она их, по шерсти – погладила, а в рога цветов вплела. Побежали оленьята в вежу и ну мачеху хвалить. Пришла она, а олень ей наказ дает, что первым женам давал. Стала слушаться она мужа и угождать ему. Детей-оленьят ласкать, за вежей присматривать, постель перетряхивать. Долго жили они в мире и согласии. Родился у них ребенок-олень. Говорит женке олень, чтобы пуще прежнего смотрела за ребенком: «Досматривай, чтобы ребенок постель не пачкал». Недоглядела раз она, а ребенок всю шкуру вымочил. Пришел олень, услышал дух человеческий и бросился вон из вежи, а за ним и оленьята. Один только остался, что на коленях у матери сидел, да и тот в лес за отцом рвется. Видит она, это не удержать ей олененка, и стала она ему совет давать. «Пуще всего, – говорит, – бойся человека и сосны да камня. За ними может схорониться хитрый охотник и убить тебя. Береги себя всегда. Но если уж попадешь на настоящего охотника, не перехитришь тебе его. Тогда выходи и подставь сердце, чтобы он рогом убил тебя». Сказала это она и выпустила олененка.

#### **«Сказка про пыжика-дитя»<sup>1</sup>**

Жила-была женищина. Не стара не молода. Она жила в диких оленях, а гуляла с шардуном, с дикарем.

У нее родился паренек. Вырос он до третьего года. Одного дня пришла к ее веже стайка диких оленей. А шардун, дикий олень, в самой середине стада был. Эта женищина смотрит на стадо и думает: «Нет ли здесь моего шардуна?»

Как только она подумала, сейчас же стадо побежало прочь от этой женищины, а шардун впереди всех. Все убежали.

У груди женищины был его ребенок, маленький сынок шардуна. Он обернулся пыжиком, олененочком, соскочил с коленей матери и туда же в тундры, за оленями побежал. Мать осталась одна. Кричит она, зовет сыночка, плачет мать, убивается, а он обернулся к ней и сказал: «Мама, мама! У тебя на коленях было мне хорошо, но здесь, в оленях, веселее, чем у твоей груди». – «Чем же тебе веселее, дитяtko милое?» – «Рога бренчат, хрустят копытца на бегу, против ветра бежать мне весело по воде».

Осталась мать одна, заплакала она и сказала: «Дитя родимое, от меня ты ушел, но от пули тебе не уйти!»

С тех пор стали дикарей имать, а до того не знали этой охоты.

---

<sup>1</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 106.



## СОБАКА

### 1. Описание

*Лопарская собака* (subst sq. *пённо*) (ГК) также известна как финская лайка или оленегонная лайка – *суоменлапкойра* (subst sq. *уһцэ пённо*) (РК). Оленегонные лайки – крупные, с хорошо развитой длинной шерстью, защищающей их от укусов кровососущих насекомых. *Шерстный покров густой* (*улл лй вўгкэ*) (ГС), с хорошо развитым подшерстком и удлинённой прямой остью. Наиболее длинная шерсть развита вокруг шеи, спереди груди, на тыльных сторонах конечностей и на хвосте. Голова – с *широкой черепной частью* (*вуэййв хāбнь*) (РК) и заметным, но плавным переходом к удлинённой морде. Уши широко поставлены, у основания широкие, с закруглёнными концами. Хвост высоко посажен, свернут в полукольцо и прижат к боку. Для оленегонной лайки важно быстро бегать по снегу и при этом не проваливаться. В этом им помогают *широкие лапы* (*пённо кёбпель*) (ГК) с обильно развитой шерстью между пальцами (своеобразные снегоступы). Окрас оленегонной лайки чаще всего чёрный, реже встречается бурый («медвежий»).

### 2. Охота

Саамы натаскивали *оленегонную лайку* (subst sq. *уһцэ пённо*) (РК) для охоты на северного оленя в условиях низких температур и глубокого снега. Сначала собака круглый год работала под открытым небом, не позволяя оленям отбиться от стада и не давая им вернуться. В день она *пробежала* (*vb вуагкэ*) (КНС) около ста километров по глубокому снегу, что требовало невероятной мощности и выносливости. Способность *пасты и защищать огромные стада оленей* (*вёлльтэ чўдзэ ѓдт сайя*) (ГС) наиболее высоко ценилась у саамского народа. Прекрасные физические данные, крепкое телосложение и защищающая от холода и снега шерсть позволяли использовать лопарскую собаку и в качестве *ездовой* (*лй выйюввма*) (ГС).

Саамы, традиционно занимающиеся разведением оленей, до сих пор используют собак. Стадо из тысячи оленей пасут от одной до трех лаек. Каждая лайка заменяет двух пастухов. Кроме того, с ними охотятся на оленей – последние часто разбивают стада домашних оленей и уводят их в тундру. Диких оленей охотники *отстреливают* (*vb ёңцкрэ*) (РК), и отыскивают *ураков* – оленьих бычков от года до 2 лет (subst о.ч. *оарехь*) (РК), отжимая их к охотникам. Изначально этих собак саамы использовали как чисто охотничьих, с их помощью добывали волков, песцов, медведей, а также диких оленей для пропитания людей. Вместе с тем они охраняли жилище человека.

Обладая хорошо развитым чутьем, острым зрением и слухом, лайка самостоятельно находила затаившегося зверька или птицу и лаем оповещала охотника. При передвижении зверька или птицы она молча пресле-

довала их, а при новой остановке снова давала сигнал охотнику (*v̋b v̋n̋n̋sh̋ass̋yt̋*) (ГС).

Аналогичным образом происходила охота на медведя: лайка находила берлогу и ловкими, быстрыми хватками «держала» выскочившего зверя. По *кровяному следу* (*v̋r̋r̋y̋es̋ k̋y̋*) (РК) собака находила раненых животных. *Ця-ця-ця!* (ГС) – таким возгласом саам-охотник подзывал к себе собаку.

### 3. Классификация

Саамы условно разделяли лаек на несколько видов, в соответствии с выполняемыми собаками функциями:

#### 1) Пастушьи (оленегонные) лайки.

В XVIII веке ситуация с оленегонными лайками начала меняться. Саамы все больше переходили на оседлый образ жизни, а их олени становились все более домашними. У каждой семьи имелось примерно по 15 оленей. Лаек заводили для пастьбы этого небольшого стада и охраны его от волков. Хотя в XX веке лапландцы по традиции все еще продолжали разводить оленей, однако при этом они все шире стали использовать современные средства, лыжи и собак сменив на снегоходы и даже на вертолеты. Именно тогда оленегонные лайки оказались на грани исчезновения.

Оленегонная лайка отличается от охотничьей менее доносчивым голосом (слышимость 500–700 м), более уравновешенной нервной системой, меньшей вязкостью при преследовании животных. Например, она не пытается схватить лося зубами (*p̋nn̋z̋ kőa̋t̋k̋z̋*) (КНС), когда его гонит. Лайка загоняет животное (*v̋b v̋y̋h̋z̋*, *v̋b v̋y̋h̋h̋t̋z̋*) (РК), пока оно, изнуренное бегом (*kar̋rm̋z̋yt̋ v̋ys̋s̋ma*) (ГС), не ослабнет и не станет легкой добычей. По неглубокому снежному покрову этих собак можно использовать для охоты на белку и норку, лося и даже медведя, а также на птицу.

#### 2) Ездовые (полярные) лайки.

#### 3) Охотничьи лайки.

### 4. Художественная литература (стихотворения, рассказы)

Стихотворение Ираиды Виноградовой в сборнике «Мун к̋ан̋ьц»<sup>1</sup>:

*Мун кудца Ада*

*Л̋й мунз̋ьт кудца*

*С̋онн л̋й чофта удцьха.*

*К̋оз̋ ёада мунн –*

*Тоагэ карр с̋онн.*

*Мунн т̋он удца,*

*М̋йллвэсь удць кудца.*

*Оар мун лунн̋*

*Я култэл мун.*

*Куэссь в̋уэлка в̋арра –*

<sup>1</sup> Виноградова И.В. Мун к̋ан̋ьц... С. 8.



*Тõнн мйльтэ кар!*

*Куэссь вāресьт кāда –*

*Õз мун, Ада!*

Стихотворение Эльвиры Галкиной в сборнике «Пеййвьесь пеййв»<sup>1</sup>:

*Кённо ляк, пённо кудца?*

*Чоаһпесь нюнэ,*

*Кённо ляк кудца?*

*Мэййт тõнн лыхклак?*

*Мэййт тõнн угак?*

*Вулькэпэ пэррьтэ*

*Мунн тõн вāлта.*

*А удць кудца угк.*

*Пэре чофта угк.*

*Тала тоннэ вуэннч – пõр!*

*Тала тоннэ чāдзь – юг!*

5. Фольклор (сказки, былины, загадки, пословицы, поговорки)

*пённо ялмуши (перен.) собачья жизнь*

*пённогэ аньт тāхьт, я мйльтэ кулак ырришэг (посл.) собаке дай кость, а в ответ услышишь рычание (о неблагодарных людях)*

*пённо кудца выннышэсьгэ – выннышэсьгэ я ескэ (перен.) щенок поскулил, поскулил и замолчал (хныкать, ныть)*

В сборнике «Саамские сказки» опубликована детская сказка «Куцай» («Щенок»)<sup>2</sup>:

*Куцай*

*– Куцай, иди играть!*

*– Не пойду.*

*– Талла, поди задуши Куцая.*

*– Куцай тебе что сделал?*

*– Играть не идет.*

*– Не пойду.*

*– Пешня, поди ткни Таллу.*

*– Талла тебе что сделал?*

*– Куцая не задушил.*

*– Куцай тебе что сделал?*

*– Играть не идет.*

*– Не пойду.*

*– Камень, поди затупи Пешню.*

*– Пешня тебе что сделала?*

*– Таллу не ткнула.*

*– Талла тебе что сделал?*

<sup>1</sup> Галкина Э.А. Пеййвьесь пеййв... С. 7.

<sup>2</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 138.

– Куца не задушил.  
 – Куцай тебе что сделал?  
 – Играть не идет.  
 – Не пойду.  
 Охотник в собачьей шкуре  
 Жили старик со старухой и не было у них детей.  
 Говорят они однажды:  
 – Хотя бы родился у нас сын с собачьим носом.  
 И, правда, родился у них мальчик с собачьим носом и в собачьей шкуре.  
 Подрос и стал ходить на охоту.  
 Ходил-ходил на охоту, а однажды вернулся и говорит отцу:  
 – Приведи, отец, невесту, хочу жениться.  
 И опять ушел на охоту. А старик пошел за невестой. Привел невесту и говорит ей: жених скоро вернется с охоты.  
 Вернулся охотник. Стали есть. Девушка сама ест мясо, а ему, как собаке, косточки бросает.  
 Поели, жених с невестой пошли спать. Схватил он невесту, разорвал ее и бросил под амбар. Наутро сказал он отцу:  
 – Я пойду на охоту, а ты приведи мне другую невесту.  
 Привел старик другую невесту.  
 Пришел сын с охоты. Сели за стол. Девушка сама ест мясо, а ему косточки бросает.  
 Поели жених с невестой и пошли в амбар спать. И эту невесту жених разорвал и бросил куски под амбар.  
 Утром сказал старику:  
 – Я пойду на охоту, а ты приведи мне новую невесту. Привел старик третью невесту. Вернулся сын с охоты. Стали есть. Девушка сама ест и ему дает мяса. Поели и пошли в амбар спать.  
 Ночью снял сын свою шкуру, и стал перед девушкой красавец – красивей его нет на свете.  
 А утром смотрит старуха: оба живы. Узнала она, что без собачьей шкуры сын ее красавец, и говорит невестке:  
 – Когда он заснет, ты возьми ее шкуру и положи около двери, а я ночью сожгу ее.  
 Так и сделала старуха – сожгла ее.  
 Когда шкура горела, сын проснулся и сказал:  
 – Какой нехороший дух...  
 Хватился, а шкуры нет. Выскочил из амбара и сказал жене:  
 – Пока трех пар железных каблуков в пути не истопчешь и три железных пуговицы у тебя во рту не растают и трех железных посохов не изотрешь – не увидишь меня.



Выковал кузнец три пары железных каблуков, три железные пуговицы и три железных посоха. Надела женщина обувь на железных каблуках, положила в рот железную пуговицу, взяла в руки железный посох и отправилась в дорогу.

Шла-шла она, истоптала железные каблуки, истерла железный посох и железная пуговица у нее во рту растаяла. Видит – избушка в лесу, кругом вертится.

Сказала она избушке:

– К лесу окном, ко мне дверью!

Повернулась избушка к лесу окном, а к ней дверью.

Вошла она в избушку и спрашивает:

– Не проходил ли кто мимо?

Там ей ответили:

– Нет, не видали, слышали только, вроде пошумел ветер.

И дали ей там медные вешала – олк и медный гребешок – чогк:

– Возьми, пригодятся.

Надела женщина на ноги другую пару обуви с железными каблуками, положила в рот другую железную пуговицу, взяла в руки другой железный посох и пошла. Шла-шла, и видит – избушка в лесу, кругом вертится.

Сказала она избушке:

– К лесу окном, ко мне дверью!

Вошла в избушку и спросила:

– Не видали ли вы охотника?

Там ей ответили:

– Нет, не видали, мимо нас не проходил.

И дали ей там серебряные вешала – олк и серебряный гребень – чогк:

– Возьми, пригодятся.

Надела на ноги третью пару железных каблуков, положила в рот третью пуговицу, взяла в руки третий посох и пошла дальше.

Шла-шла и видит – в лесу избушка, кругом вертится. Сказала она избушке:

– К лесу окном, ко мне дверью!

Вошла в избушку, спросила:

– Не видали ли вы охотника?

Дали ей там золотые вешала – олк и золотой гребень – чогк и сказали:

– Придешь в погост к крайней избушке, увидишь красивую Катерину и своего мужа. Они будут играть в мяч. А ты поставь медные вешала и расчесывай косы. Когда мяч попадет к тебе на колени, ты не отдавай его и скажи: «Пусть красивая Катерина пустит ночью спать под дверью у порога».

Так женщина и сделала. Поставила медные вешала, распустила на вешала волосы, как рыболовные сети развешивают.

Попал к ней на колени мяч. Красивая Катерина взяла его ипустила женицину к себе переночевать. Легла та у порога и полночи проплакала.

На другое утро красивая Катерина опять вышла на улицу с мужем играть в мяч. А женицина поставила серебряные вешала и стала через них серебряным гребнем волосы расчесывать. Опять попал ей на колени мяч.

Согласилась Катерина пустить ее ночевать, и женицина отдала ей мяч. До полночи женицина проплакала.

На третье утро красивая Катерина с мужем опять стали играть в мяч. А женицина поставила золотые вешала и золотым гребнем через них стала волосы расчесывать. И на этот раз она согласилась отдать мяч красивой Катерине, а тапустила ее ночевать.

Всю ночь проплакала женицина. Увидела это красивая Катерина, вскочила с кровати, схватила коробку с иголками, нитками, бисером и разными цветными лоскутами и убежала к морю.

Прибежала она берег моря, взяла в руки коробку и бросила ее в море, приговаривая:

– Завертелось, закрутилось, к морю покатилося, а морские раковины превратилось.

Рассыпалось по морскому дну все, что было в коробке, и превратилось в морские раковины, ракушки, звезды, кораллы.

Убежала красивая Катерина, а муж и жена вернулись домой и стали жить вместе.

#### **«Пеный майнас» (Собачья сказка)<sup>1</sup>**

В былые времена жил старик со старухой. Старик был человек, как есть человек, а старуха была полчеловека, потому что одна половина была у нее человеческая, а другая подобная зверю или, вернее собаке. Над старухой все смеялись заочно, а когда были вместе с ней, то боялись и уважали. Старик умер раньше, и вскоре после смерти его у нее родился сын на подобие ее. Сын рос не по годам, а по дням. И вот когда он вырос, из него сделался хороший промышленник. Он ежедневно ходил на промысел зверей и никогда не возвращался без ничего. Мать любила его, но он захотел наконец жениться. Возвратясь раз с охоты, он сказал матери: «Ты стала стара, тебе тяжело; поэтому я хочу жениться. Ты найди мне невесту». Старуха по любви к сыну согласилась на его просьбу и сказала: «Недалеко от нас живет старик со старухой. У него есть три дочери, и завтра я пойду сватать тебя за старшую. Они живут бедно и поэтому, полагаю, отдадут». На другой день сын ушел в лес, а мать пошла искать ему невесту. Старик с семейством, увидя старуху, удивился ее приходу, потому что она никогда у них не бывала. Старуха с ними поздоровалась и, ее, как гостью, просили сесть. Старуха поблагодарила их и прибавила: «Ничего, я постою. У меня, дедушка есть до тебя просьба: не хочешь ли с

<sup>1</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 146.



нами породниться? Меня послал сын и просил, чтобы твоя старшая дочь согласилась быть его женою. У нас мяса довольно, ей будет хорошо». Старик поговорил с дочерью, и та согласилась идти сейчас же со старухой. Она прибавила еще: «Нас три сестры, и ждать мне долго не следует». Простилась она после этого с родителями и сестрами и пошла, как с настоящей свекровью, к своему мужу. Пришли они в вежу, – старуха и говорит невестке: «Мужа твоего еще нет дома, он скоро придет. Ты пока ложись (указала ей в одной стороне место) – спи и не смотри, как я буду варить ужин. Не исполнишь этого, худо тебе будет». Невестка, повидимому, послушалась. Сейчас она легла спать, а сама изредка тихонько и смотрит, что будет варить свекровь и как? Она увидела, что свекровь стала варить мясо в кожаном мешке. Мешок, повешенный над огнем, вскоре, однако, потек. Старуха рассердилась и вскричала: «Говорила, не смотри, ты не послушалась, будь же теперь камнем». Не успела она этого сказать, как молодая окаменела, а в вежу зашел сын и спрашивает: «где моя жена?» – «Смотри вот там». И указала на окаменевшую. – Ну, это ничего, только завтра ты должна найти мне жену. Начали снова варить и, когда готов был ужин, поужинали молча. На следующий день сын пошел в лес, сказав матери: «Не забудь привести жену». Мать после него опять пошла к старику и сказала ему: «Дочери твоей на первых порах скучно, потому что муж ходит в лес. Дозволь идти в гости к ней другой сестре». Старик согласился, и другая дочь пошла со старухой. Пришли в вежу. Старуха сказала ей, что она будет не гостья, а жена ее сыну. Указала ей и на окаменевшую сестру, прибавив: «Не слушаешься меня, тоже будет и с тобой». Невестка легла спать и уснула. К несчастью своему, она скоро проснулась и увидела, что свекровь варит в мешке. Старуха опять рассердилась и вскричала то же, что и первой, и вторая сестра окаменела. Пришел из леса сын, спросил жену и мать указала на другую каменную человеческую фигуру. Сын посмотрел, посмотрел и сказал: «Завтра должна быть у меня жена непременно, а нет – прощайся и со мной». Мать ответила: «Эти были непослушны и потому в жены тебе не годились. Завтра я приведу меньшую сестру: из нее быть может и выйдет тебе жена». Молча они сварили, молча и поужинали. На третий день сын пошел в лес сердитый. Мать после него сейчас пошла к старику и стала просить его, чтобы он отпустил и меньшую сестру в гости. Старик, не зная ничего, и последней дочери дозволил идти. Пришла она со старухой в вежу и увидела, что сестры ее окаменели. Она испугалась сперва, но старуха сказала: «Не бойся. Они не слушались меня и сами себя к этому приговорили. Будь послушна мне, исполни что скажу, и тогда ты будешь не гостья, но жена моего сына». Старуха стала приготовляться варить ужин, а невестка легла спать и уснула крепко. Она не видела ничего. Старуха, наконец, услышав лай как бы собаки, разбудила невестку и послала ее встречать своего мужа, а ее сына. Вскоре оба они вошли в ве-



жу, поужинали и стали жить, как муж с женой, любя друг друга. Вскоре у них родился сын, очень похожий на отца. Оба они были рады, и муж сказал жене: *Смотри, чтобы от сына нашего оленья постель под ним никогда не была мокра от его мочи. Сын рос, как и отец, скоро. Мать слово мужа помнила, и все шло хорошо. Раз, однако, сын помочился на постель, и ее положили сохнуть. Пришел муж и увидел это. Он спросил: Кто это сделал? Мать ответила: сын. Услыша это, он сказал: Моего слова не исполнили, и поэтому я теперь от вас уйду. Вы живите как хотите. Сын стал также проситься идти с отцом. Он согласился взять его. И их никак не могли отговорить ни мать, ни жена. Женщины остались дома и от них после родились дикие олени. Мать при прощании с сыном, который разлучил ее с мужем, сказала ему: черных зверей бойтесь, а белых вам нечего бояться. Не бойся также и гангасов (подобие сила для диких оленей), делаютя они для пользы людей и тебе не повредят. Отец с сыном ушли и более об них не было никакого слуху.*

#### **«Собачий сын»<sup>1</sup>**

*Жила когда-то в Пазрецьком погосте бедная вдова. Детей у нее не было. Все она о старости думала: как же ей без кормильца прожить? Летом саамы перекочевывают из погоста на лесные озера, где рыбы побольше, корм оленям получше. Было такое угодье и у вдовы. Амбары там старые стояли. Хорошую вежу одной не поставит, раскинула она куваксу – шалашик переносной. Когда в ней, а когда и в амбаре переночует. Рыбу впрок солила, сушила, ягоды собирала. Так и лето прошло. В погосте среди людей живешь, а сюда за лето другой ни единая душа не заглянет. Плохо одинокому человеку в лесу. Совсем вдова загрустила. Недалеко за амбарами был в угодьях вдовы сейд – Большой Камень, добрый дух. Бывало, когда муж ее на охоту собирался, всегда сюда рога оленя приносил, и сейд удачу посылал. Но женщинам к сейду не то что ходить – смотреть не полагалось. «Нет у меня никого, пойду сама, попрошу, чтобы ребеночка мне послал. Может, не рассердится на меня и поможет», – надумала вдова. Поймала большую рыбу и понесла сейду. – Прости меня, сейдушко, что закон нарушила. Рога у тебя все истлели, никто тебе давно подарков не делал. Пошли мне ребеночка любого, хоть в звериной шкуре, – попросила женщина. Прошло время, родился у нее сын. Лицо человеческое, а шкура на нем собаки. Быстро вырос сын-зверь. На охоту ходить стал. Оленья-дикаря лучше всех в погосте промышлял. Настало время, просит сын невесту ему высватать. Пошла женщина через озера и вараки в дальний погост, куда молва о ее сыне-звере не долетела. Приходит к старику со старухой, у которых три дочери было, просит старшую дочь в жены сыну. Отдали старики старшую дочь. Привела вдова ее в свою вежу, а сын ее – лесная собака – на охоте был. Говорит вдова невестке: – Ложись*

---

<sup>1</sup> Куруч Р.Д. Саамские сказки... С. 149.



спать и за мной не подсматривай, я бурдох варить буду. (Бурдох — это суп с мясом оленя да ягодами морошкой и вороникой.) Легла невестка, а самой любопытно, что свекровь делать будет. А та налила в кожаный мешок воды, мяса в него покрошила и повесила над огнем. Смешно девушке стало. — Кто же это, — говорит она, — в кожаном мешке еду готовит? Только это сказала — мешок и потек. — Нет, — говорит старуха, — моему сыну послушная жена нужна. Выгнала она девушку на улицу и превратила ее в камень. Пришел сын с охоты. — Привела, — спрашивает у матери, — мне жену? — Приводила одну, да в камень обратить пришлось, непослушная невестка попалась, — отвечает мать. Пошла она на следующий день опять в дальний погост, среднюю дочь за сына сосватала. Привела домой, но и среднюю пришлось в камень обратить: и эта невестка старухиной просьбы не выполнила. Отправилась за младшей дочерью. Удивились старик со старухой: — Что это ты каждый день другую дочь сватаешь. Сколько же у тебя сыновей? Но отдали вдове и младшую дочь. Больно богатые подарки вдова старикам приносила. Да и дочерей не очень жалко, их все равно для чужих домов растить приходится. Привела вдова девушку к своей веже. Увидела та два камня, догадалась, что это ее сестры. Свекровь девушку в вежу провела, спать укладывает и подглядывать не велит. А сама в кожаный мешок воду наливает, мясо крошит, ягоды сыплет. Отвернулась девушка к стенке. Лежит ни жива ни мертва, думает: «Уснуть бы да не проснуться». Страшно ей. А свекровь сварила свадебное угощение, разбудила девушку: — Такая, — говорит, — жена моему сыну подойдет. Послушная. А тут и сын-зверь с охоты пришел. Посмотрела на жениха девушка, жалко ей его стало. Погладила она его пошерсти. Попировали они, старуха молодых в амбар спать отправила. Утром зверь на охоту убежал, а невестка веселенькая ходит, вдове помогает, просит сестер освободить. Свекровь не соглашается. Так и живут они вместе. Любопытно свекрови, чем это ее уродливый сын так невестке люб. И так спросит, и эдак — молчит девушка. Совсем старуха раззадорилась. — Ладно, — говорит, — освобожу твоих сестер, только скажи, почему мой сын тебе в такую радость. Жалко девушке сестер, не утерпела она, хоть и просил ее муж до времени тайну его не раскрывать, сказала свекрови: — Снимает он ночью звериную шкуру и таким парнем красивым становится, что и описать нельзя. Освободила старуха старших сестер, те и спасибо младшей говорить не стали, бегом, подальше от этой вежи бросились, только их и видели. Совсем теперь вдова себе места не находит. Очень ей хочется, чтобы сын человеком жил. Стала у невестки спрашивать, куда да куда сын шкуру ночью кладет. И высмотрела, как сын шкуру под порог спрятал. Схватила она шкуру и бросила ее в костер. Сын проснулся: — Где-то моя шкура горит! Выбежал из амбара и говорит жене и матери: Терпенья у вас не хватило. Совсем недолго мне шкуру носить оставалось. Таково сейдово повеление было — за то, что женичина



обет предков нарушила, к нему ходила. А теперь я уйти должен. И найдешь ты меня, жена, после того, как три пары каньг износишь и три пуговицы оловянные растают. Сказал так и исчез. Сшила вдова невестке три пары каньг, достала из короба три оловянные пуговицы. Надела невестка каньги, взяла пуговицы в рот, пошла по свету мужа разыскивать. Идет, с вараки на вараку переходит, глубокие озера да реки переплывает. Уж одна пара каньг износилась — не видно нигде ее мужа. Села она на поваленное дерево, стала каньги переобувать, смотрит — стоит перед ней чахкли. Ноги у нее в кровь истерты. Пожалел чахкли ее, спрашивает, куда идет. Рассказала ему женищина про свою беду. — Слышал я, слышал про твои дела, — говорит чахкли. Дал он ей красивый костяной гребень и сказал: — Твой муж забыл тебя, другая жена у него теперь. Дорогу к нему мой средний брат покажет. Иди прямо на восток, там его встретишь. Поблагодарила она чахкли и пошла на восток. Долго шла, зима настала. Вторая пара каньг износилась, вторая пуговица во рту растаяла. Села на пенек каньги переобуть, смотрит: стоит перед ней чахкли. — Давно тебя поджидаю, — говорит он ей. — Вот тебе серебрянный гребень. Теперь тебе к моему младшему брату идти надо. Он на юге живет. Он к мужу и приведет. Поблагодарила его женищина. Спрятала в маленький вукс, мешочек, бисером расшитый, серебрянный гребень и пошла на юг. Третью пару каньг износила, третья оловянная пуговица у нее во рту растаяла. Встретила она младшего чахкли. А на дворе уже лето. Вот сколько времени шла бедная жена. Говорит ей чахкли: — Там, за варакой, на берегу Белого моря стоит большая тупа. В ней и живет твой муж с новой женой. Иди к ним и в работницы просись. Подарил ей чахкли золотой гребень и сказал: — Пригодится он тебе. Пришла бедняжка к берегу моря. Видит, тупа стоит. Попросилась в работницы. День работает, второй. Как вся работа кончилась, стал ее муж с новой женой в мяч играть. Катится мяч прямо в руки к работнице. Подошел к ней муж, просит мяч отдать. Видит девушка: не узнает ее. Отдала мячик, достала костяной гребень и стала волосы расчесывать. Смотрит новая жена, а гребень красивый, резной весь. Так ей гребень захотелось. Стала просить работницу: продай да продай. — Дай, — говорит работница, — мне с твоим мужем в амбаре ночь просидеть, тогда отдам. «Напою мужа сонным зельем, — думает новая жена, — пусть тогда и сидит с ним ночь». Взяла жена гребень. Напоила мужа сонным зельем, пошел он в амбар да уснул тут же. Всю ночь проплакала брошенная жена у постели любимого, да так и не проснулся он. На следующий день опять вечером муж с новой женой в мяч играть стали. Села работница на порог, достала серебрянный гребень, расчесывает волосы. А новой жене так этот гребень хочется, что сил нет. Стала просить: продай да продай серебрянный гребень. —пусти с твоим мужем ночь в амбаре посидеть, тогда и гребень твой, — сказала женищина. Обрадовалась новая жена. Напоила мужа сонным зельем и от-



пустила в амбар. Долго плакала брошенная жена около спящего, все ему про судьбу свою рассказывала. Да только не добудилась его. Проснулся утром муж, смотрит: рубаха вся от слез мокрая. «Странно, – думает, – охотник я, чутко сплю, все шорохи слышу, а надо мной в амбаре кто-то всю ночь проплакал, а я не проснулся?!» На третий вечер опять муж с новой женой в мяч играть стали. Достала работница золотой гребень. Новая жена, как его увидела, сама предложила: – Иди ночуй с моим мужем, только в последний раз, а гребень этот отдай. А сама сонное зелье готовить побежала. Да только муж проследил, что за зелье она приготовила, и вылил его потихоньку. Пришла брошенная жена ночью в амбар. Стала любимого будить, про судьбу ему рассказывать. Слушал ее муж, кое-что вспоминать начал. Женица плачет, слезы жгут его тело. И с каждой слезой память к нему все больше возвращается. Еще солнце над морем не встало, а уж вспомнил человек-собака и мать, и жену первую, и вежу родную. Домой его потянуло. Первая жена столько из-за него вынесла, любит крепко. Обнял он ее, и пошли они в родные места. На пороге вежи мать их встретила, и стали они жить лучше прежнего. А новая жена с досады, что мужа на гребни променяла, выбросила их в Белое море. И расползлись те гребни в разные стороны ежами морскими.

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                                                         |    |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| ПРЕДИСЛОВИЕ. Некоторые размышления по поводу современной лексикографической практики (О.Н. Иванищева).....              | 3  |
| 1. Активное и пассивное владение языком как задача учебной лексикографии.....                                           | 3  |
| 2. Пользователь словаря.....                                                                                            | 9  |
| 3. Учебная лексикография.....                                                                                           | 13 |
| 4. Культурологическая лексикография.....                                                                                | 15 |
| 5. Тематический принцип классификации слов: проблема словника...                                                        | 21 |
| 6. Дефиниция словаря: содержание и форма.....                                                                           | 22 |
| 7. Проблемы лексикографирования исчезающих языков.....                                                                  | 25 |
| 8. Теоретические основания учебного культурологического словаря «Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка»..... | 34 |
| Цитируемая литература.....                                                                                              | 37 |
| Источники материалов к словарю.....                                                                                     | 43 |
| Интернет-источники.....                                                                                                 | 44 |
| Сокращения.....                                                                                                         | 44 |
| СЛОВАРЬ (О.Н. Иванищева, Ю.С. Митина).....                                                                              | 48 |
| БЕЛКА.....                                                                                                              | 48 |
| ВОЛК.....                                                                                                               | 51 |
| ЗАЯЦ.....                                                                                                               | 56 |
| ЛИСА.....                                                                                                               | 58 |
| ЛОСЬ.....                                                                                                               | 67 |
| МЕДВЕДЬ.....                                                                                                            | 70 |
| ОЛЕНЬ.....                                                                                                              | 80 |
| СОБАКА.....                                                                                                             | 97 |



# **ЗООНИМИКОН КИЛЬДИНСКОГО ДИАЛЕКТА СААМСКОГО ЯЗЫКА**

**Учебный культурологический словарь**

Авт.-сост. О.Н. Иванищева, Ю.С. Митина

Подписано в печать 15.10.2015 г. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 6,7. Тираж 100 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе (РИО) МГГУ.

Мурманский государственный гуманитарный университет.  
183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15.